

О. Э. Коричъ.

РАЗБОРЪ ВОПРОСА

О

ПОДЛИННОСТИ ОКОНЧАНІЯ РУСАЛКИ

А. С. ПУШКИНА

ПО ЗАПИСИ Д. П. ЗУЕВА.

І.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лнн., № 12.

1898.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1898 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ, III т. (1898 г.), кн. 3-ьей, стран. 633—785.

Разборъ вопроса о подлинности окончанія

„Русалки“ Пушкина по записи Д. П. Зуева.

Какъ? неужели вы полагаете, что журнальная критика есть окончательный судъ произведеніямъ нашей словесности?

Пушкинъ (Отрывки изъ разговоровъ I т. V стр. 108 изд. Морозова).

Всякая строчка великаго писателя становится драгоценной для потомства.

Пушкинъ («Вольтеръ», т. V, стр. 306, изд. Морозова).

Окончаніе Пушкинской «Русалки», записанное Д. П. Зуевымъ и обнародованное въ «Русскомъ Архивѣ» съ примѣчаніями П. И. Бартенева, вызвало въ нашей печати нѣсколько разборовъ, изъ которыхъ лишь одинъ, и то съ оговорками, допускаетъ возможность того, что, по крайней мѣрѣ, кое-что въ этой записи восходить къ Пушкину, хотя и это немногое относится, повидимому, не къ тому плану драмы, который лежитъ въ основѣ известной намъ первой части «Русалки». Чуть-ли не всѣ прочіе критики рѣшительно отказываются признать запись г. Зуева подлинною и подкрѣпляютъ свое отрицательное отношеніе къ ней какъ общими соображеніями логическаго и отчасти историческаго свойства, такъ и частными, направленными противъ отдѣльныхъ оборотовъ, мѣстъ и словъ новоявленнаго конца «Русалки», самое существованіе котораго, въ томъ или иномъ видѣ, было

подвергнуто сомнѣнію. Впрочемъ вниманіе къ этой новинкѣ было непродолжительно: знатоки произнесли свой приговоръ, публика имъ повѣрила, и дѣло было предано забвенію. Хотя еще Пушкинъ жаловался на то, что «публикѣ почти дѣла нѣтъ до литературы» (Критическія замѣтки V 132 изд. Мор.), тѣмъ не менѣе, какъ бы ни были авторитетны судьи, какою бы убѣдительностью ни обладали приведенныя ими доказательства, — даже помимо «волшебнаго вліянія типографіи», надъ которымъ подсмѣивался Пушкинъ (тамъ-же 113) — вопросъ объ открытіи произведенія, приписываемаго Пушкину, не заглохъ бы такъ скоро, если бы въ нашемъ обществѣ былъ живъ тотъ литературный интересъ, которымъ отличались писатели и читатели 1830-ыхъ и 40-ыхъ годовъ, особенно при томъ условіи, что впервые обнародованная поэма не только предъявляетъ права на имя великаго поэта, но и заключаетъ въ себѣ нѣчто такое, что, по мнѣнію даже одного изъ забраковавшихъ ее критиковъ, въ самомъ дѣлѣ можетъ быть приписано Пушкину, да еще когда этотъ судья принадлежитъ несомнѣнно къ числу самыхъ основательныхъ знатоковъ всего, что касается исторіи Пушкинскихъ произведеній. Въ виду этихъ обстоятельствъ пересмотръ доводовъ за подлинность представленнаго г. Зуевымъ текста или противъ нея кажется далеко не излишнимъ. Само собою разумѣется, что на страницахъ академическаго изданія такая работа должна состоять не въ полемикѣ съ отдѣльными критиками, а въ строгомъ, по возможности научномъ, изслѣдованіи доступныхъ разбору сторонъ вопроса, хотя иногда невозможно пройти молчаніемъ ихъ возраженія не только вслѣдствіе неожиданности того или другого замѣчанія, но и потому, что самая эта неожиданность и своеобразность обвиненій нерѣдко даетъ поводъ къ выясненію различныхъ частныхъ въ творчествѣ Пушкина.

Къ числу сторонъ, которыя дѣйствительно допускаютъ разсмотрѣніе, менѣе всего принадлежатъ подробности личнаго участія г. Зуева въ дѣлѣ сохраненія прежде неизвѣстнаго отрывка поэзіи Пушкина, такъ какъ онѣ состоятъ въ связи не

только съ довѣріемъ къ памяти и добросовѣстности записывателя, но и требуютъ для своей провѣрки такого обстоятельнаго знанія частной жизни Пушкина и Губера и вообще тогдашнихъ отношеній, какое рѣшительно немислимо по прошествіи 60 лѣтъ съ того времени, о которомъ идетъ рѣчь: сколько бы ни удалось намъ собрать свѣдѣній по этой части, все-таки осталось бы обширное поле для догадокъ, за вѣрность которыхъ отвѣчать невозможно. Возстановленіе мелочей такого рода, своевременно не записанныхъ, бываетъ тѣмъ болѣе трудно, что часто сами участники событія оказываются не въ состояніи припомнить всѣ подробности его, потому что тогда не придавали имъ значенія или слишкомъ надѣялись на свою память, а когда впоследствии ихъ упорно разспрашиваютъ, какъ и что было, они, стараясь установить связь между своими отрывочными воспоминаніями, иногда прибѣгаютъ бессознательно къ натяжкамъ и впадаютъ въ противорѣчія и несообразности. Что касается самаго факта чудесной памяти Д. П. Зуева, то ей можно удивляться, пожалуй — завидовать, но для того, чтобы считать ее чѣмъ-то выходящимъ за предѣлы естественной возможности, нѣтъ никакихъ основаній: въ исторіи и Запада и Востока можно найти довольно такихъ личностей, которыя могли повторить слово въ слово прочитанный имъ однажды текстъ, особенно стихотворный. Въ біографіи персидскаго поэта Энвери разсказывается, что эмиръ Муиззи, придворный поэтъ шаха Санджара, которому онъ, тогда еще почти никому неизвѣстный, хотѣлъ прочесть свое стихотвореніе, умѣлъ посредствомъ этой способности устранять своихъ соперниковъ, обяывая ихъ до представленія ко двору прочитывать ему ихъ стихотворенія, предназначенныя для произнесенія передъ шахомъ, и затѣмъ повторяя эти стихотворенія ихъ авторамъ, какъ свои собственныя (см. В. А. Жуковский, Али Аухадэдинъ Энвери. С.-Петербургъ 1883 г., стр. 11). О самомъ г. Зуевѣ ходитъ такой-же разсказъ съ тою лишь разницею, что онъ воспользовался своею необыкновенною памятью на стихи для шутки, весьма смутившей одного извѣстнаго русскаго поэта,

читавшаго свое новое произведеніе въ пріятельскомъ кружкѣ. Вообще такая память есть рѣдкость только у насъ, такъ называемыхъ интеллигентовъ, привыкшихъ полагаться на письмо, а наше безграмотное простонародіе запоминаетъ пѣсни по слуху сразу и часто хранить большой запасъ ихъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Было-ли г. Зуеву во время чтенія Пушкина у Губера 14 лѣтъ или больше (во всякомъ случаѣ не меньше), по его-ли желанію Пушкинъ прочелъ «Русалку» во второй разъ и другія частности, касающіяся обстановки этого чтенія, — все это условія, несущественныя для рѣшенія вопроса о подлинности записаннаго имъ текста, безразличная mise en scène, которую слѣдовало бы оставить въ покоѣ хотя бы изъ уваженія къ правилу критики, высказанному Пушкинымъ: «ограничиваться замѣчаніями чисто-литературными, не примѣшивая къ онимъ догадокъ на счетъ постороннихъ обстоятельствъ, догадокъ, большею частію столь же несправедливыхъ, какъ и неблагопристойныхъ» (Объясненіе къ замѣткѣ объ Иліадѣ V, 91 Мор.). Да и къ чему терять трудъ и время на придирки къ единичнымъ чертамъ въ рассказѣ г. Зуева, когда при недовѣрїи къ нему первый вопросъ, который долженъ былъ представиться скептикамъ, состоитъ въ слѣдующемъ: точно-ли конецъ «Русалки» записанъ по памяти, а не списанъ? Въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы смѣяться ужь не надъ «чудеснымъ отрокомъ», а надъ насмѣшниками. Дѣйствительно важное затрудненіе заключается въ томъ, что г. Зуевъ записалъ (будто-бы) только конецъ «Русалки», и притомъ какъ разъ съ того мѣста, гдѣ обрывается несомнѣнно подлинная первая часть драмы, т. е. непосредственно послѣ стиха:

Откуда ты, прелестное дитя?

Почему онъ записалъ именно конецъ, онъ объясняетъ тѣмъ, что заключительныя сцены наиболѣе его поразили, и мы не находимъ уважительныхъ причинъ для того, чтобы сомнѣваться въ вѣрности этого показанія, хотя имѣемъ право дополнить его предположеніемъ, что эти сцены особенно врѣзались въ памяти молодого

человѣка между прочимъ потому, что онѣ послѣднія. Правда, и при такой редакціи объясненія г. Зуева оставалось бы страннымъ полное совпаденіе начала его записи съ концомъ напечатаннаго въ Современникѣ 1837 г. текста «Русалки»; но это совпаденіе оказывается только въ печатномъ текстѣ конца «Русалки», а въ подлинной записи г. Зуева сохранилось восемь заключительныхъ стиховъ первой части, которые читаются у него такъ ¹⁾:

Пропедаша ¹⁾ печальныя мечты
Вчерашняя мнѣ встрѣча обновила ²⁾.
Безумный мельникъ! ³⁾ какъ ужасенъ онъ!
Авось его опять ⁴⁾ сегодня встрѣчу

и т. д., какъ въ Современникѣ и въ изданіяхъ. О достоинствѣ встрѣчающихся здѣсь разночтеній можно, пожалуй, спорить, но въ данномъ случаѣ, важны не они, а то, что начало записи г. Зуева не совпадаетъ съ концомъ извѣстнаго до него текста; мало того: такъ какъ князь начинаетъ 6-ую сцену, къ которой принадлежатъ выписанные выше стихи, тѣми-же стихами, съ которыми выступаетъ въ 4-ой сценѣ —

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила — ,

кажется весьма естественнымъ, что въ той редакціи конца «Русалки», которую Пушкинъ читалъ у Губера, эти общіе двумъ сценамъ стихи были прочтены имъ лишь въ 4-ой сценѣ, а въ 6-ой онъ ихъ выпустилъ, и вмѣстѣ съ ними семь послѣдующихъ въ этой сценѣ. Если такимъ образомъ эта сцена начиналась прямо стихомъ

Пропедаша печальныя мечты,

вполнѣ понятно, почему г. Зуевъ началъ свою запись именно съ этого мѣста. Весьма знаменательно то обстоятельство, что самъ

---

1) Читенія въ текстѣ Современника 1837 г.:

1) Печальныя, 2) оживила 3) Отецъ несчастный! 4) опять его.

Дмитрій Павловичъ, хотя былъ очень огорченъ сомнѣніями въ вѣрности его записи, не придавалъ никакого значенія указаніямъ критиковъ на полное совпаденіе начала его текста съ концемъ печатнаго, какъ будто не могло быть и рѣчи о томъ, что онъ началъ записывать лишь съ того мѣста, гдѣ оканчивается ранѣе обнаруженный отрывокъ, и показалъ мнѣ восемь предшествующихъ стиховъ только послѣ того, какъ я объяснилъ ему, какое существенное недоразумѣніе въ глазахъ постороннихъ устраняется этими стихами.

При настоящихъ нашихъ свѣдѣніяхъ объ обстановкѣ и условіяхъ, при которыхъ г. Зуевъ слушалъ и записалъ конецъ «Русалки», едва-ли что существенное можно прибавить къ только-что изложеннымъ соображеніямъ, не дополняя отрывочные факты собственными домыслами, можетъ быть, остроумными, но неизбѣжно произвольными.

Подозрѣніе, исходящее изъ тезиса, что «аккуратность Пушкина въ храненіи рукописей не подлежитъ сомнѣнію», можетъ имѣть важность лишь для тѣхъ читателей, которые думаютъ, что все, чтò печатается въ новѣйшихъ изданіяхъ Пушкина, извлечено изъ его собственныхъ бумагъ.

Литературную провѣрку подлинности окончанія драмы критики основали на слѣдующихъ трехъ положеніяхъ: 1) Пушкинъ есть совершенство, 2) если конецъ «Русалки» сохранился, онъ долженъ былъ дойти до насъ въ окончательно отдѣланномъ видѣ, 3) если то, чтò даетъ намъ г. Зуевъ, дѣйствительно записано со словъ Пушкина, въ его записи нельзя допустить никакихъ погрѣшностей памяти. Правда, ни одинъ изъ критиковъ не высказываетъ этихъ основныхъ положеній, но нельзя иначе понять ихъ замѣчаній, что такой-то стихъ — не Пушкинскій, потому что не хорошъ, и конечнаго вывода, что, если въ этомъ текстѣ не все превосходно, онъ не можетъ восходить къ Пушкину. При этомъ не должно забывать, что эстетическая оцѣнка тѣхъ или другихъ мѣстъ и мотивовъ основана на личномъ вкусѣ каждаго критика, не всегда, конечно, совпадающемъ со вкусомъ самого Пушкина,

а никакъ не на сравненіи съ безспорно подлинными его произведеніями, хотя одинъ изъ критиковъ заявляетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что «лишь изученіемъ поэта до *мелочей* мы приобретаемъ способность отличать оригиналъ отъ поддѣлки или плохой копии и ограждаемъ себя отъ обидныхъ мистификацій». Что нѣкоторая часть нашихъ литературныхъ судей разумѣтъ подъ выраженіемъ «изученіе поэта до *мелочей*» (курсивъ подлинника), мы увидимъ ниже, при разборѣ отдѣльныхъ мѣстъ, а какъ опасно въ эстетической оцѣнкѣ руководиться личнымъ вкусомъ, видно изъ взаимныхъ разногласій между цѣнителями: гдѣ одинъ видитъ банальность, другой открываетъ живые образы, одинъ считаетъ самоубійство князя психологической нелѣпостью, другой находитъ это событіе до такой степени естественнымъ, что всякій читатель могъ предвидѣть именно такую развязку, и т. п. Особенной субъективностью отличается самый радикальный изъ противниковъ конца «Русалки»: онъ по большей части ограничивается постановкой цѣлыхъ тирадъ изъ него къ позорному столбу посредствомъ курсива, которымъ иногда отмѣчаетъ вполнѣ Пушкинскіе стихи. Поневолѣ вспомнишь отзывъ Пушкина о критикахъ на него самого: «Напримѣръ, одинъ изъ моихъ критиковъ, человекъ впрочемъ добрый и благонамѣренный, разбирая, кажется, Полтаву, выставилъ нѣсколько отрывковъ и вмѣсто всякой критики увѣрялъ, что таковыя стихи сами себя дурно рекомендуютъ. Что бы могъ я отвѣчать ему на это? А такъ поступали почти всѣ его товарищи. Ибо критики наши говорятъ обыкновенно: это хорошо потому, что прекрасно; а это дурно потому, что скверно. Отселѣ ихъ никакъ не выманишь» (Крит. зам. V 111 слѣд. изд. Мор.).

Кстати: «Пушкинскіе стихи» — что это такое? Это понятіе совсѣмъ не такъ опредѣленно, какъ то кажется многимъ цѣнителямъ поэзіи. «Пушкинскій стихъ» значить не тотъ, который мнѣ, такому-то, нравится или который находится въ печатномъ собраніи сочиненій Пушкина, а прежде всего — тотъ, который, будучи даже не совсѣмъ правиленъ по языку, по-

строены по Пушкинской технике: едва-ли можно дать иное определение, когда речь идет об отдельном стихе, без связи с предыдущим и с последующим, особенно до более точного выяснения частных. А что такое «Пушкинская техника» стиха? На этот вопрос не ответить ни один из наших эстетиков, а если ответить, то разве лишь фразой в роде следующей: «Возьмите русский стих, безукоризненный во всех отношениях, — вот Вам и Пушкинская техника». При таком положении дела мы не сходим с субъективной почвы, да еще часто усугубляем окутывающия нас потемки забвением той бесспорной истины, что у Пушкина есть стихи как будто не «Пушкинские», потому что он иногда пренебрегал правилами, которыми в других случаях следовал, сознательно или бессознательно. Так Пушкин говорит:

Признаться вамъ, я въ пятистопной строчкѣ
Люблю цезуру на второй стопѣ (Дом. въ Кол. VI
Анн., XII Мороз. т. III, 156).

И точно, въ пятистопном стихе ямбическомъ, а еще болѣе — трохаическомъ необходимость остановки послѣ второго ударенія, по крайней мѣрѣ, при пѣніи, доказывается ритмикой:

$\overset{\vee}{\text{Я}} \overset{\cup}{\text{васъ}} \overset{\vee}{\text{любилъ}}, \overset{\cup}{\text{любовь}} \overset{\vee}{\text{еще}}, \overset{\cup}{\text{быть}} \overset{\cup}{\text{можетъ}}.$
 $\overset{\cup}{\text{Онъ}} \overset{\vee}{\text{идеть}}, \overset{\cup}{\text{шагая}} \overset{\vee}{\text{черезъ}} \overset{\cup}{\text{трупы}}.$

Однако тутъ-же Пушкинъ и нарушаетъ это правило:

Съ тройнымъ созвучіемъ. Пущусь на славу.
Вѣдь рифмы запросто со мной живутъ (I).
Изъ мелкой сволочи вербую рать (III).
Немного отдохнемъ на этой точкѣ (VI Анн., XII Мор.)

и т. п. даже въ бѣлыхъ стихахъ, дающихся легче, нежели рифмованные, напр. въ первой сценѣ «Русалки»:

Порою исподволь, обинякомъ
О свадьбѣ заговаривать, а пуще (III, 457 Мор.)

Роднымъ да выгадать; подумать надо (тамъ-же)
Вы тотчасъ одурѣете: вы рады (тамъ-же).
Чего ужъ не воротить.— Почему же (458).
Да подговаривать васъ, бѣдныхъ дурь (тамъ-же).
Онъ самъ работаетъ — куда какъ жалко! (тамъ-же).
Умѣла выпросить на перестройку (тамъ-же)
Добро пожаловать! Давно, давно (459).
Чего мнѣ въ голову не приходило (тамъ-же).
Въ болото или пропасть; что медвѣдь (тамъ-же).
Нѣтъ, больше прежняго.— Однако ты (тамъ-же).
Тебѣ такъ показалось. Нѣтъ, я весель (460).
А нынче — слушаешь меня ты молча (тамъ-же).
Блаженства прочнаго: ни знатный родъ (тамъ-же).
И мы — не правда ли, моя голубка? —
Мы были счастливы. По крайпей мѣрѣ (461).
Сама ты разсуди. Князья не вольны (462).
Я это посулилъ — отдай ему (тамъ-же).
Отравой опоили. — Что съ тобою? (463).
И я, безумная, его пустила! (тамъ-же).
Мнѣ руки по локоть; пускай бы тутъ-же (тамъ-же).
Что съ нею?—Видишь ли—князья не вольны (тамъ-же).
Небось, подманивать, божиться, плакать (464).
Бѣдами нашими! А тамъ прощай:
Ступай, голубушка, куда захочешь (тамъ-же).
Кто можетъ помѣшать ему? Вотъ, то-то! (тамъ-же).
Какъ добрый человѣкъ, со мной прощаться (тамъ-же).
И деньги! Выкупить себя онъ думалъ! (тамъ-же).
Такъ горько упрекать отца родного (465).
Теперь все кончено... Охъ, горе, горе! (тамъ-же) —

итога въ 31 стихѣ на 230. Много уклоненій отъ цезуры на второй стопѣ и далѣе, какъ и въ прочихъ драматическихъ произведеніяхъ Пушкина, напр. въ «Скупомъ Рыцарѣ»:

Явлюсь я. Покажи мнѣ шлемъ, Иванъ (сд. I—III 168),

въ «Моцартѣ и Сальери»:

Ребенкомъ будучи, когда высоко (ср. I—185),

въ «Донъ Жуанъ»:

Въ плащѣ, со шпагою подъ мышкой, въ маскѣ (ср. I—
196),

въ «Пирѣ во время чумы»:

Почтенный предсѣдатель! Я напомяну (225).

Даже въ «Борисѣ Годуновѣ», гдѣ эта цезура вообще тщательно выдержана, встрѣчается стихъ безъ нея:

Ты, отче Патріархъ, вы всѣ, Бояре (ср. IV—8 Мор.).

Въ замѣткѣ V къ «Борису Годунову» Пушкинъ между прочимъ говоритъ: «я сохранилъ цезуру французскаго пентаметра на второй стопѣ и, кажется, въ томъ ошибся, лишивъ добровольно свой стихъ свойственнаго ему разнообразія» (III 83 Мор.). Этого построения Пушкинъ держался въ лирическихъ стихотвореніяхъ и въ эпиграммахъ неуклонно до 1829 г., и притомъ такъ, что допускалъ цезуру только мужскую (ямбическую или дактилическую), впрочемъ нерѣдко состоящую лишь въ томъ, что послѣ четвертаго слога оканчивается слово, хотя-бы по смыслу оно было тѣсно связано со слѣдующимъ за нимъ. Женская цезура является у него чуть-ли не впервые въ черновомъ монологѣ Изабеллы, относящемся къ 1827 г.:

Всегда печальна я; но избѣгаю (II, 24 Мор.),

если только здѣсь цезура не послѣ шестого слога, какъ въ написанномъ тогда-же четверостишіи къ княжнѣ С. А. Урусовой:

Молюсь тремъ граціямъ въ одной богинѣ (14).

Отрывокъ безъ римъ (переводъ первыхъ 32 стиховъ «Гимна Пенатамъ» Саути) «Еще одной высокой, важной пѣсни» (II, 85—86 М.), написанный въ 1829 г., содержитъ въ себѣ два стиха безъ цезуры на второй стопѣ:

По мнѣнью мудрецовъ, причина вы.

Часы неизъяснимыхъ наслажденій.

Въ 1830 г. написаны сонетъ «Суровый Дантъ не презиралъ сонета» (II 97) и элегія «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье» (II, 101) по прежнему образцу, а отрывки «Въ началѣ жизни школу помню я» (II, 115—117) и «Мѣдокъ» (II, 125) и поэма «Домикъ въ Коломнѣ» (III, 153—166) — съ вольной цезурой, какъ и въ 1834 г. стихотвореніе безъ рѣймъ «Мицкевичъ» (II, 166—167), и такимъ-же образомъ въ 1835 г., также безъ рѣймъ, «Вновь я посѣтилъ» (II, 182—183), но «19 Октября 1836 г.» (II, 191—192) построено по образцу такого-же стихотворенія 1825 года. Что касается драматической поэзіи, къ которой относится и упомянутый монологъ Изабеллы, Пушкинъ въ 1828 г. написалъ начало первой сцены «Русалки»²⁾ уже безъ соблюденія обяза-

---

2) См. В. (Е.) Я(кушкина), Рукописи Александра Сергѣевича Пушкина, хранящіяся въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ (Русская Старина, изд. 1884 г. XLIII июль, стр. 50). Кстати перечислимъ здѣсь по годамъ произведенія Пушкина, написанныя пятистопнымъ ямбомъ, съ указаніемъ на томы и страницы изданія г. Морозова: 1814 г. — Эвлега (I, 15—17), эпиграмма «Супругою твоей я такъ плѣнился» (52); 1815 — Разсудокъ и любовь (90—91), Къ баронессѣ Марьѣ Антоновнѣ Дельвигъ (105), «Отъ всенощной, вечеръ, идя домой» (16 стиховъ, между ними одинъ четырехстопный, одинъ шестистопный — VII Дополн. библиогр. примѣчанія L); 1816 — посланіе къ князю А. М. Горчакову «Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатою весной» (I, 130—131), Сонъ (132—137), Желаніе («Медлительно влекутся дни мои» 139—140), Осеннее утро (140—141), Разлука (Уныніе — 141—142), Элегія «Опять я вашъ, о юные друзья» (148—151), Твой и мой (159), Она (160); 1817 — Княгиня Е. И. Голицыной (185); 1818 — Къ портрету Жуковского (193), «Какъ сладостно — но, боги, какъ опасно» (197); 1819 — Уныніе (201), Къ А. М. Горчакову «Питомецъ модъ, большого свѣта другъ» (211—212), къ нему-же «Ужъ я не тотъ! мои златые годы» (212); 1820 — «Мнѣ бой знакомъ — люблю я звукъ мечей» (219), Эпиграмма «Хавроніосъ! ругатель закоснѣлый» (230); 1821 — Желаніе («Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы» 235—237), «Наперсница волшебной старины» (246—247), эпиграмма «Оставя честь судьбѣ на произволь» (VII Доп. библи. прим. LVIII); 1823 — элегія «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты?» (I, 294—295), напечатанная лишь за границей неприличная поэма (отрывки изъ нея II, 342—346 и VII Доп. библи. прим. LX); 1824 — Коварность (I 321); 1825 — эпиграмма Пріятелямъ (345), эпиграмма «Живъ, живъ курилка» (347—348), эпиграмма *Ex ungue leonem* (349), Движеніе (353), эпиграмма Совѣтъ (354), 19 Октября 1825 г. (355—361), начало первой пѣсни «Дѣвственницы» Вольтера (371), Борисъ Годуновъ (III, 1—73);

тельной цезуры послѣ четвертаго или пятаго слога и, какъ мы видѣли, не только не отказался отъ этой вольности въ послѣдующихъ драмахъ, но и распространилъ ее на бѣлые пятистопные ямбы любого содержанія и на болѣе или менѣе длинныя произведенія даже лирическія (кромѣ послѣдняго стихотворенія на Лицейскую годовщину — по причинѣ, объясненной выше). Эта переѣна взгляда Пушкина на построеніе пятистопнаго ямбическаго стиха находится, вѣроятно, въ связи съ постепеннымъ переходомъ отъ образцовъ французскихъ (Вольтера, Грессе, Парни) къ англійскимъ (Шекспиру, Байрону, отчасти Саути и Уильсону). Однако въ 1830 г. Пушкинъ снова высказался за принятую Французами цезуру, хотя только платонически. И такъ Пушкинъ на этотъ счетъ въ различныя эпохи держался различныхъ мнѣній и даже въ одну и ту-же эпоху противорѣчилъ са-

1826 — «Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось» въ письмѣ къ Великопольскому (VII, 181); 1827 — княжѣ С. А. Урусовой (II, 14), Три ключа (16), монологъ Изабеллы (23); 1828 — Рефутація Беранжера (54—55), эпиграмма Любопытный (57); 1829 — «Я васъ любилъ; любовь еще, быть можетъ» (63), эпиграмма Литературное извѣстіе (78), эпиграмма «Обиженный журналами жестоко» (79), эпиграмма Притча (81), эпиграмма «Поэтъ-игрокъ, о Беверлей-Гораций» (83), отрывокъ «Еще одной высокой, важной пѣсни» (85—86); 1830 — сонетъ «Суровый Дантъ не презиралъ сонета» (97), элегія «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье» (101), «Въ началѣ жизни школу помню я» (115—117), отрывокъ Мѣдокъ (125), Домикъ въ Коломнѣ (III, 153—166), Скупой рыцарь (168—184), Моцартъ и Сальери (185—193), Каменный гость (195—224), Пиръ во время чумы (225—232); 1834 — Мицкевичъ (II, 166—167); 1835 — «Вновь я посѣтилъ» (182—183); 1836 — 19 Октября (191—192). Сверхъ того «Русалка», первая сцена которой (до «Пойду тебѣ готовить угощенье») написана не ранѣе Ноября 1828 г., кончена 12 Апрѣля 1832, пѣсня русалокъ въ началѣ четвертой сцены — между Январемъ и Юлемъ 1830 (см. В. Е. Якушкина тамъ-же XLIV Ноябрь, стр. 355), и набросанное въ 1833 г., но совсѣмъ неотдѣланное стихотвореніе «Ты мнѣ совѣтуешь, Плетневъ любезный» (III, 422), гдѣ далѣе цезура на второй стопѣ выдержана, конечно, кромѣ прозаической строчки «Составить, стало быть, за каждую строфу сто сорокъ» (изъ чего легко извлечь стихъ: То есть, за каждую строфу сто сорокъ). «Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ» (VII, 130, примѣч. 2)—стихъ Жуковскаго. Пятистопные ямбы встрѣчаются у Пушкина и въ другихъ стихотвореніяхъ, между шестистопными и четырехстопными, иногда и трехстопными (I, 179), и въ этихъ случаяхъ цезура падаетъ, кажется, неизмѣнно послѣ четвертаго слога

тому себѣ. Какъ-же отличить «Пушкинскій» пятистопный ямбическій стихъ (взятый одиночно) отъ «не-Пушкинскаго?».

Приписывается Пушкину нарушеніе цезуры и въ александрійскомъ стихѣ, да еще въ произведеніи 1834 г., именно въ Странникѣ:

Пока спасенья тѣсныхъ вратъ ты не достигъ (II, 166);
но это тѣмъ менѣе вѣроятно, что онъ, конечно, догадался бы размѣстить слова такъ:

Пока ты тѣсныхъ вратъ спасенья не достигъ.

Но такой стихъ могъ проскочить и у Пушкина въ черновомъ наброскѣ, каковъ отрывокъ изъ комедіи начала 1820-хъ годовъ:

Все жалобы, упреки, слезы — мочи нѣтъ! (II, 313).

Въ четырехстопномъ трохеѣ Пушкинъ держался того, совершенно вѣрнаго правила, чтобы первое главное (прозаическое и вмѣстѣ логическое или риторическое удареніе) падало не на первый слогъ, какъ въ Державинскомъ стихѣ

Съ бѣлыми Борей власами,

а на третій, какъ

Кобылица молодая;

однако мѣстами и у него встрѣчаются стихи, не только подобные слѣдующимъ:

Вѣтеръ что ли, плачутъ очи,
Дрѣжь беретъ; въ рукахъ нѣтъ мочи (Воевода).
Мудрый послѣ третьей чаши («Богъ веселый винограда»).

Что же? вмѣсто Вурдалака (Вурдалакъ),

но и такіе, гдѣ удареніе на третьемъ слогѣ безусловно невозможно, и не только въ раннихъ произведеніяхъ, но и въ самыхъ позднихъ:

- 1815 г.:
Помнишь ли, мой братъ по чашѣ (Воспоминаніе I, 79).
Помнишь ли друзей шептанье (тамъ-же 80) ³⁾.
- 1816 г.:
Стелется туманъ ненастный (Къ Наташѣ 169).
Хладенъ ручеекъ игривый (тамъ-же).
- 1819 г.:
Каждый у своей гробницы (Кривцову 200).
- 1820 г.:
Только что картежный воръ (На Ѳ. И. Толстого 231[̄]).
- 1822 г.:
Съ счастіемъ у васъ разладъ («Нѣтъ ни въ чемъ вамъ
благодати» 282).
- 1825 г.;
Полно, не болтай пустого. Мертвыхъ намъ не воскре-
ситъ (Борисъ Годуновъ, исключенная сцена III, 78).
- 1829 г.:
Блеща средь полей широкихъ (Донъ II, 68).
- 1831 г.:
Въ тѣ поры война была (Сказка о царѣ Салтанѣ III,
425).
До-пьяна гонца поять (426) ⁴⁾.
Времени не тратя даромъ (тамъ-же).
Выплесни ты насъ на сушу (427).
У моря искать дичины (428).
Дѣвицу въ живыхъ оставилъ (429).
По морю по окіану,

---

3) Ср. Батюшкова Ложный страхъ:

Помнишь-ли, мой другъ безцѣнный.

4) Возможно и «До пьяна»; но тогда соединительная черта была-бы излишня. Чья она?

Къ славному царю Салтану (430, 435, 439, 445).

Съ берега душой печальной (430).

Около царя сидять (431, 435, 440, 445).

За моремъ житье не худо (432, 436, 441, 445).

Выстроилъ хрустальный домъ (434).

Дядька впереди идетъ (439, 444).

За моремъ царевна есть (441).

Мѣсяцъ подъ косой блестить (442, 443 дважды, 446).

Слушай: обо всемъ объ этомъ (443).

Дома на сей разъ остался (445).

Матушка моя родная (447).

1833 г.:

Слушать, такъ душѣ отрадно («Свать Иванъ, какъ
пить мы станемъ» 149).

Бабушка, постой немножко (Сказка о мертвой ца-
ревнѣ 522).

Ахъ!... и зарыдали оба (528).

1834 г.(?):

Нѣгдѣ, въ тридевятомъ царствѣ (530).

Смолоду былъ грозень онъ (тамъ-же).

Инда забывалъ и сонъ (тамъ-же).

Помнишь? за мою услугу (534).

Часто встрѣчаются такія стихи въ шуточныхъ стихотворе-
ніяхъ, которыя Пушкинъ вставлялъ въ свои письма.

Само собою разумѣется, что Пушкинъ, какъ истинный ху-
дожникъ, заботился и о достоинствѣ рѣзмы; но, конечно, самъ
онъ не одобрялъ такихъ созвучій, каковы слѣдующія (1824 —

1833 г.):

Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздѣ —

Не говори: «онъ боленъ, онъ дитя (Кюварность I,
321 М.).

Коляска на бокъ. «Филька! Васька!

Кто тамъ? скорѣй! Вонъ тамъ коляска (Графъ Ну-
линъ III, 88).

Нѣтъ, не Черкешенка она —

Такая дѣва не сошла (Отвѣтъ Ѳ. А. Туманскому II, 6).

Я взглянулъ на небеса —

Ваши синіе глаза (Е. В. Вельяшевой «Подъѣзжая подъ
Ижорь» II, 41) ⁵⁾.

Привезъ учености плоды:

Вольнолюбивыя мечты (Евгеній Онѣгинъ гл. 2 VI).

Онъ съ лирой страствовалъ на свѣтъ:

Подъ небомъ Шиллера и Гёте (тамъ-же IX).

Они ей замѣняли всё —

И Ричардсона и Руссо (тамъ-же XXIX) ⁶⁾.

И вѣрный посохъ мнѣ вручишь,

Не дай блуждать мнѣ вкось и вкривъ (тамъ-же 7 LV).

Но ужъ дробить камня молотъ —

Покроется спасенный городъ (Путешествіе Онѣгина
III, 410 М.) ⁷⁾.

---

5) Впрочемъ ср. въ письмѣ Пушкина къ А. Н. Вульфу отъ 1829 г. объ П. И. Эгельстромѣ: «На дняхъ исправилъ онъ наши общіе стихи слѣдующимъ образомъ:

Подъѣзжая подъ Ижоры»

и т. д. (VII 213). Риему «небеса—глаза» Пушкинъ употребилъ уже въ 1812 г. (Пѣсня I 1).

6) Ср. Державина «На возвращеніе гр. Зубова» въ строфѣ 9:

Внизу, вверху ты видѣлъ всё—

Вертяще міра колесо.

Въ третьей изъ откинутыхъ Пушкинымъ строфъ послѣ XVII той-же главы есть и такая риема:

Ужъ я не тотъ — и хладнокровный

Ввѣряюсь вѣтреной мечтѣ:

Не ставлю грозно карты темной (III, 269—270).

Лучше было бы «хладнокровно», какъ Пушкинъ, можетъ быть и написалъ.

7) Особое мѣсто по всему своему складу занимаетъ «Сказка о попѣ и о

Звѣздой блестятъ ея глаза —

Но не единая краса (Полтава п. 1-я=т. III 109).

Луна спокойно съ высоты —

И пышныхъ Гетмановъ сады (тамъ-же п. 2-я=127).

Свѣтлица тихая пуста —

Но вокругъ широкаго пруда (тамъ-же 137).

Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,

Старикъ Палѣй изъ мрака ссылки (тамъ-же 3=139)⁸).

Я васъ узналъ, о мой оракулъ —

Сихъ недописанныхъ каракуль (Отвѣтъ Ек. Н. Ушаковой II, 87).

Не то бѣда, что ты Полякъ:

Костюшко — Ляхъ, Мицкевичъ — Ляхъ (На Булгарина 89).

Колокольчикъ динь-динь-динь —

Средь невѣдомыхъ равнинъ (Бѣсы 92).

Колокольчикъ динь-динь-динь —

Средь бѣлѣющихъ равнинъ (тамъ-же 100).

Къ четырехъстопнымъ ябамъ, мѣрѣ низкой —

Онъ мнѣ не въ мочь. А стихъ александрійскій? —

Извилистый, проворный, длинный, склизкій (Домикъ въ Коломнѣ VI=III 154).

На буркѣ хладный трупъ. Толму —

Слагаютъ тѣло на арбу (Галубъ=III 540).

Блѣднѣющій въ трудахъ, ученьи и посты,

За нравы строгіе прославленный вездѣ (Анджело, ч. 1-я III=III, 576).

работникѣ его Балдѣ съ приемами, каковы *«полбы—полный»* III, 451, *«морщить—корчить»* 153, *«сброка—срока»* тамъ-же, *«уговору—приговору»* тамъ-же, *«приходитъ—находитъ»* тамъ-же: въ этой сказкѣ Пушкинъ сознательно замѣняетъ иногда риму ассонансомъ, по-народному.

8) Но п. 3-я (148):

Съ горестью глубокой
Любовникъ ей внималъ жестокой.

Ср. Е. О. 2 XV: *«улыбкой—зыбкій»*.

Въ болѣ раннихъ стихотвореніяхъ Пушкина встрѣчаются между прочимъ такія рѣмы: (1814) «богатства—государства» Къ другу стихотворцу I, 10, «Коломоны — волны» Кольна 12, «Кольна — невольной» тамъ-же, «брегъ — повергъ» тамъ-же 13, «волны — Кольны — Коломонъ» тамъ-же 15, «цвѣтовъ — любовь» Леда 21, «красоты — воды» тамъ-же два раза, «мракъ — крылахъ» Къ Натальѣ 25, «Наталья — серала» тамъ-же, «Китайца — Американца» тамъ-же, «любовь — оковъ» Опытность 28, «словъ — любовь» тамъ-же, «весельи — исчезли» Блаженство 29, «вздоховъ — рокомъ» тамъ-же 30, «наставленья — веселья» тамъ-же 31, «рожденный — задуманный» Пирующіе студенты 33, «лѣнивцевъ — любимцевъ» къ Батюшкову 34, «россійскій — тѣисскій» тамъ-же⁹⁾, «духъ — другъ»¹⁰⁾ тамъ-же, «полдневны — темны» Городокъ 41, «предстоятъ — отрывать» тамъ-же 43, «любезный — прелестной» тамъ-же, «Аристархъ — томахъ» тамъ-же 44, «безцѣнный — Мельпомены» тамъ-же 45, «радъ — писать» тамъ-же 46, «творцы — часы» тамъ-же, «макъ — крылахъ» тамъ-же 48, «колыняхъ — меня — томленьяхъ — она» тамъ-же, «вдаль — пропахъ» тамъ-же 49, «другъ — духъ» тамъ-же, «старушки — ручкѣ» тамъ-

9) Ср. Державина Русскія дѣвушки:

Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ Тѣисскій —

Пляшутъ дѣвушки Россійски.

10) Такія рѣмы встрѣчаются напр. у Фета, который, какъ южный Великороссъ, вмѣсто *-из* произносилъ *-ихъ* (но *и* по сѣверному, а не такъ, какъ Малороссы и т. п.), Пушкинъ-же, говорившій по средне-русски, для оправданія такихъ созвучій не могъ сослаться на свое нарѣчіе. Что здѣсь не замѣшанъ никакой провинциализмъ, видно уже изъ его сопоставленій *к* съ *х* передъ гласной, а съ другой стороны, какъ увидимъ ниже, *г* съ *к*. Звукъ малорусскаго *г* Пушкинъ, конечно, произносилъ въ словахъ *Бога, богатый, ага* (междом.) и т. п., но въ рѣмѣ онъ не отличалъ его отъ сѣвернаго *г*, напр. (по изд. Мор.) I, 174, 186, 218, 203, 231, 243, 269, 301; II, 18, 54, 107, 242, 311, 340; III, 156 (Домъ въ Кол. III), 166 (LIII), III, 442 (Сказка о царѣ Самтанѣ), 518 (Сказка о Мертвой царевнѣ), 554 (Род. м. гер. стр. VIII, 1-ой ред.), 572 (М. Вс. ч. 2-я), Евг. Онѣгинъ I V, XXXVIII, LVIII, 3 II, XXXI (письмо Татьяны), 7 XXIV. *Богъ* рѣмуется съ *могъ* I 125 (Амуръ и Гименей) и II 352 (Цыганы) и даже съ *онокъ* 181 (Торжество Ваха), *бои* — съ *нои* 191 (Выздоровленіе). У Державина въ одѣ «На знатность» есть рѣма «духъ — услуги» (строфа 8), въ «Вельможѣ» — «духъ — другъ» (стр. 8), а выше — «чертовъ — богъ» (стр. 7), въ «Зимѣ» — «сокъ — Богъ» (посл. стихъ).

же, «*проводать — виноватъ*» тамъ-же 51, «*повоситъ — морозитъ*» Несчастіе Кліма 52; (1815) «*стороны — одни*» Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ 56, «*отчизны — жизни*» тамъ-же, «*выступалъ — вдаль*» Казакъ 58, «*луна — коня*» тамъ-же 59, «*подойти — воды*» тамъ-же, «*страхъ — казакъ*» тамъ-же, «*Иппокреной — напоенный*» Въ пещерахъ Геликона 77, «*рано — безпрестанно*» тамъ-же, «*тпсной — любезной*» Посланіе къ Галичу 85, «*лежу — пишу*» тамъ-же, «*нынъ — именины*» Горчакову 83, «*мохъ — рога*» Сраженный рыцарь 91, «*глухомъ — холмъ*» тамъ-же 92, «*череды — груди*» Мое завѣщаніе 93, «*наклоненнымъ — Лафонтеномъ*» Письмо къ Юдину 98, «*слѣды — цвѣты*» тамъ-же 101, «*кущи — ущи*» эпиграмма «*Бывало, прежнихъ лѣтъ герой*» 106; (1816) «*кровъ — любовь*» Фавнъ и Пастушка 111, «*вѣтерка — нога*» тамъ-же 113, «*любезный — безвѣстный*» тамъ-же 114, «*любовь — боговъ*» Посланіе къ Горчакову 131, «*безмолвы — волны*» Сонъ 134; (1817) «*Ермака — рога*» Посланіе къ В. Л. Пушкину 173, «*дымомъ — отыметъ*» Добрый совѣтъ 176; (1819) «*свѣтелъ — пелелъ*» Кривцову 200, «*жизни — укоризны*» Стансы Толстому тамъ-же, «*рука — нога*» На А. М. Колосову 213; (1820) «*Галла — внушала*»¹¹⁾ Ода Вольность; (1821) «*безполезныхъ — прелестныхъ*» Десятая Заповѣдь 261. Кромѣ того въ «*Русланъ и Людмила*» (1817—1820): «*бездыханна — Діана*» п. 4-я II 246, въ «*Кавказскомъ плѣнникѣ*» (1821): «*волны — безмолвый*» ч. 1-я 285, «*достигъ — нихъ*» ч. 2-я 295, въ «*Бахчисарайскомъ Фонтанѣ*» (1822): «*неотлучный — равнодушный*» 224.

Въ этотъ счетъ не вошли три рода бѣдныхъ рѣмъ, нерѣд-

---

11) Впрочемъ Пушкинъ вообще не любилъ удвоенія согласныхъ, какъ можно заключить изъ рѣмъ въ родъ упомянутыхъ здѣсь «*безцѣнный — Мельпомены*», «*бездыханна — Діана*», также «*Изабелла — сидѣла*» Анджею ч. 1 VIII (III, 578) или «*дѣлѣ — Изабеллѣ*» тамъ-же. Правописаніе «*дона*» (напр. Дона-Анна), въ которомъ издатели удваиваютъ согласную, какъ, можетъ быть, и въ нѣкоторыхъ другихъ иноязычныхъ словахъ и именахъ, зависитъ ли отъ этой причины или объясняется непониманіемъ испанскаго значка *ñ* надъ *n* (*doña*—донья), можно будетъ рѣшить съ увѣренностью лишь тогда, когда мы лучше ознакомимся съ правилами или привычками, усвоенными себѣ Пушкинымъ въ употребленіи буквъ.

кіе у Пушкина, какъ и у другихъ поэтовъ того времени, почему позволимъ себѣ ограничиться гольми ссылками на изданіе г. Морозова:

1) «любви — мои» (твоя, свои): I, 1, 101, 114, 119, 139, 147, 162, 170, 189, 295, 313, 314, 329, 343, 351, 353; II, 22, 135, 215 (Р. и Л.), 217, 257, 265, 290 (К. Пл. ч. 2-я), 345 (Гавр.), Е. О. 1 XLIX, 4 XXXIV, «любви — струи» III, 104 (Сц. изъ Ф.);

2) вообще созвучіе смягченныхъ согласныхъ, особенно *л, р, н*, со стоящими въ началѣ слога *и, я, ю*, т. е. иначе говоря, съ ихъ *ј*: «я — меня» I 2, «я — тебя» 25, «я — нельзя» 25—6, «моя — тебя» 38, «мои — зари» 95, «поля — друзья» 133, «свои — Парни» 154, «друзья — поля» 176, «я — октябрю» 199, «мою — сію» 368, «я — меня» 370, «пою — люблю» II 22, мои — земли» 23, «моя — меня» 26, «твоя — дни» 28, «края — ноябрю» 41, «меня — я» 139, «дитя — я» 142, «я — поля» 155, «мои — почмы» 165, «меня — я» тамъ-же, «себя — я» 219 (Р. и Л. п. 2), «меня — я» 361 (Цыг.), «тебя — я» III 105 (Сц. изъ Ф.), «твою — люблю» 124 (Полт. п. 2), «меня — моя» 125, «мою — мою» 130, «королю — свою» 148 (п. 3), «меня — воробья» 158 (Д. въ к. III), «я — меня» 534 (Ск. о зол. пѣт.), «мою — удаю» 547 (Гал.), «нельзя — я» 580 (Андж. 1 XII), въ Е. О. «колеи — земли» 7 XXXIV, «Кремля — моя» XXXVII, «я — меня» Альб. 1 (III, 415); въ стихотвореніи 1814 г., къ сестрѣ, даже «тебя — меня» (I 7);

3) *е* вмѣсто *ё*, какъ «Черкеса — утеса» (III, 410 Путеш. Он., 543 Гал.), иногда и наряду съ *ь*, чѣмъ уничтожается сходство даже оптическое, напр. «льсь — грезь» I, 155, «желъзы — слезы» 219 и II, 290 (К. Пл.), «тяжелой — оробьлой» I, 258, «чемъ — тьмъ» Е. О. 2 XXXIV.

О приемѣ въ «Домякѣ въ Коломякѣ» сказано между прочимъ слѣдующее:

Вы знаете, что приемой наглагольной
Гнушаемся мы. Почему? спрошу (стр. II).

Отвѣтить на этотъ вопросъ не трудно: наглагольная риема (т. е. такая, въ которой риемуется одно и то-же глагольное окончаніе при одинаковой гласной основы глагола или времени, напр. говор-и-лъ—ход-и-лъ, игра-е-шь—сія-е-шь) дешева, потому что черезчуръ легка, и пошла, потому что безсодержательна, такъ какъ захватываетъ лишь служебную часть слова, а если находится въ одномъ и томъ-же періодѣ, то влечетъ за собою однообразное построеніе предложеній. Первыхъ двухъ недостатковъ нѣтъ въ риемахъ «*бѣжилъ — уничтожилъ*», «*заставлю — направлю*»; они нѣсколько сноснае въ такихъ, какъ «*жилъ—служилъ*», гдѣ грамматическая риема немного скрашивается тождествомъ предшествующаго корневого согласнаго звука, хотя, по смыслу правила, онъ не входитъ въ составъ риемы. Пушкинъ, рассуждая тамъ-же о наглагольной риемѣ, замѣчаетъ безо всякихъ оговорокъ:

По большей части такъ и я пишу.

Къ чему? скажите; ужъ и такъ мы голы.

То и другое — совершенно справедливо: у Пушкина есть примѣры широкаго употребленія наглагольныхъ риемъ, какъ въ «Братяхъ разбойникахъ»:

но я напрасно

Страдальцу воду подавалъ:

Онъ снова жаждою томился,

И градомъ потъ по немъ катился.

Въ немъ кровь и мысли волновалъ

Жаръ ядовитаго недуга;

Ужъ онъ меня не узнавалъ

И поминутно призывалъ

Къ себѣ товарища и друга.

А «голь» мы въ томъ смыслѣ, что при множествѣ и отчасти длинѣ флексивныхъ окончаній (не говоря уже объ окончаніяхъ производственныхъ) намъ бываетъ трудно подобрать риемы изъ области различныхъ грамматическихъ образованій, каковы «*рѣ-*

жетъ — *скрѣжетъ*) (у Пушкина дважды: въ третьей пѣсни «Полтавы» и во второй части «Мѣднаго Всадника»), *канать* — *ланоть* (въ шестой главѣ «Евгенія Онѣгина» ХLI), «*молодая* — *изнывая*», «*утѣшенъ* — *черѣшенъ*», «*утѣшеній* — *гѣній*», «*помѣстилъ* — *сѣлъ*», тогда какъ напр. Англичанамъ ничего не стоитъ приискать такія созвучія безо всякой грамматической связи, какъ въ слѣдующихъ стихахъ Байрона (Stanzas to Augusta):

Though the day of my destiny 's over
And the star of my fate hath declined,
Thy soft heart refused to discover
My faults which so many could find,

гдѣ всего одно грамматическое окончаніе (прич. прош. вр. страд. зал.), да и оно рѣмается съ формой, представляющей собою чистый корень. Что Пушкинъ, называя насъ голыми относительно рѣмы, разумѣлъ именно бѣдность на созвучія, не зависящія отъ словообразованія, тому доказательствомъ служить его отзывъ о рѣмѣ въ «Мысляхъ на дорогѣ» (Тверь): «Думаю, что со временемъ мы обратимся къ бѣдному стиху. Рѣмъ въ Русскомъ языкѣ слишкомъ мало. Одна вызываетъ другую: *пламень* неминуемо тащить за собою *камень*, изъ за *чувства* выглядываетъ непременно *искусство*¹²⁾. Кому не надоѣли *любовь* и *кровь*, *трудной* и *чудной*, *тѣрной* и *лицемѣрной* и проч.» (V, 233).

Рѣма есть украшеніе чисто звуковое, и, чѣмъ меньше общаго по смыслу между связанными ею словами, тѣмъ она лучше. Поэтому можно допустить, хотя, говоря строго, не безъ натяжки, рѣму между словами одного корня, если сознаніе ихъ сродства не присуще читателю, разумѣется, не лингвисту. Таковы у Пушкина почти общепринятые рѣмы «*вижу*—*ненавижу*» I, 71 («*видѣть* — *ненавидѣть*» 239 и Альб. Он. 6, «*ненавидя* — *видя*» Е. О. I LI, «*видитъ* — *ненавидитъ*» Е. О. 7 LIII), «*бытъ* —

12) Отсюда слѣдуетъ, что Пушкинъ, какъ, повидимому, всѣ его современники, произносилъ *чувство* (безъ *в*). Рѣма съ *искусство* у него I, 105, 245, 298, II, 25, 98, Е. О. 2 IX, 3 XXIV, 4 IV вар., XII, 6 XXVI.

забытъ» 130, «забуду — буду» 245 (и 305, наоборотъ 241, «позабуду — буду» 282), «совѣсть — повѣсть» 256 (и II 308 Бр. Разб.), «внятномъ — пріятномъ» 302, «внемлетъ — объемлетъ» II, 330 Бахч. Ф. (и 360 Цыг.), «какъ нибудь — будь» III (Сц. изъ Ф., гдѣ въ изд. Мор. замѣнена многоточіемъ стр. 132 т. II изд. Ефремова—Анскаго). Можно спорить о предѣлахъ этой вольности, которые тѣмъ шире, чѣмъ менѣе человѣкъ отдаетъ себѣ отчетъ въ значеніи выговариваемыхъ имъ звуковъ, почему народъ вполне удовлетворяется такими приемами, какъ «пошелъ — нашелъ», нисколько не смущаясь тѣмъ, что созвучіе здѣсь, за вычетомъ предлоговъ, основано на повтореніи того-же слова въ той-же грамматической формѣ; но, какъ бы то ни было, въ нѣкоторыхъ изъ слѣдующихъ примѣровъ никто изъ читателей Пушкина не откажется признать болѣе рѣзкое нарушеніе законовъ рѣемы, чѣмъ въ предшествующихъ. Ранніе примѣры снова отмѣтимъ цифровыми ссылками на томы и страницы изданія г. Морозова съ заглавіями лишь крупныхъ произведеній: «повѣса — завѣса» I 32, «приходимъ — находимъ» 61, «скажи — укажи» 92, «непонятномъ — внятномъ» 101, «дозоры — взоры» 125, «напоръ — споръ» 131, «поноситъ — приноситъ» 241, «довольной — своевольной» 320, «позоръ — взоръ» 369, «народа — рода» II 217 (Р. и Л. п. 2), «внятный — понятный» 231 (п. 3), «сводятъ — уводятъ» 245 (п. 4), «приносятъ — проносятъ» 256 (п. 5), «упрямо — прямо» 307 (Бр. Разб.), «выражаетъ — отражаетъ» 322 (Б. Ф.), «непонятенъ — вняттенъ» 333, «доволенъ — воленъ» 355 (Цыг.), «укажетъ — скажетъ» 357, «воленъ — доволенъ» 365. Послѣ 1824 года въ «Андрѣѣ Шенъе»:

Когда гроза пройдетъ, толпою суетной

Сбирайтесь иногда читать мой свитокъ *върный* (I, 339),

въ «Графѣ Нулинѣ»:

То выражается *привѣтно*,

То вдругъ потушенъ *безотвѣтно* (90),

тамъ-же:

И лжетъ предъ барыней *отважно*.
Теперь она толкуеть *важно* (III, 91),

въ балладѣ «Женихъ»:

Обидѣлъ кто тебя, *скажи*,
Хоть только слѣдъ намъ *укажи* (98),

во второй пѣсни «Полтавы»:

Она сама вамъ все *разскажетъ*,
Сама всѣ клады вамъ *укажетъ* (III, 130),

и черезъ два стиха:

Гдѣ спрятали деньги? *укажи*.
Не хочешь? — Деньги гдѣ, *скажи*,

въ той-же пѣсни:

Безчестья дочери не *снесъ* —
Царю на гетмана *донесъ* (134),

тамъ-же:

«Ужъ поздно», кто-то имъ *сказалъ*
И въ поле перстомъ *указалъ* (136),

въ третьей:

Что дѣлать, далъ я промахъ *важный* —
Онъ мальчикъ бойкій и *отважный* (140),

въ «Домикѣ въ Коломнѣ» IX:

У насъ его недавно стали *знать* —
Спросить и хорошенько все *узнать* (155)¹³⁾,

---

13) Впрочемъ позволительно, кажется, поставить вопросъ, не слѣдуетъ-ли читать «гнать» вмѣсто «знать», потому что александрійскій стихъ, о которомъ идетъ рѣчь въ этой октавѣ, былъ извѣстенъ въ русской литературѣ, по малой мѣрѣ, со времени Сумароковскаго «Хорива». Иное дѣло — гоненіе на этого любимый классиками размѣръ и ограниченіе его употребленія лишь немногими

тамъ-же XXIV:

Дня три тому, туда ходилъ я *вмѣстѣ* —
Лачужки этой нѣтъ ужъ тамъ. На *мѣстѣ* (159),

тамъ-же LIII:

Скликали рать и съ похвальбою *или* —
Ужель иныхъ предметовъ не *нашли*? (166),

въ первой главѣ «Евгенія Онѣгина» I:

Когда не въ шутку занемоу —
И лучше выдумать не *моу*,

во второй XXX:

Не потому, чтобы прочла —
Она Ловласу предпочла,

въ третьей XXXIV:

Изволь, родная, *прикажи* —
Но видишь... Ахъ! не *откажи*,

въ седьмой XLII:

А тамъ... но послѣ все *разкажемъ* —
Мы Таню завтра же *покажемъ*,

тамъ-же XLVIII:

Хоть невзначай, хоть *наобумъ*;
Не улыбнется темный *умъ*,

родами поэзіи: эта реакція могла явиться только слѣдствіемъ переворота, произведеннаго въ нашихъ эстетическихъ понятіяхъ Карамзинымъ, Дмитріевымъ и Жуковскимъ, такъ какъ представителями ея были, вѣроятно, наши романтики нѣмецко-англійской школы, слѣдовавшіе и въ этомъ случаѣ своимъ образцамъ.

въ «Сказкѣ о царѣ Салтанѣ»:

Караулъ къ нему *приставилъ*
И притомъ дьяка *заставилъ* (III, 434),

тамъ-же:

Дома на сей разъ *остался*
И съ женою не *разстался* (445),

тамъ-же:

Но Салтанъ имъ не *внимаетъ*
И какъ разъ ихъ *унимаетъ* (447),

въ «Сказкѣ о мертвой царевнѣ»:

Погоди: объ ней, быть *можетъ*,
Вѣтеръ знаетъ. Онъ *поможетъ* (527),

въ «Сказкѣ о золотомъ пѣтушкѣ»:

Коль кругомъ все будетъ *мирно*,
Такъ сидѣть онъ будетъ *смирно* (531),

ниже:

Годъ, другой проходитъ *мирно*,
Пѣтушокъ сидитъ все *смирно*,

тамъ-же:

Молвилъ царь ему: что *скажешь?*
Подъ поближе, что *прикажешь?* (534),

въ «Галубѣ»:

Въ мечтаньяхъ отрокъ *своеволенъ* —
Уже Тазитомъ *недоволенъ* (542),

въ «Родословной моего героя» VIII:

И здѣсь потомству *заповѣдалъ*.
Езерскій самъ же твердо *отдалъ*,

во второй части «Мѣднаго Всадника»:

Картузъ изношенный *сымалъ*¹⁴),
Смущенныхъ глазъ не *подымалъ* (III, 572),

въ первой части «Анджело» VII:

Другъ, молвилъ Клавдіо, молю! не откажи:
Сходи ты въ монастырь къ сестрѣ моей. *Скажи* (577),

во второй части (разговоръ Изабеллы съ Анджело):

До завтра отъ тебя я стану ждать *ответа*.
И знай, что твоего я не боюсь *извета* (585),

въ третьей VII:

— Дукъ тогда: «Что, Анджело? *скажи* —
И объ одномъ молю: скорѣе *прикажи* (593).

Еще хуже приведенныхъ примѣровъ сложныхъ съ предлогами тотъ, который находится въ третьей пѣсни «Полтавы»:

Идетъ. Ему коня *подводятъ* —
Дрожитъ, глазами косо *водитъ* (III 143),

гдѣ ошибка усугублена разностью гласныхъ послѣ ударенія. Нѣчто подобное, но лучше, вырвалось у Пушкина въ черновомъ наброскѣ 1825 г.:

Лишь розы увядаютъ,
Амврозіей дыша,
Въ Элизій *улетаетъ*
Ихъ легкая душа (I, 377).

---

14) Такъ у Анненкова (III, 38), а у Ефремова (III, 370 изд. 1882.), какъ у Морозова—«*снималъ*»; но вообще Пушкинъ въ сложныхъ съ глаголомъ *имать*, если предлогъ оканчивается на з, употреблялъ *и*, а если на гласную, то *ни*, кромѣ *обнимать*.

Само собою разумѣется, что ко всѣмъ этимъ случаямъ нельзя примѣнять одной и той-же мѣрки: чѣмъ ближе произведение къ шуткѣ, особенно въ народномъ духѣ, тѣмъ позволительнѣе, въ иныхъ случаяхъ — даже умѣстнѣе, такія незатѣйливыя рѣмы. Въ игривомъ стихотвореніи можно только похвалить буквальное совпаденіе рѣмующихся словъ, какъ въ «Графѣ Нулинѣ»:

А что же дѣлаеть *супруга*,
Одна въ отсутствіи *супруга*? (III, 87)

или во второй главѣ «Евгенія Онѣгина» XXIX:

И не заботился о *томъ*,
Какой у дочки тайный *томъ*
Дремалъ до утра подъ подушкой,

и, нѣсколько иначе, ближе къ народному складу, въ «Утопленникѣ»:

Вы, щенки, за мной ступайте.
Будеть вамъ *по калачу*,
Да смотрите жъ, не болтайте,
А не то *поколочу* (II, 46).

Но это уже эффекты, прямо затѣйливые, изъ тѣхъ, какіе Пушкинъ разумѣлъ въ посланіи «Къ моей чернильницѣ», въ которой онъ находилъ

странность рѣмы новой,
Неслыханной дотоль (I, 244).

Можетъ быть, неумышленна, но и непредосудительна въ виду простоты тона даннаго мѣста рѣма изъ того-же слова въ двухъ разныхъ смыслахъ, какъ въ «Женихѣ»:

Сидитъ, молчить, не ѣсть, не пьеть,
И токомъ слезы *точитъ*,
А старшій братъ свой ножъ беретъ,
Присвистывая *точитъ* (III, 101)

и въ XLVIII строфѣ «Домика въ Коломнѣ»:

Она подумала: «въ Маврушѣ ловкой
Зачѣмъ къ пирожному припала *страсть*?
Пирожница, ей-ей, глядитъ плутовкой!
Не вздумала ль она насъ обокрасть,
Да улизнуть? Вотъ, будемъ мы съ обновкой
Для праздника! Ахти, какая *страсть!*» (165).

При извѣстныхъ условіяхъ нельзя придираться и къ наивному повторенію того-же слова въ разныхъ сочетаніяхъ вмѣсто риѣмы, какое находимъ въ двустипіи «Сказки о царѣ Салтанѣ»:

Пристаютъ къ заставѣ *гости*;
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ *гости* (III, 430, 434,
439, 444),
Вотъ на берегъ вышли *гости*;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ *гости*:

здѣсь уже самое употребленіе этихъ двустипій въ качествѣ формулы каждый разъ, какъ въ разсказѣ является данное положеніе, напоминаетъ читателю народную поэзію и потому заставляетъ его ожидать и другихъ ея признаковъ. Съ этой точки зрѣнія можно оправдать и начало пѣсни Франца въ «Сценѣ изъ рыцарскихъ временъ»:

Воротился ночью мельникъ.
«Жонка, что за *сапоги?*»
«Ахъ ты, пьяница, бездѣльникъ!
Гдѣ ты видишь *сапоги?*» (IV, 329),

какъ и пѣсню вассаловъ тамъ-же:

Ходитъ во полѣ *коса*,
Золотая полоса
Вслѣдъ за ней ложится.
Ой ходи, моя *коса!*
Сердце веселится (325).

Но въ первомъ случаѣ вольность даетъ себя знать уже сильнѣе, и не столько вслѣдствіе принадлежности Франца съ его товарищами и всей ихъ обстановки иноплеменному міру, сколько потому, что слова «что за сапоги» не составляютъ такого единого по смыслу, стереотипнаго реченія, какъ «въ гости», которое въ синтаксическомъ отношеніи существенно отличается отъ простаго «гости».

Но безусловно не можетъ быть одобрено единозвучіе въ стихотвореніи 1817 г. «Безвѣріе»:

И мощная рука къ нему съ дарами *мира*
Не простирается изъ-за предѣловъ *міра* (I, 171)

и въ шестой пѣсни «Руслана и Людмилы»:

Чета духовъ съ начала *міра*,
Безмольная на лонѣ *мира* (III, 269),

гдѣ риѐма сводится къ повторенію того-же слова въ разныхъ значеніяхъ, искусственно различенныхъ правописаніемъ, или въ седьмой главѣ «Евгенія Онѣгина» XXI:

Сперва ей было не до *низъ*;
Но показался выборъ *изъ*
Ей страненъ,

гдѣ то-же слово въ той-же формѣ съ тѣмъ-же смысломъ различено только отсутствіемъ или присутствіемъ призвуча.

Выше было сказано, что оцѣнка риѐмъ такого рода зависитъ отъ болѣе или менѣе развитога чутья къ этимологіи. Одною изъ слабыхъ сторонъ Пушкина (разумѣется, не какъ поэта) была именно степень этого чутья, весьма не высокая. Это видно не только изъ его словопроизводствъ («Двенадцать, а не двѣнадцать — сокращено изъ двое, какъ три изъ трое» V, 136, телѣга «отъ слова телець: телега, запряженная волами» тамъ-же, чтѣ едва-ли допустимо съ точки зрѣнія и тогдашней науки), но также изъ нерѣдкаго нарушенія того правила новѣйшей сти-

листки, которымъ воспрещается употребленіе очевидно родственныхъ между собою словъ въ одномъ предложеніи или періодѣ, напр. «Городокъ» (1814):

И мною вдохновенный,
На лирѣ воздохнетъ (I, 47),

«Бахчисарайскій фонтанъ» (1822):

Дыханье, вздохъ, малѣйшій трепеть (II, 324),

«Евгеній Онегинъ» гл. 2 XXIX (1823):

Онъ, не *читая* никогда,
Ихъ *почиталъ* пустой игрушкой,

«Борисъ Годуновъ» (1825) сц. 8:

Да мудрости его неистоимой
Проистекутъ *источники* на насъ (III, 25),

тамъ-же сц. 16:

Но *надлежитъ* народную молву
Изслѣдовать *прилежно* и безстрастно (57),

«Къ вельможѣ» (1830):

Являлись день другой роскошно *отдохнуть*,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь
(II, 94),

«19 октября 1836 г.»:

Вы помните, какъ *оживились* вдругъ
Сіи сады, сіи *живыя* воды (192).

Въ прозѣ напр. «Мнѣніе М. Е. Лобанова» (1836):

правильно и *неправильно* управляютъ общимъ мнѣніемъ
(V, 303).

Смысль до такой степени заслонялъ отъ сознанія Пушкина звуковое содержаніе слова, что напр. въ удивительномъ какъ по

силѣ чувства, такъ и по красотѣ формы «Заклинаніи» (1830) онъ не остановился передъ такими стихами:

Зову тебя не для *того*,
 Чтобъ укорять *того*, чья злоба
 Убила друга моего (II, 112).

Въ глазахъ критиковъ, полагающихъ неотъемлемымъ признакомъ каждаго стиха Пушкина всестороннее совершенство, который нибудь изъ каждой пары плохо срифмованныхъ стиховъ долженъ быть отвергнутъ, какъ неподлинный, особенно если будемъ цѣнить бѣднаго поэта съ такою строгостью, какую одинъ изъ порицателей конца «Русалки» примѣнилъ недавно къ новѣйшему «стихотропателю, который рѣмуетъ *слогъ и ѣтнокъ, миражъ и ваниъ, нашелъ и шелъ*, котораго не смущаетъ какофонія въ родѣ: *какъ вы-бъ, не хуже-бъ*: не говоря уже о первыхъ двухъ римахъ, которыя безупречны, потому что рима у насъ рассчитана на слухъ (разумѣется, великорусскій), а не на зрѣніе, всѣ приведенные здѣсь примѣры въ глазахъ такого восторженнаго поклонника Пушкина легко оправдать Пушкинскими параллелями, довольно многочисленными, каковы «друзъ—звукъ» Е. О. 2, XXXIX, «ледъ—упадетъ» 4 XLIII, «Scott—расходъ», «тожъ—проведешь» тамъ-же, «тетрадь—описатъ» 5 XL, «тетрадь—очищать» тамъ-же, «заботъ—приходъ» 6 XXI, «нѣтъ—слѣдъ» 7 V, «слѣдъ—нѣтъ» VII, «сосѣдъ—кабинетъ» XVIII, «авось—врозъ» XXVI, «грудь—путь» XXX, «лѣтъ—сосѣдъ» 8 XVIII, «нибудъ—путь» XXVIII, «лѣтъ—слѣдъ» XXIX, «нѣтъ—слѣдъ» XXXIII, «постигъ—ученикъ» XXXVIII, «то-то бъ» тамъ-же, «пускай же бъ онъ» Русалка сд. 1-я (III, 463).

Здѣсь будетъ умѣстно разсмотрѣть вопросъ о томъ, точно-ли Пушкинъ даетъ вообще лишь совершенное: рѣшеніе этого вопроса, важное для оцѣнки точки зрѣнія нѣкоторыхъ критиковъ, въ то-же время необходимо и для опредѣленія «Пушкинскаго» стиха. Трудно, кажется, отрицать, что у Пушкина есть произведенія, по содержанію или по изложенію довольно далекія отъ совершен-

ства, напр. «Подъ вечеръ осенью ненастной» или «Черная падь», не говоря о менѣе распространенныхъ стихотвореніяхъ, а изъ переводныхъ—«Воевода», во всѣхъ отношеніяхъ стоящее ниже подлинника, отъ котораго переводъ отличается невыгодно не одною формою, но и редакціей конца. Что при сравненіи съ полнымъ собраніемъ сочиненій другихъ поэтовъ, не только русскихъ, но также иностранныхъ, у Пушкина неудачныхъ произведеній окажется поразительно мало, — противъ этого не менѣе трудно спорить; но теперь рѣчь не о достоинствахъ Пушкина, а объ его недостаткахъ, какъ бы они ни были малочисленны и ничтожны.

Впрочемъ, такъ какъ «на вкусъ и на цвѣтъ товарища нѣтъ», мы, отложивъ оцѣнку эстетическую, коснемся предполагаемаго совершенства Пушкина только со внѣшней, технической стороны, относительно которой у людей, понимающихъ это дѣло, не можетъ быть спора.

Риѣмы у Пушкина, какъ мы видѣли, оказались не вездѣ безукоризненными. Къ приведеннымъ выше примѣрамъ прибавимъ случаи неправильности въ построеніи и распредѣленіи риѣмъ. При четверной риѣмѣ — къ слову сказать, часто излишней — онъ иногда позволяетъ себѣ повторять то-же слово.

«Вадимъ» (1822 г.):

Межъ тѣмъ привычныя заботы
Средь усладительной дремоты
Тревожатъ душу *старика*:
Во снѣ онъ парусъ развиваетъ,
Плыветъ по волѣ вѣтерка;
Его тихонько увлекаетъ
Къ заливу свѣтлая рѣка,
И рыба сонная впадаетъ
Въ тяжелый неводъ *старика* (II, 318),

«Женихъ» (1825):

Крикъ, хохоть, пѣсни, шумъ и *звонъ*,

Разгульное похмѣлье.
А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?
Вѣщаетъ онъ веселье.
Постой, сударь, не конченъ онъ.
Идетъ похмѣлье, громъ и звонъ (III, 101),

«Евгеній Онѣгинъ» гл. 4-я XXXI:

Не мадригалы Ленскій *пишетъ*
Въ альбомѣ Ольги молодой;
Его перо любовью *дышетъ*,
Не хладно блещетъ остротой;
Что ни замѣтитъ, ни *услышитъ*
Объ Ольгѣ, онъ про то и *пишетъ*,

тамъ-же XLII:

Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ *ледъ*;
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону *водъ*,
Ступаетъ бережно на *ледъ*,

тамъ-же гл. 5-я X (1825):

Татьяна, по совѣту няни,
Сбираясь ночью *ворожитъ*,
Тихонько приказала въ банѣ
На два прибора столъ *накрытъ*;
Но стало страшно вдругъ Татьянѣ.
И я — при мысли о Свѣтлапѣ
Мнѣ стало страшно — такъ и *бытъ*,
Съ Татьяной намъ не *ворожитъ*,

тамъ-же гл. 8-я VIII (1829):

Иль просто будетъ добрый малый,
Какъ вы да я, какъ цѣлый *сонъ*?

По крайней мѣрѣ, мой совѣтъ:
Отстать отъ моды обветшалою.
Довольно онъ морочилъ *свѣтъ*.
Знакомъ онъ вамъ? И да и *нѣтъ*,

«Родословная моего героя» (1833):

При Калкѣ

Одинъ изъ нихъ былъ схваченъ въ свалкѣ,
А тамъ раздавленъ какъ комаръ
Задами тяжкими *Татаръ*.
За то со славой, хоть съ урономъ ¹⁵⁾,
Другой Езерскій, Елизаръ,
Упился кровію *Татаръ*
Между Непрядвою и Дономъ,
Удара съ тыла въ таборъ ихъ
Съ дружиной Суздальцевъ своихъ (III, 549).

Та-же вольность усугублена присоединеніемъ предшествующей (повтореніемъ слова въ замѣнъ рѣимы), или, говоря иначе, предшествующая вольность удвоена въ третьей и четвертой октавахъ стихотворенія «Желаніе» (1821 г.):

Холмы цвѣтуть, и въ листьяхъ *винограда*
Виситъ янтарь, ночныхъ пировъ *отрада*.
Все живо тамъ, все тамъ — очей *отрада*:
Въ тѣни оливъ уснувшія стада,
Вокругъ домовъ рѣшотки *винограда* (I, 236)

и въ «Женихѣ»:

Вездѣ серебро, да *злато*,
Все свѣтло и *богато*.
А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?

---

15) Въ прежнихъ изданіяхъ «За то на Куликовомъ полѣ». Этимъ чтеніемъ, уничтожавшимъ рѣиму, Пушкинъ обязанъ цензурѣ.

Знать, жить тебѣ *богато*.

Постой, сударь, не конченъ онъ.

На серебро, на *злато* (III, 100).

Въ стихотвореніи, въ которомъ чередуются приемы мужескія и женскія, одинаковое, т. е. мужское или женское, окончаніе въ двухъ стихахъ подъ рядъ допускается лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы эти два стиха риемовались другъ съ другомъ. Пушкинъ отступалъ отъ этого правила лишь въ немногихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ однообразными строфами, которыя какъ начинаются, такъ и кончаются стихомъ съ мужескимъ окончаніемъ, каковы ¹⁶⁾ ода «Вольность» (1820, строфы съ окончаніями А б А б В г В) I 219—221, «Желаніе» (1821 г., октавы съ женскими окончаніями въ первомъ и въ послѣднемъ стихѣ) I 235—237, «Узникъ» (1822, изъ двустипій съ мужескими окончаніями) 273—274, «19 Октября 1825 г.» (строфы А б б А в Г в Г) 355—361 (такъ-же «19 Октября 1836 г.» II 191—192), «Къ тѣни полководца» 1831, строфы А А б В б В) II 128—129, «Бородинская годовщина» (1831, строфы А б А б В В г Д г Д) 131—133, черкесская пѣсня во второй части «Кавказскаго плѣнника» (1821, строфы А б А б В В) 293—294, пѣсня предсѣдателя въ «Пирѣ во время чумы» (1830, строфы А А б В б В) III, 229—230, гдѣ выше изложенное правило нарушается при переходѣ отъ одной строфы къ другой. Хотя это нарушеніе легко оправдать самостоятельностью отдѣльныхъ строчекъ и предполагаемаго къ нимъ напѣва, который безъ измѣненій долженъ повторяться въ каждой строчкѣ, тѣмъ, не менѣе Пушкинъ не всегда уступалъ этимъ соображеніямъ какъ видно изъ «Домика въ Коломнѣ», гдѣ выборъ мужескаго или женскаго окончанія перваго стиха каждой октавы зависитъ у него

---

16) При опредѣленіи окончаній стиховъ строфы здѣсь показано звуковое различіе окончаній (т. е. различныя риемы) посредствомъ разныхъ буквъ только въ предѣлахъ одной строфы. Окончанія мужескія означены прописной буквой, женскія — строчной.

отъ окончанія послѣдняго стиха предыдущей, и потому, такъ какъ первый и послѣдній стихи первой октавы въ этой поэмѣ имѣютъ мужское окончаніе, первый стихъ второй октавы заключается женскимъ окончаніемъ, а такъ какъ таково-же окончаніе и послѣдняго ея стиха, первый стихъ третьей октавы опять имѣетъ окончаніе мужское и т. д. Такъ-же, лишь съ обратнымъ чередованіемъ окончаній, построены французскія октавы (изъ александрійскихъ стиховъ) стихотворенія «Осень» (въ томъ-же 1830 г.) II 102—105¹⁷⁾. Другія строфическія стихотворенія Пушкина не представляютъ такого чередованія мужскихъ и женскихъ окончаній въ однихъ и тѣхъ-же (т. е. первыхъ и послѣднихъ) стихахъ отдѣльныхъ строфъ, но во всякомъ случаѣ строфы построены такъ, что, если каждая изъ нихъ завершается стихомъ съ мужскимъ окончаніемъ, окончаніе ея перваго стиха всегда бываетъ женское, и такимъ образомъ за мужскимъ окончаніемъ заключительнаго стиха одной строфы идетъ первый стихъ слѣдующей съ женскимъ оконча-

---

17) Октава XI, нарушавшая этотъ порядокъ, была вычеркнута самимъ Пушкинымъ, какъ менѣе нужная, чѣмъ слѣдующая, съ тѣмъ-же распределеніемъ окончаній. Въ «Домикѣ въ Коломнѣ», какъ эта поэма печатается теперь, т. е. съ сохраненіемъ всѣхъ не зачеркнутыхъ Пушкинымъ 54 строфъ, встрѣча двухъ одинаковыхъ окончаній оказывается между октавами 5-ой и 6-ой (между которыми одна октава вычеркнута) и между 7-ой и 8-ой; но въ первомъ изданіи (въ альманахѣ Смирдина «Новоселье» на 1833 годъ) строфъ IV—IX нѣтъ, какъ и XV—XXII, а съ ними нѣтъ ни метрическихъ неправильностей, ни длиннотъ. Въ бумагахъ Пушкина эти строфы переписаны особо и снабжены помѣткой: «Сии октавы служили вступленіемъ къ шуточной поэмѣ, уже уничтоженной». Это показаніе принято считать ложнымъ, — конечно, потому, что никто не сомнѣвается въ ихъ принадлежности къ «Дому въ Коломнѣ». А между тѣмъ Пушкинъ въ октавѣ IX заявляетъ, что беретъ для своей поэмы (какой, не сказано) александрійскій стихъ. Отсюда, кажется, слѣдуетъ, что упомянутая имъ шуточная поэма была написана именно этимъ размѣромъ, а не пятистопнымъ ямбомъ въ октавахъ, и предисловіемъ ей должны были служить первыя девять строфъ «Домика въ Коломнѣ». Если предметъ прежней, какъ сказано въ замѣткѣ, уничтоженной поэмы былъ тотъ-же, тѣмъ легче объясняется переработка его въ той-же формѣ, въ какой написано предисловіе. Впрочемъ весьма возможно, что содержаніе предположенной поэмы было литературно-полемическое (ср. «У насъ война!» IV и выходки въ не печатанныхъ Пушкинымъ XI и XV—XXII).

ніемъ. Въ самой простой изъ такихъ строфъ, четырехстишной, наиболѣе обыкновенной въ Пушкинской лирикѣ, окончанія стиховъ смѣняются въ такомъ порядкѣ: женское, мужское, женское, мужское, рѣже наоборотъ; въ самой сложной, четырнадцатистижной, которою написаны «Евгеній Онѣгинъ» и «Родословная моего героя» (въ обоихъ видахъ), порядокъ окончаній таковъ: женское, мужское, женское, мужское, женское, женское, мужское, мужское, женское, мужское, мужское, женское, мужское, мужское (при чемъ два сосѣднія одинаковыя окончанія, конечно, рѣшаются другъ съ другомъ), и такимъ образомъ за мужскимъ окончаніемъ одной строфы всегда слѣдуетъ женское въ началѣ другой. И не смотря на такое вниманіе Пушкина къ чередованію мужскихъ и женскихъ окончаній въ предѣлахъ даже нѣсколькихъ строфъ, въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ иногда замѣчается встрѣча одинаковыхъ окончаній безъ рѣшмы. Бываетъ это иногда въ четырехстишныхъ строфахъ изъ четырехстопныхъ ямбовъ вслѣдствіе неустойчиваго построенія такихъ строфъ, которое иногда Пушкинъ позволялъ себѣ явно по небрежности; таковы «Стансы» (1817, строфы 1 и 2 а Б Б а, 3 А б А б, 4 А б б А, 5 а Б а Б, 6 А б б А, 7, 8 и 9 а Б а Б) I 167—168, «Посланіе въ Сибирь» (1827, строфы 1 А б А б, 2, 3 и 4 А б б А) II 11, «Друзьямъ» («Нѣтъ, я не льстець» 1828, 1 А б б А, 2 А б А б, 3 и 4 А б б А, 5 а Б а Б, 6, 7 и 8 А б А б) 29—30, «Что въ имени тебѣ моемъ?» (1829, 1 и 2 А б б А, 3 и 4 А б А б) 63. «Кинжалъ» (1821) состоитъ изъ неправильныхъ строфъ, по 4 стиха въ каждой (кромѣ 4-ой, въ которой ихъ пять), 6-стопныхъ, 5-стопныхъ, 4-стопныхъ и одного 3-стопнаго (въ концѣ второй строфы), съ такимъ распредѣленіемъ окончаній: строфы 1, 2 и 3—А б б А, 4—А А б А б, 5—а Б а Б, 6—А б б А, 7—а Б Б а, 8—А б А б, 9—А б б А. Но та-же неправильность въ чередованіи окончаній попадаетъ у Пушкина и помимо перехода отъ одной строфы къ другой. «Сонъ» (1816):

Все, все твое: вотъ краски, кисть и лира!

А вы, друзья моей прелестной музыки (I 132, съ пробѣломъ между этими стихами по примѣру прежнихъ изданій),

«Къ Жуковскому» (1817):

Сражаетъ наконецъ ужаснаго Пилоона.

Смотрите! пораженъ враждебными стрѣлами (166),

«Торжество Вакха» (1817):

При дикомъ хохотѣ друзей.

Тамъ, далѣ, вижу дивный ходъ (182),

«Князю А. М. Горчакову» (1819):

И мистика придворнаго кривлянья!..

И ты, Харить любовникъ своевольный (212),

тамъ-же:

По прежнему философъ и шалунъ,

И ты на мигъ оставь своихъ вельможъ,

«Къ Аглаѣ» (1821):

Я не дитя, хоть и поэтъ.

Оставимъ юный пылъ страстей (238),

«Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ» (1824):

Мои летучія мечты!

Книгопродавецъ.

Люблю вашъ гнѣвъ. Таковъ поэтъ! (313),

«Козлову» (1825):

Разбитый юности кумиръ.

А я, коль стихъ единый мой (348, съ пробѣломъ)¹⁸⁾,

---

18) «Черепъ» (1827) у Анненкова и прежде:

Рѣшился подружиться съ нимъ.

За кружкой пива, мой герой

Открылся кистеру душой

«Поэтъ» (1827, въ письмѣ къ Погодину VII 195):

Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголь (II 21, съ пробѣ-
ломъ),

черновой набросокъ «Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ»
(1827):

Страдалъ, любилъ и проклиналъ?
Италія, волшебный край! (24—25),

«Поэтъ» (1828):

Какая польза намъ отъ ней?
Поэтъ.
Молчи, бессмысленный народъ (49),

«Конрадъ Валленродъ» (1828):

Къ своей подошвѣ привлечь.
Съ медвѣжьей кожей на плечахъ (51, съ пробѣломъ),

тамъ-же:

И друга нѣжно обнималъ.
Лишь соловьи дубравъ и горъ (52)¹⁹,

«Шалость» (1830):

И пѣсенкою насъ веселой позабавишь?
Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогій
(101).

Вотъ случаи той-же неправильности въ поэмахъ. Въ первой
пѣсни «Полтавы»:

И говорить: «нельзя ль, пріятель,
Тебѣ досужною порой
Свести меня въ подвалъ могильный»

безъ римы къ «пріятель». Но у Пушкина не «герой», а «мечтатель» (II 18).

19) Легко было бы переставить стихи:

По старинѣ вражды не знали
Лишь соловьи дубравъ и горъ.

Гордится старый Кочубей.

И то сказать: въ Полтавѣ нѣтъ (т. III, 109).

И съ жизнью лишь его покинетъ.

Не серна подъ утесъ уходитъ (110).

Быль виденъ на росѣ луговъ.

Не только первый пухъ ланить (111).

Тамъ-же во второй пѣсни:

Что ты сказала мнѣ теперь.

Тиха Украинская ночь (127).

Въ уединенный сходить садъ.

Тиха Украинская ночь (132).

Душна, какъ черная тюрьма.

Вдругъ... слабый крикъ... невнятный стонъ (тамъ-же).

Онъ въ бранномъ пламени скакаль.

Зари багряной полоса (133).

Два казака дубовый гробъ.

Одинъ предъ конною толпой (136).

Тамъ-же въ третьей пѣсни:

И рядъ незыблемый штыковъ.

Но онъ рѣшилъ: завтра бой (140).

И скрылась въ темнотѣ ночной.

Рѣдѣла тѣнь. Востокъ алѣлъ (149).

Сверхъ того тамъ-же въ первой пѣсни мужское окончаніе передъ шестью четырехстишными строфами, которыхъ первые стихи имѣютъ то-же окончаніе:

И взоры въ землю опускаль.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ (118).

Съ этими мѣстами нельзя сравнивать примѣры столкновенія однородныхъ окончаній въ «Цыганахъ»:

И сонъ меня невольно клонить.

Свѣтло. Старикъ тихонько бродить (II, 349).

Ни даже сердцу твоему.

О чемъ, безумецъ молодой (тамъ-же 357),

потому что первый стихъ каждой изъ этихъ двухъ паръ заключаетъ собою одинъ отдѣлъ поэмы, а второй относится уже къ другому, что и отмѣчается въ печати, вѣроятно, по указанію самого автора, чертами между строкъ. «Полтава» раздѣлена Пушкинымъ на три пѣсни, внутри которыхъ нѣтъ никакихъ внѣшнихъ дѣлений. Да и дѣлений внутреннихъ, по смыслу, въ указанныхъ мѣстахъ «Полтавы» нельзя предположить, если не почитать такихъ остановокъ, какія обозначаются просто точками, за границы какихъ-то отдѣловъ. Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ небрежностью автора, которую онъ, какъ явствуетъ изъ его обычнаго отношенія къ вопросу о чередованіи окончаній, самъ вполне сознавалъ. Допустить, что эти шероховатости были бы устранены посѣтомъ при отдѣлкѣ для печати, какъ будто нельзя, потому что поэма была тщательно переписана имъ самимъ и дважды напечатана при его жизни. И тѣмъ не менѣе это есть не что иное, какъ небрежность, конечно, замѣченная, но не исправленная Пушкинымъ.

Что Пушкинъ «работалъ» надъ своими произведеніями, выглаживая ихъ и нещадно бракуя лишнее, извѣстно до такой степени, что стало общимъ мѣстомъ, а дурная сторона общаго мѣста состоитъ въ томъ, что мы произносимъ его, не сознавая точно его смысла. Да, Пушкинъ отдѣлывалъ свои произведенія до сдачи ихъ въ типографію, но поступали они туда далеко не всегда въ томъ видѣ, которымъ самъ «взыскательный художникъ» былъ вполне доволенъ, а по напечатаніи онъ рѣдко перечитывалъ ихъ, какъ видно изъ отсутствія поправокъ во вторыхъ изданіяхъ, вышедшихъ еще при жизни автора, не смотря на болѣе или менѣе грубыя ошибки въ первыхъ; такъ напр. въ V строфѣ третьей части «Анжелю» по двумъ современнымъ Пушкину изданіямъ чи-

тается «И казнь остановилъ» вмѣсто «— остановить», и эта не-лѣпость перешла изъ нихъ въ посмертное изданіе 1838—1841 г. Нѣкоторая поспѣшность Пушкина въ печатаніи своихъ сочиненій объясняется отчасти нуждою въ деньгахъ, но чуть-ли не еще чаще тѣмъ, что послѣ извѣстнаго количества труда, потраченнаго на отдѣлку произведенія, къ которому иногда онъ возвращался по нѣскольку разъ (но, кажется, только до появленія его въ печати), оно теряло для него свой интересъ. Что касается «Полтавы», то она была цѣликомъ написана и даже переписана въ теченіе октября 1828 г., а въ 1829 г. уже вышла въ свѣтъ²⁰⁾. Отсюда ясно, что Пушкинъ «работалъ» надъ ней очень недолго. Самъ онъ говоритъ объ этой «работѣ» такъ: «Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней, далѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все» (Крит. зам. V, 134). Писалъ онъ ее, очевидно, отрывками, каковыхъ можно различить не менѣе двѣнадцати, судя по неслаженнымъ окончаніямъ нѣкоторыхъ стиховъ. Кажется, сначала онъ хотѣлъ написать поэму 15-стишными строфами со сложнымъ чередованіемъ рیمъ (А б А б, В г В В г, Де Де, Ж Ж), причемъ концы и начала строкъ должны были имѣть мужескія окончанія, какъ въ «Бородинской годовщинѣ» и др., названныхъ выше, но вторую строфу онъ довелъ лишь до 10-го стиха, а потомъ перешелъ къ вольному складу, можетъ быть, вслѣдствіе того обстоятельства, что, не удовлетворившись описаніемъ красоты Маріи, заключавшимся въ стихахъ «Она свѣжа — стремленья», онъ нарушилъ первоначальный строй

---

20) Съ легкой руки Анненкова (Матер. ¹—изд. I, 201) принято утверждать, что «Полтава» написана въ 13 дней или, круглымъ счетомъ, въ двѣ недѣли, такъ какъ первая пѣснь окончена 3-го Октября, вторая 9-го, третья—16-го. И такъ на вторую пѣснь пошло 6 дней, на третью—7, итого 11; а на первую? 13—11=2, 14—11=3. Но откуда эти 2 или 3 дня? Вѣроятно, они произошли изъ двукратнаго счета отмѣченныхъ Пушкинымъ послѣднихъ двухъ чиселъ, основаннаго на предположеніи, что Пушкинъ кончалъ одну пѣснь и начиналъ слѣдующую въ одинъ и тотъ-же день. Такъ какъ первая пѣснь не короче второй и третьей, а каждая изъ послѣднихъ потребовала приблизительно недѣли, то и на первую придется положить столько-же и даже, пожалуй, больше, потому что въ ней многое передѣлано.

вставкой «Какъ пѣна — разумной». Въ самомъ дѣлѣ, безъ этой вставки стихи «И то сказать — сватовъ шлетъ» представляли бы собою такую-же строфу, какъ «Богатъ и славенъ — старый Кочубей». О задержкѣ творческаго процесса именно въ этомъ мѣстѣ второй строфы свидѣтельствуетъ неоконченное стихотвореніе «Рифма, звучная подруга» (II, 58—59), набросанное между стихами 9-мъ и 14-мъ. Для ясности выпишемъ обѣ первыя строфы, отмѣтивъ уничтожившіе ихъ сходство стихи курсивомъ :

Богатъ и славенъ Кочубей.
Его луга необозримы;
Тамъ табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругомъ Полтавы хутора
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду, и подъ замками.
Но Кочубей богатъ и гордъ
Не долгогривыми конями,
Не златомъ, данью Крымскихъ ордъ,
Не родовыми хуторами —
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.

И то сказать: въ Полтавѣ нѣтъ
Красавицы, Маріи равной.
Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ,
Взлелѣянный въ тѣни дубравной.
Какъ тополь Кіевскихъ высотъ,
Она стройна. Ея движенъя
То лебеда пустынныхъ водъ
Напоминаютъ плавный ходъ,
То лани быстрыя стремленья.

*Какъ пѣна, грудь ея бѣла;
Вокругъ высокаго чела,
Какъ тучи, локоны чернѣютъ;
Звѣздой блестятъ ея глаза;
Ея уста, какъ роза, рдѣютъ.
Но не единая краса
(Мгновенный цвѣтъ!) молвою шумной
Въ молодой Маріи почтена:
Вездѣ прославилась она
Дѣвицей скромной и разумной.
За то завидныхъ жениховъ
Ей шлетъ Украина и Россія;
Но отъ вѣнца, какъ отъ оковъ,
Бѣжитъ пугливая Марія.
Всѣмъ женихамъ отказъ — и вотъ
За ней самъ гетманъ сватовъ шлетъ.*

За распространенной такимъ образомъ строфой «И то сказать — сватовъ шлетъ» читаемъ слѣдующее:

*Онъ старъ. Онъ удрученъ годами,
Войной, заботою, трудами;
Но чувства въ немъ кипятъ, и *вновь*
Мазепа вѣдаетъ *любовь*.
Мгновенно сердце молодое
Горитъ и гаснетъ. Въ немъ *любовь*
Проходитъ и приходитъ *вновь*,
Въ немъ чувство каждый день иное*

съ повторяющимися въ рифмѣ словами *вновь* и *любовь*. Далѣе какъ бы конецъ такой-же строфы, какъ въ началѣ:

*Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылаетъ сердце старика,*

Окаменѣлое годами:
Упорно, медленно оно
Въ огнѣ страстей раскалено.

Но ритмическое впечатлѣніе, производимое этими шестью стихами, измѣнено и, такъ сказать, сбито съ пути прибавкой двухъ стиховъ съ женскимъ окончаніемъ:

Но поздній жаръ ужъ не остынетъ
И съ жизнью лишь его покинетъ,

за которыми непосредственно идетъ уже упомянутый стихъ съ такимъ-же окончаніемъ

Не серна подъ утесъ уходитъ.

Ни одинъ внимательный къ формѣ читатель не можетъ признать это начало поэмы окончательно отдѣланнымъ, а такой тонкій стихотворецъ, какъ Пушкинъ, несомнѣнно долженъ былъ видѣть въ этихъ стихахъ лишь наброски, которые еще предстояло обработать. Вѣроятно, съ этою цѣлью онъ и пересбѣлилъ свою поэму чуть не тотчасъ по ея окснчаніи. Почему она попала въ такомъ видѣ въ печать, пусть рѣшаютъ знатоки біографіи Пушкина, но во всякомъ случаѣ вѣрно то, что самъ поэтъ не могъ считать свое произведеніе вполне готовымъ для обнародованія. Правда, онъ ставилъ ее выше своихъ прежнихъ поэмъ (Руслана и Людмилы, Кавказскаго плѣнника, Братьевъ разбойниковъ, Бахчисарайскаго фонтана и Графа Нулина), прибавляя, что «къ тому жъ это сочиненіе совсѣмъ оригинальное, а мы изъ того и бьемся» (Крит. зам. V, 132); но, какъ видно также изъ другихъ его замѣчаній о «Полтавѣ», эта оцѣнка относится къ содержанію, а не къ формѣ, о которой онъ нигдѣ не упоминаетъ. Нѣкоторымъ доказательствомъ тому, что онъ смотрѣлъ на печатаемый текстъ «Полтавы», какъ на рядъ не слаженныхъ въ формальномъ отношеніи отрывковъ, могутъ служить пробѣлы между всѣми выписанными выше не риѣмующимися стихами съ одинаковымъ

окончаніемъ, оставляемые во всѣхъ изданіяхъ, вѣроятно, по указаніямъ въ подлинной рукописи автора.

Какъ безучастно отнесся Пушкинъ къ печатанію «Полтавы», можно заключить изъ одной подробности, которая впрочемъ подлежитъ еще провѣркѣ по рукописи и по первому изданію, далеко не всѣмъ доступному. Не слаженные относительно окончаній стихи изрѣдка встрѣчаются и въ другихъ поэмахъ Пушкина, напр. въ первой части «Кавказскаго плѣнника»:

Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ (II, 279—280),

а по тексту посмертнаго изданія и послѣдующихъ до Ефремовскаго 1882 г. есть та-же неправильность и ниже:

Съ веселымъ призракомъ свободы.

Свершилось... цѣлью упованья (III, 176 изд. Анненкова = II, 280 Мор.).

Но въ изданіи 1822 г. и тамъ и здѣсь между двумя стихами по двѣ строки точекъ, указывающія на пропускъ столькихъ-же стиховъ или болѣе. Въ Ефремовскомъ изданіи этотъ пропускъ былъ впервые заполненъ осьмью стихами, не допущенными въ печать въ 1822 г. (см. I, 513 изд. Ефр.), и, такъ какъ первый и послѣдній изъ нихъ имѣютъ мужескія окончанія, отвѣтственность за нарушеніе правильнаго чередованія окончаній перешла съ Пушкина на редакторовъ изданія 1838—1841 г. и на ихъ послѣдователей, полѣнившихся заглянуть въ первое изданіе. То-же слѣдуетъ замѣтить и о четырехъ такихъ-же мѣстахъ въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ»:

Какъ духъ, она проходитъ мимо.

Предъ нею дверь; съ недоумѣньемъ (III, 211 Анн. = II, 330 Мор.).

Мелькала дѣва предо мной!.. (безъ рѣимъ).

Чью тѣнь, о други, видѣлъ я? (III, 219 Анн. = II, 336 Мор.)

И красоту ея земную... (безъ риѣмы).
Поклонникъ Музъ, поклонникъ мира (тамъ-же).

Родной улыбкою зовуть.
Промчались дни; Маріи нѣтъ (III, 216, Анн.= II,
334 Мор.).

Въ первомъ изданіи (1824) во всѣхъ этихъ мѣстахъ поставлены ряды точекъ между строками для обозначенія пропуска того, что Пушкинъ называлъ «любовнымъ бредомъ», часть котораго теперь возстановлена (см. I, 530 изд. Ефр.); въ послѣдующихъ изданіяхъ, начиная со второго (1827 г.), эти точки почему-то опущены, однако оставлены промежутки, которые сами по себѣ недостаточны для указанія пропуска и потому наводятъ на Пушкина незаслуженное подозрѣніе въ допущеніи неправильности, бросающейся въ глаза даже заурядному метрику. Въ первой пѣсни «Руслана и Людмилы» между стихами

Герой, я не люблю тебя

и

Къ чему рассказывать, мой сынъ (II, 212 Мор.)

изданіе 1820 г. даетъ шесть стиховъ, при существованіи которыхъ столкновенія однородныхъ окончаній не было, но въ изданіи 1828 г. на мѣстѣ этихъ стиховъ оставленъ лишь промежутокъ въ одну строку безъ помѣты пропуска. Такая небрежность уполномочиваетъ насъ предположить недосмотръ того-же рода и между слѣдующими стихами въ третьей пѣсни той-же поэмы, раздѣленными лишь пробѣломъ:

Не будутъ говорить о немъ!
Но вскорѣ вспомнилъ витязь мой (235).

Неизвѣстно, есть-ли пропускъ въ «Графѣ Нулинѣ» (1825) между слѣдующими стихами, раздѣленными въ изданіяхъ пробѣломъ:

У эмигрантки Фалбала.

Она сидитъ передъ окномъ (Ш 87).

Впрочемъ эта поэма была напечатана при жизни Пушкина четыре раза. Даже безъ пробѣла «Вас. Вас. Энгельгардту» (1819):

Отъ скуки, столь разнообразной,
Я ѣду въ даль! Простите, дамы (I 199).

Заговоривъ о пропущенныхъ точкахъ, отмѣтимъ мимоходомъ обратную погрѣшность, въ которой Пушкинъ едва-ли виноватъ: точки ставятся безъ нужды всѣми издателями въ седьмомъ отрывкѣ «Альбома Онѣгина», представляющемъ собою двѣ пропущенныя строфы изъ «Евгенія Онѣгина»: «Сокровища родного слова — Одними-ль звуками пить» и «И гдѣ жъ мы первыя познанья — Хорошъ Россійскій Геликонъ!». И здѣсь виновато посмертное изданіе, въ которомъ «Альбомъ Онѣгина» появился впервые, но на этотъ разъ довѣріе послѣдующихъ издателей къ этому мутному источнику въ особенности непростительно: седьмой отрывокъ напечатанъ редакторами посмертнаго изданія въ двухъ мѣстахъ — IX, 190 и 459—различно, а именно въ первомъ мѣстѣ — какъ выше, а во второмъ — со строкой точекъ послѣ стиха «Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ» и безъ стиховъ

Гдѣ русскій умъ и русскій духъ
Зады твердить и лжетъ за двухъ.

Другой примѣръ неумѣстныхъ точекъ — въ посланіи «Моему Аристарху» (I, 108 Мор.) — указанъ В. Е. Якушкинымъ въ «Русской Старинѣ» за 1887 г., стр. 701 примѣч.

И такъ слѣдующіе непосредственно другъ за другомъ стихи съ окончаніями, одинакими по мѣсту ударенія, но не по звуку, Пушкинъ обыкновенно раздѣлялъ рядами точекъ, вѣроятно, для того, чтобы не вводить во искушеніе критиковъ; а въ печатномъ текстѣ «Полтавы» мы не находимъ и такой предосторожности, хотя при жизни Пушкина эта поэма была напечатана дважды

(въ 1829 и въ 1835 г.). Но вѣдь точки обозначаютъ пропускъ, а въ «Полтавѣ» пропусковъ нѣтъ. Такъ; однако въ «Евгеніи Онѣгинѣ» замѣнены точками цѣлыя строфы, изъ которыхъ нѣкоторыя никогда не были написаны, — по крайней мѣрѣ, окончательно, между прочимъ и

Москва! Москва!.....

.....,

«строфа» XXXIX седьмой главы, писанная въ томъ-же 1828 г.

Легко предугадать возраженіе со стороны восторженныхъ, но не очень внимательныхъ поклонниковъ Пушкина, что отмѣченныя здѣсь отступленія должны быть поставлены въ вину издателямъ, а никакъ не самому поэту. Это справедливо, хотя лишь отчасти, такъ какъ «Полтава» издается по подлиннику, переписанному самимъ авторомъ; но вѣдь цѣль всего этого экскурса о формальномъ несовершенствѣ произведеній Пушкина состоитъ не въ униженіи его достоинствъ, не подлежащихъ ни малѣйшему спору, а лишь въ томъ, чтобы показать, что, не смотря на геніальность и необыкновенный вкусъ Пушкина и вопреки легендѣ о художественной законченности всего, выпущеннаго имъ въ свѣтъ, его напечатанныя произведенія, по той или по другой причинѣ, хотя бы только съ формальной стороны не всегда совершенны, и потому при изслѣдованіи подлинности приписываемыхъ ему сочиненій нельзя пользоваться въ качествѣ мѣрила оцѣнкой съ точки зрѣнія совершенства. Само собою разумѣется, что было бы несправедливо ставить Пушкину на счетъ погрѣшности его издателей, особенно нѣкоторыя, необъяснимыя даже небрежностью съ его стороны, напр. стихи, какъ въ четвертой сценѣ «Каменнаго гостя»:

Когда бы я тебя обманывалъ (IV, 410 Анн. изъ по-
смертнаго изданія)

съ дактилическимъ окончаніемъ вмѣсто ямбическаго, какое и находимъ въ рукописномъ

Когда бъ я васъ обманывать хотѣлъ (III, 222 Мор.);

въ послѣдней сценѣ «Бориса Годунова»:

Народъ.

Слышишь! визгъ! Это женскій голось... Взойдемъ!.. Двери заперты; крики замолкли; шумъ продолжается (*Отворяются двери. Мосальскій является на крыльцѣ*),

гдѣ, повидимому, начало сценической ремарки вошло въ слова народа²¹⁾; въ четвертой сценѣ «Русалки» ремарка *«Идетъ къ дверямъ; мистья сыплются»* (III, 473), вѣроятно, вмѣсто *«Идетъ къ деревьямъ»* (если не *къ дереву*)—²²⁾ и т. п. Тѣмъ не менѣе довольно значительную часть такихъ погрѣшностей, кто бы въ нихъ ни былъ виноватъ, поневолѣ приходится принять въ расчетъ при оцѣнкѣ Пушкина, такъ какъ она основывается не на томъ, что Пушкинъ написалъ бы, если бы хотѣлъ или могъ произвольно откладывать печатаніе своихъ произведеній для окончательной ихъ обработки, а на томъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ написалъ и что изъ его рукописей такъ или иначе перешло въ изданія, единственный общедоступный источникъ для изученія его творчества.

Предпославъ эту оговорку, перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ погрѣшностей Пушкина по изданіямъ, восходящихъ впрочемъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ къ издателямъ.

Какъ извѣстно, въ поэмахъ, въ драматическихъ діалогахъ и болѣею частію въ лирическихъ стихотвореніяхъ, особенно писанныхъ бѣлыми стихами или строфами (за постоянными исключеніями отдѣльныхъ стиховъ), съ начала до конца выдержи-

---

21) По свидѣтельству А. И. Незеленова, слова «шумъ продолжается» въ рукописи Румянцевскаго музея зачеркнуты.

22) Но чуть-ли не самъ Пушкинъ виноватъ въ слѣдующемъ противорѣчій между ремаркой и текстомъ. «Русалка» сц. 1-я (462):

Да вотъ еще: отцу

Я это посулилъ — отдай ему.

(Даетъ ей въ руки мѣшокъ съ золотомъ);

тамъ-же ниже (464):

Да, бишь, забыла я: тебѣ отдать

Велѣлъ онъ это серебро.

вается одинъ и тотъ-же размѣръ. «Н. С. Мордвинову» (1825) писано строфами изъ трехъ александрійскихъ стиховъ и одного четырехстопнаго, но первый стихъ предпоследней строфы

Такъ, въ пѣну волнъ съ вершины горъ скатясь
(I, 365)

содержитъ въ себѣ лишь пять стопъ, хотя ничего не стоило прибавить шестую, вставивъ передъ словомъ «волнъ» трохаическое прилагательное, напр. «ярыхъ». «Въ началѣ жизни школу помню я» (1830) написано 5-стопными ямбами (въ терцинахъ), но въ десятомъ терцинѣ второй стихъ

И свитки въ мраморныхъ рукахъ (II, 116)

4-стопный (вмѣсто «въ бѣлыхъ мр. р.»?).

«Каменный гость» (1830) написанъ 5-стопными стихами, но во второй сценѣ есть цѣлыхъ три въ 6 стопъ:

Убилъ его роднаго брата. Правда, жаль (III, 203).

Ну, въ знакъ того, что ты совсѣмъ ужъ не сердита
(тамъ-же).

За городомъ въ проклятой вентѣ. Я Лауры (207)²³).

«Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ» (1832)— александрійскіе стихи, но между ними

Когда, склоняся на долгія моленья (136)

---

23) У Анненкова въ первой сценѣ есть стихъ въ 4 стопы:

Вотъ видишь ли, мой Лепорелло (IV, 379)

вмѣсто «— мой глупый Лепорелло». Тамъ-же печатается:

Лаура.

Кого? ты бредишь.

Донъ-Жуанъ.

Милая плутовка! (208),

но въ рукописи два послѣднія слова зачеркнуты и надъ ними надписано: «А признайся». И такъ Пушкинъ путемъ исправленія (совершенно излишняго) самъ превратилъ 5-стопный стихъ въ 4-стопный.

5-стопный.

Размѣръ Русалки (кромя пѣсенъ) — 5-стопный ямбъ; однако въ первой сценѣ (1832) стихъ 86

Ужъ не сердить ли на меня? (406)

4-стопный, во второй стихъ 61

А что? Да не къ добру пропѣли эту пѣсню (468 —
469) —

6-стопный, а если присоединимъ «А что?» къ предыдущему, 6-стопный будетъ онъ; въ третьей сценѣ ст. 26

Ты всёмъ взяла: умомъ, красою ненаглядной (471)

также 6-стопный, а ст. 46 (472)

Бѣгу, мой свѣтъ, бѣгу —

3-стопный, что впрочемъ мало замѣтно, потому что онъ послѣдній въ сценѣ; въ шестой ст. 6 (478)

Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала

4-стопный.

«Къ Н**» (1834) — эподическія строфы изъ александрійскихъ стиховъ съ 4-стопными, но третій стихъ третьей строфы

Ты проклялъ насъ, безсмысленныхъ дѣтей (168)

5-стопный, а не александрійскій.

Въ писанномъ 5-стопными ямбами «Вновь я посѣтилъ» (иначе «Опять на родинѣ» 1835²⁴) стихъ

Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи (II, 182)

---

24) Такъ какъ на упомянутое въ примѣчаніи 2 стихотвореніе Саути «Hymn to the Penates» толкователи Пушкина не обратили вниманія, замѣтимъ, что вліяніе этого гимна (написаннаго впрочемъ сплошь 5-стопными ямбами) сказалося и на стихотвореніи «Вновь я посѣтилъ». Стихи длиннѣе или короче положенной мѣры встрѣчаются и у другихъ поэтовъ, особенно въ драматическомъ 5-стопномъ ямбѣ, напр. у Шекспира во второй сценѣ второго акта «Гамлета» знаменитый стихъ

What's Hecuba to him, or he to Hecuba,

6-стопный, а ниже (183)

Быль молодъ, но уже судьба —

4-стопный.

Даже въ столь тщательно обработанномъ «Борисѣ Годуновѣ» (1825):

У Вишневецкаго, что на одрѣ болѣзни (III, 27)

6-стопный стихъ, очевидно, вслѣдствіе невозможности помѣщенія двойного амфибрахія въ 5-стопномъ ямбѣ съ цезурой послѣ четвертаго слога ²⁵).

Образъ выраженія Пушкина отличается даже въ стихахъ такую точностью и ясностью, что въ этомъ отношеніи съ нимъ не по силамъ соперничать и многимъ прозаикамъ. Однако у него, — правда, очень рѣдко — встрѣчаются мѣста, не только темныя, но даже прямо непонятныя, хотя нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что по надлежащемъ изслѣдованіи его рукописей, нерѣдко трудныхъ для чтенія вслѣдствіе множества помарокъ и поправокъ, эти неясности устроятся, или, по крайней мѣрѣ, откроется ихъ причина. Таковъ давно уже отмѣченный стихъ о финскихъ колдунахъ въ первой пѣсни «Руслана и Людмила»:

въ четвертой сценѣ третьяго акта

Alas! how is't with you?

и т. п., рѣже у Шиллера, какъ въ «Орлеанской дѣвѣ» (I, 1, 4):

Das tafre Herz, und glüh'nde Thränen möcht' ich weinen.

Примѣръ Шекспира могъ до нѣкоторой степени повліять на Пушкина въ 1830-ыхъ годахъ.

25) Особое мѣсто занимаетъ одиннадцатая сцена, вся написанная свободными стихами «Горя отъ ума», которое она напоминаетъ и въ другомъ отношеніи: Руза очень похожа на Лизу. Особнякомъ стоитъ и латинскій троханческій стихъ, впрочемъ неправильный съ точки зрѣнія латинскаго стихосложенія, въ десятой сценѣ:

Musa gloriam coronat, gloriaque Musam.

Кстати: сочиненъ-ли онъ Пушкинымъ? Онъ былъ бы правиленъ напр. въ такомъ видѣ:

Musa gloriam coronat atque-Musam gloria.

Все слышитъ голось ихъ ужасный (II, 213),

гдѣ слѣдующій за этимъ стихъ

Что было и что будетъ вновь

исключаетъ возможность пониманія мѣстоименія «все» въ смыслѣ именительнаго падежа, а существительнаго «голось» — въ смыслѣ винительнаго, хотя именно къ такому толкованію ведутъ дальнѣйшіе стихи

И грозной волѣ ихъ подвластны

И гробъ и самая любовь.

Мыслимо, пожалуй, такое объясненіе, что «голось ихъ ужасный» сказано вмѣсто «они, которыхъ голось ужасенъ» по причинѣ ихъ всевѣдѣнія, позволяющаго имъ обнаруживать передъ людьми прошедшее и будущее, и при этомъ можно указать, какъ на параллель, на то, что Пушкинъ говоритъ объ эхо, которое есть тоже голось:

Ты внемлешь грохоту громовъ

И гласу бури и валовъ

И крику сельскихъ пастуховъ —

И слышишь отвѣтъ (II, 128),

хотя поэма «Русланъ и Людмила» написана въ періодъ отъ 1817 до 1820 г., а «Эхо» — въ 1831 г.; но, какъ бы кто ни истолковывалъ это странное мѣсто, уже самая необходимость толкованія, да еще неизбѣжно болѣе или менѣе натянутого и спорнаго, отнюдь не говоритъ въ пользу ясности выраженія въ данномъ случаѣ.

Не излишнимъ кажется нѣкоторый комментарий и къ слѣдующимъ стихамъ третьей пѣсни «Полтавы»:

Въ странѣ, гдѣ мельницъ рядъ крылатый

Оградой мирной обступилъ

Бендеръ пустынные раскаты (329).

Неясность этого мѣста зависитъ отъ того, что при упоминаніи страны, изобилующей вѣтряными мельницами, воображенію представляется Голландія, особенно когда непосредственно впереди шла рѣчь о Петрѣ, а также и отъ мало извѣстнаго мирнымъ гражданамъ фортификаціоннаго выраженія *раскатъ*, которое Пушкинъ узналъ еще въ Царскомъ Селѣ и тогда-же, въ 1815 г., употребилъ въ посланіи къ своему лицейскому товарищу Юдину:

Да изрѣдка рокочеть громъ,
Летя съ высокаго раската (I, 100).

Иного рода темнотою страдаетъ четвертый изъ слѣдующихъ стиховъ первой части «Мѣднаго Всадника»:

И блѣдный день ужъ настаеть...
Ужасный день! Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
И спорить стало ей не въ мочь (III, 563).

Чьей «дури»? конечно, вѣтровъ; но вѣтры не упомянуты ни однимъ словомъ, если не считать «бури», къ которой впрочемъ «ихъ» не можетъ быть отнесено грамматически. Здѣсь Пушкинъ какъ будто запутался въ собственныхъ поправкахъ, что видно изъ сличенія первоначальной редакціи

Но бурнымъ моремъ отъ залива
Уже гонимая Нева,

гдѣ «бурное море» было замѣнено при пересмотрѣ «силой вѣтровъ» (III, 460 Ефр.). Впрочемъ это мѣсто, по крайней мѣрѣ, отчасти искажено пропускомъ, и, быть можетъ, не однимъ: не даромъ мы здѣсь опять наталкиваемся на два сряду мужескихъ окончанія безъ риѣмы — «настаеть — ночь». Но сомнительно, чтобы въ такомъ состояніи этихъ стиховъ были виноваты издатели: вѣроятно, они напечатали ихъ такъ, какъ могли прочесть по рукописи, а въ ней эта часть текста оказалась неотдѣланной.

Это мѣсто, какъ и нѣкоторыя другія изъ тѣхъ, которыя выпи- саны выше и которыя еще будутъ упомянуты въ дальнѣйшемъ перечисленіи недосмотровъ Пушкина, проливаетъ свѣтъ на его «работу»: онъ писалъ очень скоро, торопясь изложить на бумагѣ свои мысли, пока

быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ (1, 193),

а то, что не удавалось ему выразить сразу въ удовлетворитель- ной формѣ, записывалъ такъ, какъ ему тутъ-же приходило въ голову, не заботясь о точности и правильности рѣчи и риѣмы, и потомъ отдѣлывалъ написанное, часто во много присѣстовъ, но, повидимому, непослѣдовательно, не стихъ за стихомъ, а исправляя каждый разъ тѣ мѣста, которыхъ поправка давалась ему въ это время легко, и откладывая передѣлку другихъ, труднѣе подавав- шихся обработкѣ, до слѣдующихъ пересмотровъ, которые не всегда могли состояться. Что онъ «работалъ» надъ своими произ- веденіями, — это вѣрно, но работалъ не какъ работникъ, а какъ поэтъ, т. е. писалъ и усовершенствовалъ написанное лишь до тѣхъ поръ, пока дѣло шло легко и его занимало; если же оно надоѣдало ему, онъ его просто бросалъ, иногда лишь на время, но подѣ-часъ — и на всегда, чему свидѣтельствомъ служатъ много- численные отрывки и неоконченныя произведенія. Между про- чимъ такъ было съ нѣкоторыми частями «Евгенія Онѣгина», о чемъ свидѣтельствуется самъ Пушкинъ въ «Критическихъ замѣткахъ», говоря о пропущенныхъ строфахъ этой поэмы: «Что есть строфы въ Онѣгинѣ, которыя я не могъ, или не хотѣлъ напечатать — этому дивиться нечего. Но, будучи выпущены, онѣ прерываютъ связь разсказа и потому означается мѣсто, гдѣ быть имъ надлежало. Лучше было бы замѣнять эти строфы другими, или переплавлять и сплавливать мною сохраненныя. Но виноватъ, на это я слишкомъ лѣнивъ» (V, 129)²⁶). Есть ру-

26) Объясняя, почему онъ не возражалъ критикамъ, онъ говоритъ въ за- ключеніе: «Еще причина, и главная: лѣность» (тамъ-же 112).

кописи Пушкина, измаранные такъ сильно, что имѣютъ видъ исправленныхъ съ безпощадною мелочностью; но, присмотрѣвшись къ этимъ поправкамъ, отъ которыхъ текстъ иногда становится совершенно неразборчивымъ, мы убѣдимся въ томъ, что онѣ въ самомъ дѣлѣ безпощадны, однако отнюдь не мелочны, такъ какъ состоятъ обыкновенно въ исключеніи не только стиховъ, но и цѣлыхъ строфъ и мѣстъ, часто безо всякой замѣны. Происходило это не отъ одной лѣности, какъ называетъ Пушкинъ свое отвращеніе отъ работы безъ вдохновенія, но и тѣмъ, что Пушкинъ, увлекаясь частностями, на которыя онъ былъ великій мастеръ, нерѣдко уклонялся отъ первоначальнаго плана и не зналъ, какъ свести концы съ концами. Бывало и такъ, что самый планъ или даже предметъ по мѣрѣ его развитія оказывался неудовлетворительнымъ или несогласнымъ со свойствами дарованія Пушкина. Таково напр. предположенное содержаніе «Галуба», которое было бы съ руки Майкову или Алексѣю Толстому, по никакъ не Пушкину, потому что онъ творилъ только непосредственно, безъ малѣйшаго насилія надъ собою, а, каковы бы ни были въ немъ приливы религіознаго чувства, къ эпическому изображенію проповѣдника, обращенія въ христіанство и сопряженнаго съ переменой вѣры нравственнаго переворота въ душѣ полудикаго человѣка онъ былъ едва-ли способенъ, какъ поэтъ слишкомъ личный для эпоса въ строгомъ смыслѣ слова и, что важно въ данномъ случаѣ, не имѣющій ни малѣйшей склонности къ философскому направленію мыслей. Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» Пушкинъ хотѣлъ сначала влюбить героя въ Татьяну при первой встрѣчѣ, но, написавъ относящуюся сюда строфу (послѣ гл. 3, V), спохватился, что она противорѣчитъ задуманному продолженію разсказа, и легко поправилъ дѣло, начисто выкинувъ ее. Это было лишь случайное уклоненіе отъ плана подъ вліяніемъ страсти къ частностямъ, а потому промахъ могъ быть устраненъ безъ труда и безъ послѣдствій. Но дальше Пушкинъ наткнулся при изложеніи на недостатокъ въ планѣ, по которому первой причиною поединка была досада Онѣгина на Ленскаго за

то, что онъ, прїѣхавъ по просьбѣ Ленскаго на именины Татьяны, попалъ въ глупое положеніе, когда Татьяна за обѣдомъ упала въ обморокъ. Согласно съ этой мотивировкой неудовольствія Онегина строфа XXX третьей главы была написана въ такомъ видѣ:

Сажаютъ прямо противъ Тани,
И утренней луны блѣднѣй,
И трепетнѣй гонимой лани,
Она темняющихъ очей
Не подымаетъ: пышетъ бурно
Въ ней страстный жаръ; ей душно, дурно;
Она привѣтствій двухъ друзей
Не слышитъ; слезы изъ очей
Хотятъ ужъ хлынуть; вдругъ упала
Бѣдняжка въ обморокъ; смутясь,
Ее выносятъ; суетясь,
Толпа гостей залепетала,
Всѣ на Онегина глядятъ
И всѣ въ душѣ его винятъ.

Но Пушкинъ чувствовалъ инстинктивное отвращеніе отъ мелодрамы, а потому, перечитавъ эту строфу, поспѣшилъ очистить описанную въ ней сцену отъ той черты, которая сообщала ей мелодраматическій характеръ, Вотъ, какъ онъ передѣлалъ вторую половину строфы:

слезы изъ очей
Хотятъ ужъ капать; ужъ готова
Бѣдняжка въ обморокъ упасть,
Но воля и разсудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила тишкомъ
И усидѣла за столомъ.

Даже довольно невинное «хлынуть» Пушкинъ замѣнилъ умѣреннымъ «капать»; обморокъ упомянуть лишь какъ возможность,

впрочемъ не осуществившаяся; Татьяна справилась со своимъ волненіемъ такъ удачно, что если кто и замѣтилъ ея состояніе, то развѣ одинъ его виновникъ, Онѣгинъ, но въ такомъ случаѣ онъ могъ только одобрить ее за сдержанность, избавившую его отъ противнаго ему патетическаго зрѣлища и отъ пересудовъ сосѣдей. А между тѣмъ именно такое зрѣлище съ его послѣдствіями было необходимо для того, чтобы объяснить несправедливую досаду Онѣгина, повлекшую за собою роковой для его друга поединокъ. Такой умный человѣкъ, какъ Пушкинъ, не могъ не замѣтить того, что, ослабляя причину злобы Онѣгина на ни въ чемъ неповиннаго Ленскаго, онъ въ той-же мѣрѣ усиливаетъ вину своего героя, и безъ того значительную, и при передѣлкѣ строфы онъ сохранилъ изъ прежней редакціи все, что могъ безъ ущерба художественности: оставлены слезы, готовые закапать (хоть и не хлынуть), оставленъ и обморокъ, но въ видѣ лишь угрожающаго, однако не случившагося обстоятельства. И такъ этихъ физическихъ выраженій душевнаго состоянія не было; тѣмъ не менѣе начало слѣдующей строфы —

Траги-нервическихъ явленій,
Дѣвичьихъ обмороковъ, слезъ
Давно терпѣть не могъ Евгенийъ —

указываетъ на содержаніе предшествующей въ ея первоначальномъ видѣ, и дальнѣйшій рассказъ не подвергся никакимъ перемѣнамъ, которыя зависѣли бы отъ устраненія обморока за столомъ. Здѣсь Пушкинъ принесъ плащъ въ жертву художественности, но чисто художественскій характеръ его творчества не позволилъ ему передѣлать задуманный по-художественски (а не придуманный разсудочно) планъ путемъ логическаго уравновѣшенія отдѣльныхъ моментовъ и тщательной пригонки одного событія къ другому. Если бы онъ обладалъ способностью къ такой работѣ, онъ едва-ли увлекся бы мыслью о подробномъ описаніи путешествія Онѣгина, которое рѣшительно выходило изъ рамокъ фабулы, положенной въ основу поэмы. Отчасти, конечно, здѣсь сказалось

вліяніе Байронова Childe Harold's pilgrimage. Осуществленіемъ этой мысли онъ занимался урывками, то въ Москвѣ, то въ Павловскѣ, то въ Болдинѣ, съ 1827 года по 1829, но возвратившись къ «Евгенію Онѣгину» въ 1830 г. послѣ поѣздки на Кавказъ, онъ принялся прямо за продолженіе повѣствованія со времени пріѣзда Онѣгина въ Москву, что понятно, такъ какъ то, что привлекало Пушкина такъ долго къ этой поэмѣ, заключалось не въ одномъ Онѣгинѣ, а настолько-же и въ Татьянѣ, къ которой по мѣрѣ развитія дѣйствія онъ привязывался все сильнѣе. Къ тому-же и много воды утекло съ 1822 г., когда онъ началъ писать свой поэтическій романъ: за эти восемь лѣтъ вліяніе Байрона, и въ самомъ началѣ лишь поверхностное, окончательно испарилось и уступило мѣсто любви къ родному, русскому, чего такъ много находилъ онъ въ Татьянѣ, не смотря на ея французское воспитаніе. Закончивъ поэму въ 1831 г., онъ и не думалъ дополнять и отдѣлывать уже написанныя части путешествія, которое должно было составлять содержаніе осьмой главы, а просто выпустилъ ихъ безо всякаго слѣда, какъ будто бы ихъ и не было. Въ предисловіи къ изданной имъ отдѣльно послѣдней главѣ онъ говоритъ объ этомъ такъ: «Отъ него (автора) зависѣло означить сію выпущенную главу точками или цифрой; но, во избѣжаніе соблазна, рѣшился онъ лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, осьмой надъ послѣднею главою Евгенія Онѣгина, и пожертвовать одною изъ окончательныхъ строчъ:

Пора: перо покоя проситъ;
 Я девять пѣсенъ написалъ;
 На берегъ радостный выносить
 Мою ладью девятый валъ —
 Хвала вамъ, девяти Каменамъ, и проч.» (III, 405).

Правда, одинъ изъ критиковъ конца «Русалки» пользуется какъ разъ этими стихами для того, чтобы показать, какъ строго Пушкинъ выправлялъ свои произведенія; но на самомъ дѣлѣ исключеніе этого мѣста изъ поэмы показываетъ лишь то, что «лѣность»

помѣшала Пушкину отдѣлать осьмую главу; а когда вслѣдствіе этого обстоятельства въ поэмѣ оказалось всего на-все восемь главъ, то что же ему было дѣлать съ указаніемъ на девять главъ, какъ не выкинуть его, не смотря на всѣ его достоинства? Примѣромъ увлеченія картиной (даже двумя, если не тремя) безъ ясной мысли о томъ, что изъ этой картины выйдетъ, можетъ служить довольно ранній (1823 г.), но превосходно написанный «Отрывокъ», въ которомъ изображается явленіе тѣни Наполеона Императору Александру I. Побѣдитель Наполеона и замиритель Европы предается гордому сознанію своего могущества, и вдругъ ему предстаетъ призракъ сокрушеннаго имъ врага—для чего? Очевидно, для того, чтобы умѣрить преждевременную самоувѣренность счастливаго соперника. Какими средствами призракъ могъ достичь этой цѣли? Кажется, только однимъ — указаніемъ на зараженіе русской молодежи тѣми революціонными идеями, поборникомъ которыхъ Наполеонъ называлъ себя. Думалъ ли Пушкинъ о такомъ содержаніи заключительной и въ сущности важнѣйшей части стихотворенія, мы рѣшить не можемъ, хотя весьма вѣроятно, что въ общихъ чертахъ думалъ²⁷⁾; какъ бы то ни было, такая отвлеченность, едва допускающая нѣкоторое оживленіе образами, совсѣмъ не была въ духѣ Пушкина, да и вообще давала плохую пищу чистому поэтическому творчеству. И вотъ стихотвореніе оказалось написаннымъ лишь на столько, на сколько въ немъ выступаютъ картины, имѣющія притомъ отчасти самостоятельное значеніе, въ видѣ частныхъ, какъ такихъ, не совсѣмъ прилаженныхъ къ цѣлому: образъ Александра I, сидящаго ночью въ своемъ кабинетѣ или спальнѣ и созерцающаго въ мысляхъ свое величіе, хотя даже выраженіе этихъ мыслей прерывается послѣ двухъ первыхъ стиховъ пробѣломъ, который такъ и остался незаполненнымъ; далѣе — явленіе тѣни Наполеона, сначала въ видѣ всадника, словно какого-то азіатскаго «бича міра», вѣроятно, подъ вліяніемъ уже не

---

27) Въ томъ-же году написаны «Возстань, о Греція, возстань» (I, 298) «Сказали разъ царю» (тамъ-же) и «Свободы сѣятель пустынный» (299).

фантастической картины, а просто картинки, представляющей Наполеона верхомъ на знаменитомъ его конѣ, бѣломъ, сухопаромъ, жидкохвостомъ Али, а на второмъ планѣ — войска; потомъ, ближе къ положенію, тотъ-же призракъ пѣшкомъ. И такъ это стихотвореніе, если и было вызвано тогдашнимъ направле-ніемъ мыслей Пушкина и предназначено для выраженія одной изъ нихъ, быть можетъ, даже несамостоятельной, то непосредственнымъ побужденіемъ къ творчеству въ этомъ случаѣ, вѣро-ятно, послужили картины, представившіяся его воображенію, а не самая мысль, съ которой онъ и не справился, — и отрывокъ былъ цѣликомъ брошенъ и забытъ.

Такова была по большей части «отдѣлка» у Пушкина: что казалось ему слабымъ или неумѣстнымъ, отбрасывалось въ сторону, и замѣнялось-ли оно другимъ или являлось въ видѣ точекъ и цифръ, а то такъ и совсѣмъ предавалось забвенію, — это всецѣло зависѣло отъ интереса поэта къ своему произведенію въ то время, когда оно приходило ему на память. Мелочи онъ исправлялъ сравнительно рѣдко, и при-томъ или очень скоро по написаніи того, что подлежало измѣненію, или, наоборотъ, черезъ значительный промежу-токъ времени, когда написанное и тутъ-же брошенное слу-чайно попадалось ему на глаза. Такъ напр. въ 1824 г., находясь въ Михайловскомъ, онъ написалъ стихотвореніе «Аквилонъ» (I, 305), а въ 1830 г., нашедъ его въ Болдинѣ, куда, вѣроятно, былъ перевезенъ его поэтической архивъ лѣтомъ того-же года, вмѣсто «чуждый» поставилъ «дальній» (если не «дальный», какъ въ нерѣдкой у Пушкина рѣчь съ «печальный»), вмѣсто «столь гнѣвно» — «такъ бурно», вмѣсто «мрачно облегался» — «глухо облегался» (изд. Ефр. I, 537), но, кажется, только подъ влія-ніемъ перемѣнившихся за это время его вкусовъ, а не съ тѣмъ, чтобы приготовить эти стихи къ печати, въ которой они появи-лись лишь въ 1837 г., уже по его смерти²⁸⁾. Но вообще такого

---

28) Это стихотвореніе написало, повидимому, вскорѣ по возвращеніи Пуш-кина изъ ссылки на югъ въ родныя мѣста, что, хотя было новой ссылкой,

рода частныя поправки Пушкинъ предпринималъ обыкновенно при печатаніи своихъ болѣе или менѣе давнихъ стихотвореній въ альманахахъ, журналахъ и для первыхъ изданій своихъ произведеній (1826 и 1829 г.). И то не всегда; напр. его посланіе къ Языкову 1824 г. было два раза напечатано при его жизни съ цензурной замѣной нецензурнаго «самовласть» словомъ «непогода», невиннымъ въ смыслѣ политическомъ, но гибельнымъ для приема:

Но злобно мной играетъ счастье:

Давно безъ крова я ношусь,

Куда подуетъ непогода:

Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь (I 308).

Едва-ли возможно объяснять такое равнодушіе Пушкина къ благообразію своего произведенія тѣмъ, что, не возстановляя приема, онъ выставлялъ на видъ произволь цензуры: такой приемъ можно было бы, пожалуй, приписать ему, если-бы онъ жилъ лѣтъ на 30 позже, а въ свое время мѣста, которыя были запрещены цензурой или могли подвергнуться запрещенію, онъ или выбрасывалъ или передѣлывалъ, какъ напр. конецъ «Посвященія» при «Кавказскомъ плѣнникѣ». Къ тому-же понятіе «непогода», особенно при глаголѣ «подуетъ», должно было навести читателя не на какое-нибудь «неблагодежное» слово, а на созвучное «счастью» «ненастье», съ которымъ первоначальная редакція стиха могла представиться воображенію въ такомъ видѣ:

Куда помчитъ меня ненастье

или такъ:

Куда бѣжать велитъ ненастье.

все-же въ извѣстномъ смыслѣ представляло собою смягченіе кары, постигшей его года за-три до того. Въ 1835 г. онъ отчасти воспользовался тѣмъ-же мотивомъ въ стихотвореніи «Туча». Гдѣ оно написано: въ Петербургѣ или въ Михайловскомъ, въ которомъ онъ провелъ часть осени? находится ли оно въ связи съ какимъ-нибудь петербургскимъ событіемъ, напр. съ пожалованіемъ ему заимообразно 30000 рублей, или съ воспоминаніями юности?

И такъ исправленія Пушкина въ большинствѣ случаевъ касались цѣлаго, а не частныхъ, къ которымъ онъ былъ сравнительно равнодушенъ, отчасти по отсутствію всякаго педантизма, отчасти вслѣдствіе вѣры въ то изощренное вниманіе, которое онъ полагалъ существеннымъ свойствомъ вдохновенія (V, 21). Въ общемъ онъ былъ правъ, но отъ отдѣльныхъ погрѣшностей его не могла спасти вся его гениальность. А если такъ, годно ли для провѣрки подлинности приписываемыхъ ему произведеній мѣрило технического совершенства, особенно когда оно примѣняется къ частностямъ?

Пушкинскій языкъ считается классическимъ; и въ самомъ дѣлѣ онъ отличается чистотой, правильностью, простотою, богатствомъ, гибкостью и нерѣдко народностью выраженій и оборотовъ. Все это вѣрно, но и въ этомъ отношеніи Пушкинъ не представляетъ собою совершенства. Разумѣется, по тому времени, въ которое онъ жилъ, надобно изумляться его знанію русскаго языка, а никакъ не порицать его въ томъ случаѣ, если бы въ его рѣчь когда-нибудь проскользнулъ галлицизмъ. Но, какъ бы мы ни отнесли къ этому недостатку, примѣровъ его у Пушкина отвергать нельзя, и не только въ такомъ сравнительно безразличномъ со стороны языка произведеніи, какъ большая часть «Повѣстей Бѣлкина», гдѣ встрѣчается напр. такое употребленіе дѣепричастія:

Вы согласитесь, что имѣя право выбирать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ, а моя почти безопасна (Выстрѣлъ—IV, 38—39),

или въ раннихъ стихотвореніяхъ, напр. «Казакъ» (1815 г.):

Храбрый видитъ красну дѣву (I, 59)

«Слеза» (1816):

Мой храбрый спросилъ (148)

= le brave, mon brave, также въ элегии «Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ» (1816):

Кому тихонько вѣрный ключъ
Отворить дверь *его прекрасной* (144)

=de sa belle;

«Воспоминаніе» (Къ Пущину — 1815):

Хохоть чистаго веселья,
Неподвижный, тусклый взоръ
Измѣняли чадъ похмѣлья,
Сладкій Вакха заговоръ (80)

и «Фавнъ и пастушка» (1816) 1. Пастушка:

И томное дыханье,
И взоровъ томный свѣтъ,
И груди трепетанье,
И розы вѣжнѣй цвѣтъ —
Все юность *измѣняетъ* (110)

=trahissaient l'ivresse, trahit la jeunesse; «Къ ней» (1817):

Бѣжалъ отъ радостей, бѣжалъ отъ милыхъ музъ,
И — *слезы на глазахъ* — со славою прощался! (181)

=les larmes aux yeux, какъ и «Андрей Шенье» (1825):

Когда съ угрозами, и *слезы на глазахъ*,
Мой проклиная вѣкъ, утраченный въ пиррахъ (340);

«Русланъ и Людмила» п. 1 (1817—1818?):

Онъ обольстилъ меня, *несчастнѣй!* (II, 216)

=le miserable; «Графъ Нулинъ» (1825):

Она, *открывъ глаза большіе* (III, 93)

=ouvrant de grands yeux²⁹⁾; но и въ «Полтавѣ» (1828) п. 1-я:

Отмститъ поруганную дочь (116)³⁰⁾,

---

29) Но очень кстати въ словахъ самого графа:

Позвольте видѣть вашъ уборъ (90)

permettez-moi de voir votre parure) вмѣсто «взглянуть на».

30) Академикъ А. Н. Веселовскій указалъ мнѣ на галлицизмъ и въ «Посвященіи»:

Тебѣ — но голодъ музы *темной*

Коснется ль слуха твоего (108)

=venger sa fille; тамъ-же:

Не онъ ли *помощь* Станиславу
Съ негодованьемъ *отказалъ*? (121)

=avait refusé son assistance, и даже въ истинно замѣчательномъ памятникѣ языка, «Борисъ Годуновъ», именно въ двадцать-второй сценѣ мы не безъ удивленія читаемъ:

Довѣренность младаго Вѣнценосца
Предательствомъ ужаснымъ *заплатить* (III, 73).

Тамъ-же есть погрѣшности противъ языка и помимо галлицизмовъ. Такъ въ предшествующей сценѣ слова Годунова

Что дѣлають межъ тѣмъ герои наши? (66)

измѣняютъ общему въ этой драмѣ колориту рѣчи употребленіемъ иноязычнаго «герои», которое могло быть извѣстно тогда только книжникамъ, да и то въ формѣ «ирои». Тамъ-же въ стихѣ

И отрокомъ отецъ повелѣваетъ (67)

управленіе глагола, извиняемое лишь аналогіей близкаго по значенію «управлять». Тамъ-же въ послѣдней сценѣ (76) бессознательный плеоназмъ «мертвые трупы», основанный на смѣшеніи «*трупа*» съ «*тѣломъ*», потому что *тѣло* часто и безъ прилага-тельнаго *мертвое* говорится въ значеніи *трупа*. Болѣе рѣзкая ошибка будетъ отмѣчена ниже.

Можетъ быть, вліяніемъ французскаго языка слѣдуетъ объяснить и слѣдующія неправильности. «Фавнъ и пастушка». В Чудо:

На помощь вѣжной Лилы
Летятъ со всѣхъ сторонъ (I, 113)

=obscur, такъ какъ у насъ это прилагательное въ переносномъ смыслѣ значить обыкновенно «незнающій, непросвѣщенный», напр. «мы люди темные: грамотѣ не учились».

==au secours de la tendre Lila; «Калмычкѣ» (1829):

Чуть-чуть, *на зло моихъ затѣй* (II, 66)

==en dépit de mes projets; «Недоконченная картина» (1819):

Взоръ нѣмой

Вперилъ онъ на свое созданье (I, 207)

==il fixa son regard sur son oeuvre, и такъ-же въ «Отрывкѣ» (1823):

На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ очи (297),

въ черновомъ переводѣ изъ Orlando furioso (1825), строфа 111:

И наконецъ *на свой позоръ*

Вперилъ онъ равнодушно взоръ (I, 369),

«Русланъ и Людмила» п. 6 (1820):

И старецъ *безпокойный* взгляды

Вперилъ на витязя въ молчаньѣ (II, 267),

«Кавказскій плѣнникъ» (1821) ч. 1-я:

*Вперялъ онъ неподвижный взоръ*³¹⁾

На отдаленныя громады (283),

«Вадимъ» (1822):

на брега

Глаза *вперивъ*, не молвить слова (315),

и, вѣроятно, по тому-же образцу, «Коварность» (1824):

Какъ, *на тебя* взоръ острый *привоздя* (I, 321);

«Каменный гость» (1830) сд. 3-я:

При васъ мои моленья могутъ къ небу

Смиренно возноситься. Я прошу

И васъ свой голосъ *къ нимъ соединить* (III, 209)³²⁾

---

31) Въ изданіи 1822 г.:

Остановлялъ онъ долго взоръ.

32) Въ Смирдинскомъ альманахѣ «Сто русскихъ литераторовъ» (1839 г.), гдѣ «Каменный гость» напечатанъ впервые, «мои моленья могутъ» измѣнено въ «мое моленье можетъ», а «къ» — въ «съ», и эти поправки приняты Анненковымъ, хотя подлинный текстъ Пушкина былъ ему извѣстенъ (IV 463 Анн.).

=joindre à. Страдательный залогъ отъ глаголовъ, имѣющихъ прямое дополненіе во французскомъ языкѣ, а не въ русскомъ — «Борисъ Годуновъ» сц. 2-я:

Завтра вновь святѣйшій патриархъ—
Предшествуемъ хоругвями святыми —
Воздвижется (III, 5)

=précédé, «Баратынскій» (1831):

стихотвореній, знаемыхъ всѣми наизусть и столь неудачно поминутно *подражаемыхъ* (V, 155)

=imitées, «О сочиненіяхъ П. А. Катенина» (1833):

механизму стиха г. Катенина, слишкомъ *пренебрегаемому* лучшими нашими стихотворцами (V, 193),

=négligé. Впрочемъ послѣдній глаголъ во французской конструкціи встрѣчается у Пушкина и помимо страдательнаго залога — въ отрывкѣ 7 «Альбома Онѣгина»:

Сокровища роднаго слова,
Замѣтятъ важные умы,
Для лепетанія чужова
Пренебрегли безумно мы (III, 416),

какъ будто имѣлось въ виду «презрѣли». Наоборотъ, въ пятой строфѣ «Родословной моего героя» (1833):

Вы презираете отцами,
Ихъ славой, честію, правами (III, 550)³³⁾

Въ первомъ посмертномъ изданіи Пушкина вмѣсто «моленья» напечатано «моливты», а послѣдній стихъ измѣненъ такъ:

И васъ соединить свой голосъ съ ними.

33) Смѣшеніе этихъ глаголовъ по конструкціи не рѣдко въ прозѣ Пушкина, напр. «О старой русской словесности»:

пренебрегая цвѣты и благородныя игры воображенія (I, 266 Анн., V, 39 Ефр.—отрывокъ IX, кажется, не попавшій въ изд. Мор.),

въ «Литературныхъ Лѣтописяхъ»:

Писатели извѣстные не будутъ ими презирать (V, 64 Мор.),

«Критическія замѣтки»:

Критики наши напрасно ими презираютъ (128),

и вмѣсто «побрезговать» въ девятой сценѣ «Бориса Годунова»:

Благодарю, что вы моей хлѣбъ-солью
Не призрѣли (26),

гдѣ ошибка особенно чувствительна рядомъ съ чисто народнымъ «хлѣбъ-солью».

Французскому вліянію можно приписать и употребленіе мѣстоименія *мой* вмѣсто *свой* при подлежащемъ я³⁴) и причастія прошедшаго вмѣсто настоящаго — «Борисъ Годуновъ» сц. 9:

Три дня

Я трупъ его въ соборѣ посѣщаль,
Всѣмъ Угличемъ туда *сопровожденный* (III, 35),

набросокъ «Кто знаетъ край» (1827):

Гдѣ пѣлъ Торквато величавый,
Гдѣ и теперъ во мглѣ ночной
Адріатической волной
Повторены его октавы (II, 24),

«Полтава» п. 3:

Двумя *поддержанъ* казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненье боя (III, 145).

«О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности» (1829):

общее употребленіе французскаго языка и пренебреженіе русскаго (V, 19).

Но правильно напр. во второй статьѣ объ «Исторіи Русскаго Народа» Полевого (1830):

онъ добровольно пренебрегаетъ онымъ (V, 78),

какъ и существительное съ родительнымъ логическаго подлежащаго «На углу маленькой площади»:

И пренебреженіе людей, которыхъ ты презираешь, . . . можетъ до такой степени тебя разстроить (IV, 380).

34) Такъ по большей части, но при второмъ лицѣ *нерѣдко* и *свой*, напр. во второмъ посланіи къ цензору (1824):

Отнесся я къ тебѣ по долгу *моему* (I, 319),

а ниже:

Права *свои* храни по долгу *своему* (320).

Еще раньше Пушкинъ разрѣшилъ себѣ эту вольность въ дѣепричастіи — «Сонъ» (1816):

Свѣтлѣетъ все; другъ друга *перенавъ*,

Журчатъ ручьи; блестятъ берега безмолвны (I, 134),

что не можетъ быть переводомъ съ французскаго. За то, особенно въ 1825 г., нельзя не признать вліянія этого языка въ словахъ самозванца, обращенныхъ не къ Поляку, а къ Русскому, слѣдовательно русскихъ — «Борисъ Годуновъ» сд. 10:

Я зналъ Донцовъ; не *сомнѣвался видѣть*

Въ своихъ войскахъ казачьи бунчуки (III, 40)³⁵).

О другихъ неправильныхъ или необычныхъ конструціяхъ у Пушкина, не имѣющихъ въ себѣ однако ничего иноязычнаго, будетъ сказано ниже, а здѣсь упомянемъ только винительный падежъ при «внимать» въ смыслѣ «слушать» (а не «слышать»), замѣченный еще въ 1820 г. критикомъ «Руслана и Людмилы» (II, 197); примѣровъ этого употребленія много. Есть и ошибки,

---

35) Въ концѣ тридцатой строфы первой главы «Евгенія Онѣгина» —

Я все ихъ помню, и во свѣ

Онѣ тревожатъ сердце мнѣ —

Пушкинъ написалъ первоначально «смущаютъ», и такъ это мѣсто было напечатано въ первомъ изданіи поэмы, но съ примѣчаніемъ: «Непростительный галлицизмъ. — Соч.». Отсюда видно, что глаголъ «смущать» пришелъ ему въ голову не самъ по себѣ, а въ видѣ перевода французскаго слова, — вѣроятно, *troubler*, о чемъ едва-ли кто догадался бы безъ указанія со стороны автора.

Такихъ фразеологическихъ галлицизмовъ, какъ въ статьѣ «Мнѣніе М. Е. Лобанова» (1836 г.): «Но и тутъ г. Лобановъ *сдѣлалъ* несправедливыя *указанія*» (V, 304), теперь считать не приходится, потому что наши литераторы по большей части утратили всякое чутье къ дикости выраженій въ родѣ «сдѣлать предложеніе» (вм. «внести предложеніе» или просто «предложить»), «сдѣлать намекъ» (вм. «намекнуть»), «сдѣлать поступокъ» (вм. «совершить поступокъ»), даже «сдѣлать такое-то употребленіе» (вм. «употребить такимъ-то образомъ», «воспользоваться для того-то, съ такою-то цѣлью»), какъ уже у Пушкина отъ лица «одного почтеннаго мужа» въ замѣткѣ «Отъ издателя» передъ повѣстями Бѣлкина: «если заблагоразсудите сдѣлать изъ сего моего письма какое либо употребленіе» (IV, 34), а позже, уже отъ себя, такъ выразился Анненковъ въ Матеріалахъ (стр. 177, изд. 2). Впрочемъ Нѣмцы, какъ ни превозносятъ основательное *Deutschthum* въ ущербъ легковѣсному *Franzosenenthum*, терпятъ въ своемъ языкѣ этотъ *Unfug* еще благодушнѣе, чѣмъ мы.

основанныя на синтактических недоразумѣніяхъ, правда, преимущественно въ юношескихъ произведеніяхъ. Эпиграмма «На гр. А. К. Разумовскаго» (1814):

Ты слышалъ вѣсть смѣшную?
Разумникъ получилъ вѣдь ленту голубую.
— Богъ съ нимъ! я *недругъ* никому:
Дай Богъ и царствія небснаго ему (I, 54),

гдѣ недостаетъ одного отрицанія; «Отрывки изъ поэмъ» (1823):

Въ прохладѣ пальмъ, *подъ* говоромъ ручья,
Задумалась красавица моя (II, 344)

вмѣсто «подъ говоръ», такъ-же «Зимній вечеръ» (1825):

Или дремлешь *подъ* жужжаньемъ
Своего веретена? (362)³⁶;

«Литературное извѣстіе» (1829):

Преострый мужъ, *достойный* много хвалъ (78)

вмѣсто «многихъ», что было бы впрочемъ неблагозвучно; «Полтава» п. 1-я:

Онъ, *должный* быть отцемъ и другомъ
Невинной крестницы своей (III, 110).

По малой мѣрѣ, не точно «Моему Аристарху» (1815):

На рифмахъ вдругъ заговорю (I, 108)

и «А. А. Шишкову» (1816):

Охота смертная *на рифмахъ лепетать* (I, 155),

какъ и «Бова» (1815):

Въ серафимовъ *жаритъ пушками* (62)

вмѣсто «изъ пушекъ» или «ядрами»; «Евгеній Онегинъ» гл. 6 IX:

Къ *послу* такого порученья
Оборотясь

---

36) Ср. Державина «Русскія дѣвушки»:
Пляшутъ дѣвушки Россійски
Подъ свирѣлью пастушка.

вмѣсто «къ послу, на котораго было возложено такое порученье», или «къ передатчику»; «Къ вельможѣ»:

Пророческихъ *очей не простирая* вдаль
вмѣсто «взоровъ».

Есть у Пушкина неправильности и въ этимологическихъ формахъ. Нѣкоторыя изъ такихъ погрѣшностей можно, пожалуй, отнести къ вульгаризмамъ или провинціализмамъ, каковыхъ Пушкинъ не чуждался или не умѣлъ избѣжать, напр. «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» (1815):

И праздный въ полѣ *ржавитъ* плугъ (I, 55),
«Кавказскій плѣнникъ» ч. 2:

Здѣсь, на костяхъ моихъ изгнанныхъ,
Заржавитъ тягостная цѣпь (II, 292)

вмѣсто «ржавѣть», «заржавѣть», и прилагательное отъ этого глагола — «Сраженный рыцарь» (1815):

И щить подъ шоломомъ *заржавымъ* (I, 91),
«Русланъ и Людмила» п. 3 (1818?):

Гдѣ сбруя, гдѣ *заржавый* щить (II, 284),
въ письмѣ къ Дельвигу 1824 г.:

....изъ *заржавой* желѣзной трубки по камнямъ падала вода
(VII, № 89),

«Черепъ» (1827):

И вотъ визжитъ замокъ *заржавый* (II, 19),
«Полтава» п. 2:

Но ключъ въ *заржавомъ* .

Замкъ гремитъ (III, 128)

вмѣсто «заржавѣвшій» или «ржавый»; «Русланъ и Людмила» п. 3:

Щекотитъ ноздри копѣемъ (II, 236),

набросокъ «Блаженъ въ золотѣ кругу вельможъ» (1827):

Приправя съ горькой правдой ложь,
Онъ вкусъ притупленный *щекотитъ* (27),

— гдѣ, сказать мимоходомъ, первый стихъ, судя по натянутой конструкціи, долженъ значить «приправя горькую правду ложью»

— и въ прозѣ «Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ» (1831):

и г. Гречь, вѣроятно, не станетъ тревожить сего счастливаго усыпленія, *щекотя* Газету проказливымъ мизинчикомъ (V, 179);

«Борисъ Годуновъ» сц. 8:

Котораго *захочемъ* наказать (III, 28);

«Евгеній Онѣгинъ» гл. 6, XXVIII:

Не *разойтись* ль полюбовно?

гдѣ «не разойтись ли» было бы не только возможно, но и лучше во всѣхъ отношеніяхъ; также въ прозѣ: «Критическія замѣтки» (1830 или 1831):

но и тутъ можно безъ нихъ *обойтись* (V, 136),

«На углу маленькой площади» (1833):

развѣ я безъ шампанскаго *обойтись* не могу? (IV, 380).

Вѣроятно, изъ просторѣчія, а не изъ церковно-славянскаго языка «Наполеонъ на Эльбѣ» (1815):

Побыли съ трепетомъ законные цари (I, 70)

и «Наполеонъ» (1821):

Бьжатъ Европы ополченья (253).

Славянизмы, но ошибочные, «Къ Батюшкову» (1814):

Пой, юноша! Пѣвецъ тисскій

Въ тебя *влиязъ* свой нѣжный духъ (34)

и «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» (1815):

О, если бѣ Аполлонъ пѣтовъ даръ чудесный

: *Влиязъ* мнѣ нынѣ въ грудь (57)

вмѣсто «влилъ», потому что «влиязъ» то-же, что «вливалъ», и «Конрадъ Валленродъ» (1828):

И племя чуждаго закона

Къ своей подошвѣ *привлачить* (II, 51)

вмѣсто «привлечь» (црк. привлѣщи, русск. приволочь, но мѣстами — приволочить)³⁷⁾. Изъ просторѣчія заимствованы безукоризненно правильныя образованія въ стихотвореніяхъ «Гробъ юноши» (1821):

Тебѣ *постынетъ* бѣлый свѣтъ (I, 250),

«Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая» (1827):

Какъ онъ, безъ отзыва, *утпивно* я пою (II, 22),

хотя здѣсь это нарѣчіе несовсѣмъ ясно, «Отрывки изъ поэмъ» (1823):

Я научилъ *послушливую* руку (II, 344),

«Анчаръ» (1828):

А царь тѣмъ ядомъ напиталъ

Свои *послушныя* стрѣлы (344),

«Къ Языкову» (1827):

Она *разымчива*, пьяна (21),

«Евгеній Онѣгинъ» п. 5 XXXII (1826):

Любви *приманчивой* фіаль.

Несомнѣнный провинціализмъ въ «Мысляхъ на дорогѣ» (Вышній Волочекъ):

дѣла не имѣлъ онъ ни *штей*, ни хлѣба (V, 235).

Къ этой-же категоріи можно отнести извѣстное «Дрема до-литъ» во второй пѣсни «Полтавы» (III, 128) и вѣроятно, также отмѣченное критикой и устраненное Пушкинымъ «воилъ»³⁸⁾, т. е.

---

37) Часто встрѣчаемое у Пушкина множ. *брея* есть также контаминація церковно-славянскаго съ русскимъ, но она правильна, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія русской грамматики.

38) Эта ошибка выписана Пушкинымъ съ четырьмя другими при слѣдующей «Критической замѣткѣ»: «Вотъ уже 16 лѣтъ, какъ я печатаю, и критики замѣтили въ моихъ стихахъ пять грамматическихъ ошибокъ (и справедливо); я всегда былъ имъ искренно благодаренъ и всегда поправлялъ замѣченное мѣсто. Прозой пишу я гораздо неправильнѣе, а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Гоголь» (V, 135). Эта замѣтка поучительна тѣмъ, что даетъ намъ мѣрку для оцѣнки языка Пушкина сообразно съ тогдашними понятіями о правильности русской рѣчи: критики за цѣлыя 16 лѣтъ

вылъ, въ «Бурѣ» (1825 г. III, 364 ср.); сверхъ того «На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа, въ 1815 году»:

Содрога счастья сынъ (I, 103),

«Братя разбойники» (1821):

Гука *задрогла*, онъ вздохнулъ (II, 307),

если только эти формы отъ *дрогнуть* не произведены самимъ Пушкинымъ по аналогіи такихъ, какъ *продрогъ, издрогъ*; «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ»:

Тамъ въ тихомъ озерѣ *плескаются* Няяды
Его лѣнливою волной (I, 53),

хотя «плещущихъ» и т. п. 70, 78, 233, II, 9; «Евгеній Онѣгинъ» гл. 5 XIX:

нетерпѣливо

Метаясь, хочеть закричать,

хотя тамъ-же гл. 8, XXXV «мечеть», и «Странникъ» I (1834):

И горько повторялъ, *метаясь* какъ больной (II, 164).

Однако эти образованія на *-аю* особенно рѣзко бросаются въ глаза при общемъ пристрастіи Пушкина къ кратчайшимъ формамъ спряженія. Извѣстно, что Пушкинъ осуждалъ образованіе «*ръшаю, рьшаеть*» и т. д., потому что «*ръшу*» спрягается какъ «*ръшу*» (V, 135). На самомъ дѣлѣ правильны и *ръшаю* и *ръшу*, но послѣдняя форма употребляется въ смыслѣ какъ настоящаго, такъ въ особенности будущаго. Другое настоящее-будущее, но съ такимъ значеніемъ уже отнюдь не общеупотребительное, есть у Пушкина въ «Эвлегѣ» (1814):

Онъ поднялъ мечъ, и съ трепетомъ Эвлега

Падетъ на дернъ, какъ клочъ летучій снѣга (I, 17),

указали въ стихотвореніяхъ Пушкина только пять ошибокъ, въ числѣ которыхъ значится «игумену вм. игумну» (съ греч. ἰγούμενος), а онъ вѣрить этимъ судьямъ.

въ третьей пѣсни «Руслана и Людмилы»:

Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираеть,
И мщенье бурное *падетъ*
Въ душѣ, молениемъ усмиреной (II, 239),

тамъ-же въ четвертой:

Раздался дѣвы жалкій стонъ,
Падетъ безъ чувствъ — и дивный сонъ
Обнялъ несчастную крылами (II, 250),

во второй главѣ «Евгенія Онѣгина» XXXVIII:

поколѣнья —

Восходятъ, зрѣютъ и *падутъ*³⁹⁾

по примѣру Державина, выписанному, хотя съ иной цѣлью, въ примѣчаніи 8 къ «Кавказскому плѣннику»:

Какъ съ чель ихъ съ грохотомъ снѣга
Падуть, лежавши цѣлы вѣки.

Еще страннѣе настоящее-будущее въ первомъ подготовительномъ наброскѣ для «Египетскихъ ночей» (1835?):

одну изъ княженъ Елецкихъ, коихъ отцы и братья, какъ

---

39) Неясно временное значеніе этой формы въ стихотвореніи «Наполеонъ на Эльбѣ» (1815):

Рыдай! твой бичъ возсталъ — и все *падетъ* во прахъ,
Все гибнетъ (I, 70)

и въ первой части «Кавказскаго плѣнника»:

То съ высоты крутыхъ холмовъ
Нетерпѣливыми рядами
При данномъ знакѣ вдругъ *падутъ*,
Какъ лани землю поражаютъ (II, 287).

Трудно также опредѣлить время въ слѣдующемъ мѣстѣ 4-ой пѣсни «Руслана и Людмилы»:

Одна снимаетъ племъ крылатый,
Другая — кованыя латы,
Та мечъ беретъ, та пыльный щитъ;
Одежда нѣги *замынитъ*
Желѣзные доспѣхи брани (II, 245),

гдѣ для Пушкина, особенно молодого, допустимо французское употребленіе будущаго о событіи, предстоящемъ въ разсказѣ, но уже прошедшемъ во время передачи разсказа: *des vêtements de luxe remplaceront les armes.*

извѣстно, нынѣ *запахнутъ* сами и, встрѣчаясь другъ съ другомъ на своихъ бороздахъ, отряхаютъ сохи и говорятъ (IV, 400).

Едва-ли согласно съ особенностями какого-нибудь говора «Къ Дельвику» (1815):

Стихами до *надсаду*

Жужжишь Икару вслѣдъ (I, 89)

вмѣсто «до надсады» (ср. досада, осада, засада, расада), какъ и въ первомъ подражаніи Данту (1832):

И *лопалъ* на огнѣ печеный ростовщикъ (II, 140)

вмѣсто «лопался», вѣроятно, только по аналогіи съ «лопнулъ», которое слѣдуетъ тутъ-же черезъ девять стиховъ («лопнулъ» также въ «Утопленникѣ» II, 47). Неправильно въ «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ» (1822):

И *праицъ*, и стрѣла, и лукавый кинжалъ (I, 275)

вмѣсто «праца». Невѣрны образованія во второй сценѣ «Скупого рыцаря» (1830):

Когтистый звѣрь, *скребящій* сердце (III, 178)

вмѣсто «скребущій» и въ «Сказкѣ о попѣ и о работникѣ его Балдѣ» (1831):

Разсказывать про *Балдову* побѣду (III, 454)

вмѣсто «Балдину». «Женихъ» (1825):

На серебро, на злато,

На сукна, коврики, парчу,

На новгородскую *камчу*

Я молча любовалась (III, 100—101)

заключаетъ въ себѣ слово, кажется, выдуманное, по крайней мѣрѣ, въ этомъ значеніи: *камча* есть русская замѣна татарскаго *камчи* «плеть», а ткань, которую имѣлъ въ виду Пушкинъ, называется *камка*. Сбило его прилагательное отъ этого слова — *камчатый* (ср. *трубчатый* отъ *трубка*, *сумчатый* отъ *сумка*, *клетчатый*

чатый отъ *клетка* и т. п.), позже — *камчатный* уже въ смыслѣ сдѣланнаго изъ полотна съ матовыми узорами по лощеному полю того-же или сходнаго цвѣта (у Даля такое полотно названо *камчаткой*). Можетъ быть, на недоразумѣніи основано и неправильное сочетаніе въ «Сказкѣ о мертвой царевнѣ»:

Но другому я *наочно*
Отдана (III, 521)

и во второй части «Анжелю», гдѣ Изабелла говоритъ герою этой странной поэмы:

Братъ лучше разъ умри, чѣмъ гибнуть мнѣ *на очно*
(III, 584)

вмѣсто «— на вѣки». Кстати: въ словахъ Изабеллы, обращенныхъ къ брату,

Чья избранная рѣчь шлетъ отроковъ на казнь (587)
что значить «избранная?». Въ раннемъ «Казакѣ» (1815)

Шапка *на бекренъ*

такъ-же необычно, какъ еслибы кто сказалъ «шуба на выворотѣ», «кафтанъ на распашкѣ» или «рубашка на выпускѣ».

Недоразумѣніе фразеологическое въ «Пирѣ во время чумы»:

не возможно быть,

Чтобъ мы въ своемъ веселомъ пированьи
Забыли Джаксона (III, 225)

вмѣсто «невозможно, чтобъ—» или «не можетъ быть, чтобъ—».

Въ этомъ спискѣ не отмѣчена погрѣшность, которая встрѣчается напр. въ «Андрѣѣ Шеньѣ»:

Взойду невидимо и сяду между вами (I, 340)

и въ третьей сценѣ «Каменнаго Гостя»:

Донъ Жуанъ.

Одну минуту!

Донна Анна.

Если кто *взойдетъ!*... (III, 211),

гдѣ *войти* смѣшано съ *войти*, какъ и въ приведенномъ выше мѣстѣ изъ конца «Бориса Годунова» — смѣшеніе, весьма распространенное въ наши дни, но недопустимое въ литературѣ. Нѣтъ здѣсь и нѣкоторыхъ неправильностей или «іитическихъ вольностей», освященныхъ для того времени примѣромъ поэтовъ, — род. множ. «вельможей» I, 56, «бурей» 69, «Добрыней» 135, «пустыней» 136⁴⁰), и т. п. формъ, которыя впрочемъ свойственны преимущественно раннимъ произведеніямъ Пушкина.

Порядокъ словъ въ стихахъ Пушкина вообще довольно естественъ; однако, помимо усвоенной имъ себѣ отъ предшественниковъ постановки родительнаго опредѣленія передъ предлогомъ, какъ «бездны мрачной на краю», и отдѣльныхъ примѣровъ значительнаго удаленія другъ отъ друга логически связанныхъ словъ, у него встрѣчаются и натяжки въ этомъ отношеніи, напр. «Казакъ»:

Дружку другъ любилъ (I, 60),

гдѣ впрочемъ замѣшано пониманіе «дружки» въ смыслѣ «подружки»; «Посланіе къ Юдину» (1815):

Твой шалью станъ непокровенный (101),

«Русланъ и Людмила» п. 3-я:

Къ объятой головѣ смущеньемъ (II, 238),

тамъ-же п. 4-я:

Восторгомъ витязь упоенный (245),

«Кавказскій плѣнникъ» ч. 2-я:

И человѣка звѣрь почуя

Въ пустыню темную бѣжить (292),

«Евгеній Онегинъ» гл. 2:

Или разыгранный Фрейшицъ

Перстами робкихъ ученицъ,

---

40) Наоборотъ въ «Евгеніи Онегинѣ» гл. 3 XXXVIII:

Кусты *сирень* переломала.

«Стансь» (1830):

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ (II, 89),

«Скупой Рыцарь» сц. 1:

Ключу отъ брошенной шкатулки въ море (III, 172),
гдѣ опредѣляемое причастіемъ слово или подлежащее дѣепричастія вставлено въ сокращенное придаточное предложеніе (вмѣсто «твой стань, непокровенный шалью» и т. п.) — размѣщеніе, неправильность котораго обнаруживается при разстановкѣ знаковъ препинанія, какъ и въ «Евгеніи Онѣгинѣ» гл. 1, XXIV:

Конечно бѣ это было смѣло ⁴¹⁾.

Особенностью языка Пушкина представляется своеобразное употребленіе нѣкоторыхъ словъ, не только въ отдѣльныхъ примѣрахъ, но отчасти и постоянное, напр. «Вода и вино» (1815):

Люблю я въ полдень *воспаленный*
Прохладу черпать изъ ручья (I, 78),

«Русланъ и Людмила» п. 2:

Людмилы нѣжной красоты
Отъ *воспаленнаго* Руслана
Сокрылись вдругъ среди тумана (II, 221),

тамъ-же п. 4:

Гдѣ витязь томный, *воспаленный* (246),

набросокъ 1826 г.:

Все въ жертву памяти твоей:
И голось лиры вдохновенной,
И слезы дѣвы *воспаленной*,
И трепеть ревности моей (II, 8),

---

41) Та-же вольность въ постановкѣ дѣепричастія внесена издателями въ «Графа Нулина»:

Услышавъ графъ ея походку (93),
гдѣ теперь читается «услышалъ».

не говоря о менѣ странномъ примѣрѣ въ «Эвлегѣ»:

Страшись меня: я страстью *воспаленъ* (I, 16);

«На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа, въ 1815 году»:

Во броню *ополчася*, вложивъ пернатый шлемъ (I, 103);

«Посланіе къ Юдину» (1815):

Теперь, когда въ покоѣ лѣнь,
Укрывъ меня въ *пустынну* сѣнь,
Своею цѣпью чувства вяжетъ (I, 97),

«Посланіе къ князю А. М. Горчакову» (1816):

Ужель моя пройдетъ *пустынно* младость? (131),

«Окно» (1816):

Когда *пустынная* луна ⁴²⁾
Текла туманною стезею (145),

«Надпись къ бесѣдкѣ» (1816):

Съ благоговѣйною душой
Приблизься, путникъ молодой,
Любви къ *пустынному* приюту (147),

Элегія «Подражаніе» (1816):

Знакомые холмы, ручья *пустынный* гласъ (151) ⁴³⁾,

«Платонизмъ» (1820):

Восторги пылкіе къ тебѣ
Нашли *пустынную* дорогу (218) ⁴⁴⁾,

---

42) Ср. «Мѣсяцъ» (1816):

Уединенная луна.

43) Тамъ-же выше стихи

И жизни горестной моей
Никто слѣдовъ ужъ не примѣтитъ

въ изданіи Анненкова (II, 139) читаются такъ:

Умру — и радости моей
Никто слѣдовъ пустынныхъ незамѣтитъ.

44) Ср. ниже:

Въ *уединенномъ* упоеньѣ
Ты мыслишь обмануть любовь!

«Евгеній Онѣгинъ» гл. 2-я IV (1823):

Въ своей глуши мудрецъ *пустынный*,
безыменное стихотвореніе того-же года:

Свободы сѣятель *пустынный*,
Я вышелъ рано, до зари (299),

«Еще одной высокой, важной пѣсни» (1829):

И въ долгіе часы *пустынной* жизни
Томительно просилась отдохнуть
Близъ вашего святаго попелища
Моя душа (II, 86),

«Городокъ» (1814):

О вы, въ моей *пустынь*
Любимые творцы (I, 46),

«Сонъ» (1816):

Приди, о лѣнь, приди въ мою *пустыню* (132),

«Элегія» (1816):

Оставь меня *пустынямъ* и слезамъ! (149),

«Евгеній Онѣгинъ» гл. 8 XLIV (1831):

Тогда — не правда ли? — въ *пустынь*,
Вдали отъ суетной молвы,
Я вамъ не нравилась —

вездѣ въ смыслѣ *solitaire* (*solitairement*), *solitude*, а въ исторической замѣткѣ за 1591 г. при «Борисѣ Годуновѣ»:

Царицу постригаютъ въ *пустыню* Св. Николая на Выксѣ
(III, 81) —

въ значеніи технического «пустынь»; «19 октября 1825 г.» въ третьей изъ пропущенныхъ строфъ:

Пускай, друзья, *пустынетъ* мѣсто ихъ (I, 356)

вмѣсто «пустуетъ»;

«Къ моей чернильницѣ» (1821):

Условный часъ *позмльа* (243),

«Дружба» (1825):

Что дружба? Легкій пылъ *похмѣлья* (354),

«Женихъ» (1825):

Крикъ, хохоть, пѣсни, шумъ и звонъ,

Веселое *похмѣлье* (101),

тамъ-же:

Идетъ *похмѣлье*, громъ и звонъ,

Пиръ весело бужуется,

«Сцена изъ Фауста» (1826):

И въ буйствѣ шумномъ посвящаль

Имъ пылъ вечерняго *похмѣлья* (II, 132 Ефр.)

— очевидно, не Katzenjammer, не тѣ послѣдствія хмеля, отъ которыхъ «поохмеляются», какъ въ элегій 1830 г.:

Угасшихъ лѣтъ безумное веселье

Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье (II, 101),

и въ «Бородинской годовщинѣ» (1831):

Но тяжело будетъ имъ похмѣлье,

Но дологъ будетъ сонъ гостей (131),

а самый хмель или попойка; «дремучій» не только «боръ» (Фавнъ и пастушка. III Фавнъ — I, 112) и «берегъ» (Русланъ и Людмила п. 6 — II, 269), но въ «Анчарѣ» (1828):

И если туча оросить,

Блуждая, листь его *дремучій* (II, 43);⁴⁵⁾

«Русланъ и Людмила» п. 1:

Съ горбомъ, съ *трясучей* головой (214),

что впрочемъ можетъ быть и вулгаризмомъ, какъ «гнать по зрячему», т. е. зрящемуся, видимому; «Конрадъ Валленродъ»:

Сношеній *дружныахъ* гласъ утихъ (51),

---

45) Тамъ-же ниже:

Принесъ онъ *смертную* смолу

вмѣсто «смертельную» легко оправдывается ссылкой на безразличное употребленіе этихъ прилагательныхъ при словахъ *тоска*, *охота* (поговорка: «охота смѣртная, да участь горькая») и др.

если это не діалектическая форма вмѣсто *дружній*, какъ упомянутое выше «дальный»⁴⁶⁾; «Цыганы»:

когда же ихъ зарыли
Послѣдней горстію *земной* (II, 363)

вмѣсто «земляной» или, лучше, «земли»;
«Гречанкѣ» (1822):

Поэтъ *мучительный* и милый (I, 280)

и въ прозѣ «Критическія замѣтки»:

Но не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, ненавистнаго, *мучительнаго* лица, которое проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона (V, 134),

---

46) Эта форма сохранилась у Пушкина не только при римѣ, какъ въ знаменитой элегіи

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, часъ печальный
Я долго плакала предъ тобой (II, 119),

но почему-то (чуть-ли не по небрежности) была пощажена издателями кое-гдѣ и внутри стиха, напр. «Евгеній Онѣгинъ» 2 X:

Онъ пѣлъ тѣ дальныя страны.

Такъ-же, по свидѣтельству римы, *давный*, напр. въ одѣ «Вольность»:

О мученикъ ошибокъ славныхъ,
За предковъ, въ шумѣ бурь недавнихъ,
Сложившій царскую главу! (I, 22).

Впрочемъ пока еще трудно рѣшить, на сколько Пушкинъ былъ послѣдователемъ въ этомъ отношеніи.

У Ломоносова *искренной, лиины, осенными, позный, внутренний* (см. Е. Будде, «Нѣсколько замѣтокъ изъ исторіи русскаго языка» въ Журналѣ Мин. Народн. Пр. 1898 г. № 3, стр. 158 и 170 — 172). Такъ говорятъ сѣверяне; но съ какой стати многіе въ Москвѣ и южиѣ, произноса *искренній* съ *i*, образуютъ нарѣчіе *искренно*? Такъ и Пушкинъ (I, 157, 159, 295, II, 63 и др., между прочимъ см. примѣч. 38). Нарѣчіе *дружно* въ «Анджело» п. 3 V:

И дружно къ Анджело протягиваетъ руку (III, 592).

причемъ стоитъ отмѣтить, что и въ первомъ мѣстѣ рѣчь идетъ о «Байронѣ»; «Борисъ Годуновъ» сд. XIV:

но слушай: я рѣшилась
Съ твоей судьбой, и бурной, и невѣрной,
Соединить судьбу свою; *то* вправѣ
Я требовать, Димитрій, одного (III, 46—47),

гдѣ «то» должно значить «поэтому», а иначе передъ «я рѣшилась» было бы «если» или «такъ какъ»; «Евгеній Онѣгинъ» гл. 6, VIII:

Тотъ, послѣ перваго привѣта,
Прервавъ начатый разговоръ,
Онѣгину, осклабя *взоръ*,
Вручилъ записку отъ поэта,

т. е. осклабя ротъ или, по крайней мѣрѣ, лице ⁴⁷⁾. Часто *молѣба* въ смыслѣ *молитвы*, напр. въ «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ» (1822):

Въ *молѣбахъ* и гаданьяхъ проведеншій весь вѣкъ (274),

въ «Женихѣ»:

Отвѣта нѣтъ; съ *молбою*
Дверь отворяю я. Вхожу (III, 100),

въ XIX строфѣ третьей главы «Евгенія Онѣгина»:

И няня дѣвushку съ *молбой*
Крестила дряхлою рукой,

---

47) Какъ ни уклоняются нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ отъ обыкновеннаго словоупотребленія, все-же странно, если Пушкинъ, хоть и 16-лѣтній, дѣйствительно сказалъ въ «Посланіи къ Юдину»:

Тамъ свещетъ саблей онъ *зубчатой* (I, 100).

Ужь не «рубчатой»-ли? Этотъ эпитетъ могъ бы найти себѣ основаніе либо въ желобкѣ клинка, либо въ струйкахъ его дамаска. Для того, чтобы понимать разницу между саблей и пилой, не нужно быть специалистомъ по части оружія; къ тому-же Пушкинъ жилъ въ то время въ Царскомъ Селѣ, гдѣ къ его услугамъ были сабли знакомыхъ ему лейбъ-гусаръ, въ томъ числѣ, вѣроятно, и любительскія изъ дамаскированной стали, а такъ какъ онъ до 1819 года (см. «Орлову» — I, 202) мечталъ о поступленіи въ гусары, то, конечно, не разъ внимательно присматривался къ вооруженію своихъ будущихъ сподвижниковъ.

во второй строфѣ четвертой главы ⁴⁸⁾:

То вдругъ я мраморъ видѣлъ въ ней
Передъ *молбой* Пигмаліона
Еще холодный и нѣмой,
Но вскорѣ жаркій и живой,

въ «Галубѣ»:

Толпа вокругъ

Молбы послѣднія творила (III, 540),

въ третьей сценѣ «Каменнаго Гостя»:

Я не дерзну порочными устами

Молбу святую вашу повторять (209),

въ «Пирѣ во время чумы»:

Поющій бѣшенныя пѣсни между

Молбы святой и тяжкихъ воздыханій (231), —

гдѣ первый стихъ поучителенъ еще тѣмъ, что при разстановкѣ «пѣсни бѣшенныя» онъ получилъ бы нѣкогда любимую Пушкинымъ «цезуру на второй стопѣ», хоть и не мужескую. Въ стихотвореніи «Стамбуль гяуры нынче славятъ» (1830) слова *молба* и *молитва* встрѣчаются чуть не рядомъ безъ разницы въ значеніи:

Стамбуль, для сладостей порока,

Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ.

Стамбуль отвыкъ отъ поту битвы,

И пьетъ вино въ часы молитвы (II, 110—111).

Другая особенность — чрезмѣрно свободное употребленіе дательнаго падежа вмѣсто предлога съ соотвѣтствующимъ падежомъ, напр. въ IX строфѣ третьей главы «Евгенія Онѣгина»:

И неподобный Грандисонъ,

Который *намъ наводитъ сонъ* ⁴⁹⁾,

---

48) Первые четыре строфы, откинутыя Пушкинымъ, въ посмертномъ изданіи и у Анненкова включены подъ заглавіемъ «Женщины» въ Альбомѣ Онѣгина.

49) Если вѣрить прежнимъ изданіямъ, въ «Пирѣ во время чумы»:

Мнѣ странная наша охота къ рифмамъ (IV, 418 Анн.),
гдѣ въ новыхъ «пришла» (II, 367 Ефр., III, 229 Мор.).

въ стихотвореніи «Увы, языкъ любви болтливой» (1828):

Мнѣ навлекалъ одно гоненье (II, 36),

въ четвертой сценѣ «Русалки» ст. 57 слѣд.⁵⁰⁾:

два сильныя крыла

Мнѣ выросли внезапно изъ подъ мышекъ,

тамъ-же въ шестой ст. 10 слѣд.:

Печальныя, печальныя мечты

Вчерашняя *мнѣ* встрѣча *оживила*,

гдѣ впрочемъ нѣтъ необходимости считать «мнѣ» условной замѣной болѣе естественнаго «во мнѣ», потому что «оживила мечты» значить «напомнила». Но странно въ «Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ» (1815):

Сидитъ въ безмолвіи, склоняя вѣтрамъ слухъ (I, 54),

въ XVIII строфѣ второй главы «Евгенія Онѣгина»:

Охотно *клонитъ* слухъ прилежный

Разкажамъ юныхъ усачей

и въ первой пѣсни «Полтавы»:

Не онъ ли *науценьямъ* Хана

И Цареградскаго Салтана⁵¹⁾

Былъ мучъ? (III, 293 Анн., III, 121 Мор.),

тогда какъ ему ничего не стоило передъ дательнымъ падежемъ поставить предлогъ *къ*. Наоборотъ, *къ* излишне въ началѣ первой сцены «Русалки»:

Ужъ если подвернулся

Къ вамъ человекъ завидный, не простой.

---

50) При подробномъ изученіи «Русалки» по необходимости приходится обозначать приводимыя мѣста цифрами, относящимися къ стихамъ. Цифры на поляхъ изданія г. Бартевева означаютъ, по видимому, строки, что неудобно. Обозначеніе каждаго пяти стиховъ цифрами, давно принятое въ изданіяхъ греческихъ и латинскихъ поэтовъ, не мѣшало бы примѣнить и къ нашимъ поэтамъ, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ нѣтъ нумерованныхъ строфъ.

51) Въ новыхъ изданіяхъ «султана».

Ненужно и *сз* въ XLVIII строфѣ «Домика въ Коломнѣ»:

Она подумала: «*сз* *Мавруш* ловкой
Зачѣмъ къ пирожному припала страсть?» (III, 165).

Но что, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ случаевъ Пушкинъ сознательно опускалъ предлогъ (можетъ быть однако, не безъ вліянія французскаго à), доказывается такими примѣрами, какъ во второй части «Кавказскаго плѣнника»:

И мрачную тоску наводить
На душу сирую мою (II, 290)

или въ строфѣ XII третьей главы «Евгенія Онѣгина»:

Мораль на насъ наводитъ сонъ.

Въ заключеніе этого, не совсѣмъ полнаго, подбора мѣстъ изъ Пушкина, которыя вызываютъ отрицательную критику, повторимъ уже сказанное въ началѣ этого отдѣла статьи: 1) какъ ни великъ Пушкинъ во всѣхъ отношеніяхъ, все-же онъ не совершенство, особенно въ частностяхъ, и если мы не видимъ мелкихъ его погрѣшностей, то это происходитъ отъ того, что красота цѣлаго произведенія, какъ по содержанию, такъ и по формѣ, отвлекаетъ вниманіе читателя отъ частныхъ недостатковъ, къ тому-же сравнительно малочисленныхъ; 2) хотя новѣйшія изданія сочиненій Пушкина, начиная съ Анненковскаго, составляютъ огромный шагъ впередъ сравнительно съ первымъ посмертнымъ изданіемъ 1838—1841 г., однако печатаемый и нынѣ текстъ содержитъ въ себѣ кое-что, возбуждающее сомнѣнія въ читателѣ, который не ослѣпленъ «волшебнымъ вліяніемъ типографіи». Такихъ примѣровъ не мало, но, чтобы не растягивать отступленій, и безъ того мѣшающихъ послѣдовательности изложенія, ограничимся на сей разъ двумя примѣрами.

Въ четвертой сценѣ «Русалки» князь при видѣ мѣстъ, которыхъ онъ не видалъ восемь лѣтъ, говорить (ст. 21—24):

Вотъ мельница... Она ужъ развалилась;
Веселый шумъ ея колесъ умолкнулъ;

Сталь жерновъ; видно, умеръ и старикъ!
Дочь бѣдную оплакивалъ онъ долго!

Изъ того, что мельница ужь развалилась, князь естественно могъ притти къ предположенію, что мельникъ умеръ, но совершенно непонятенъ другой его выводъ изъ того-же состоянія мельницы, — что онъ оплакивалъ свою дочь долго. Единственное заключеніе, которое было возможно для князя при наличности упоминаемыхъ имъ данныхъ, состоитъ въ томъ, что мельникъ «дочь бѣдную оплакивалъ *не* долго», а именно, судя по одичанію мѣстности, о которомъ онъ говоритъ и ниже, мельникъ могъ пережить свою дочь значительно меньше, чѣмъ на восемь лѣтъ. Таковъ былъ и плачъ Ольги, хоть по иной причинѣ:

Мой бѣдный Ленскій! изнывая,
Не долго плакала она (Е. О., 7, X).

«На статую мальчика, играющаго въ бабки» (1836):

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно

Бодро оперся, другой поднялъ мѣткую кость

(III, 412 Ефр., II, 190 Мор.).

Ужели не «поднялъ онъ мѣткую кость?»⁵²).

Очень прискорбно, что при разборѣ недостатковъ Пушкина приходится, можетъ быть, приписывать ему чужія погрѣшности, но различить, въ чемъ виноватъ онъ самъ, въ чемъ другіе, мы сумѣемъ лишь тогда, когда у насъ будутъ изданія его сочиненій,

---

52) Въ статьѣ о Баратынскомъ находимъ слѣдующее мѣсто:

У насъ литература не есть потребность народная. Писатели получаютъ извѣстность посторонними обстоятельствами, публика мало ими занимается; классъ писателей ограниченъ, и имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ, какъ о политической экономіи, какъ о музыкѣ, т. е. наобумъ, по наслышкѣ безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, и большею частію по личнымъ расчетамъ (XI, 241 посм. изд., откуда VI, 102 Анн., V, 151 Ефр.).

Съ перваго взгляда видно, что «классъ писателей» есть ошибка вмѣсто «классъ читателей», однако эта нелѣпость исправлена впервые въ изданіи Морозова (V, 156)

тщательно провѣренныя по рукописямъ и по первымъ изданіямъ (не безъ участія *rationis, quae centum codicibus potior est*), но выполнѣ свободныя отъ гнета чтеній перваго посмертнаго изданія, который, кажется, еще не совсѣмъ устраненъ. Именно въ интересахъ научно-критической установки Пушкинскаго текста мы остановились на предполагаемыхъ недочетахъ доселѣ существовавшихъ изданій гораздо дольше, чѣмъ того требовалъ главный предметъ настоящаго изслѣдованія. Кстати замѣтимъ, что не только слова самого Пушкина требуютъ такого пересмотра, но и его цитаты. Возьмемъ для примѣра выписанную Пушкинымъ въ 34-омъ примѣчаніи къ «Полтавѣ» эпитафію Искры и Кочубея. Первые четыре стиха ея напечатаны, повидимому, исправно, но послѣдующіе всѣ болѣе или менѣе искажены:

И за правду и вѣрность къ (читай: ко) Монарсѣ нашу
Страданія и смерти испыймо (испилисмо?) чашу
Злуданьемъ⁵⁸) (злудѣаньемъ?) Мазепы всевѣчно (по-
всевѣчно?) правы,
Посѣченны (Посѣчены?) zostавше топоромъ во главы,
Почиваемъ въ семь мѣстѣ Матери Владычнѣ (ч.: Вла-
дычны)
Подающія (Подающа?) всѣмъ своимъ рабомъ животъ
вѣчный.

Но возвратимся къ вопросу, вызвавшему это длинное изысканіе: что такое «Пушкинскій стихъ?» И

Люблю тебя, Петра творенье (Мѣдный Всадникъ,
вступленіе III, 559)

и

Въ послѣднихъ числахъ Сентября (Графъ Нулинь,
III, 86) —

несомнѣнно «Пушкинскіе стихи», не только по происхожденію, но и по достоинству, какъ они ни разнятся одинъ отъ другого.

---

58) Въ словарь Ливде только *zludny* — обманчивый.

Въ чемъ-же дѣло? въ правильности и содержательности, а если при оцѣнкѣ отдѣльнаго стиха заглянемъ въ сосѣдніе, то и въ умѣстности; напр. оба эти стиха безукоризненно правильны въ ритмическомъ отношеніи, хотя одинъ изъ нихъ звучитъ торжественно вслѣдствіе того, что всѣ четыре его ритмическія ударенія полноувѣсны, такъ какъ каждое слово равняется стопѣ, и потому ударенія стопъ совпадаютъ съ грамматическими, а имъ въ то-же время придано отчасти значеніе и риторическихъ посредствомъ особаго соотношенія словъ и ихъ разстановки («тебя» въ цезурѣ передъ зват. пад., выражающимъ признакъ; родительное опредѣленіе передъ опредѣляемымъ), другой течетъ естественно, безъ задержекъ, по-разговорному, потому что грамматическихъ удареній въ немъ всего три, изъ которыхъ первыя два падаютъ не на концы стопъ и уступаютъ въ силѣ послѣднему— то и другое въ полномъ соотвѣтствіи съ содержаніемъ. Стихъ

И кланялся непринужденно (Евгеній Онѣгинъ гл. 1, IV)
со стороны звучности такъ бѣденъ, какъ только возможно безъ полного нарушенія ритма: здѣсь всего два настоящихъ ударенія, что, правда, само по себѣ не бѣда: стихи, какъ

Полудержавный властелинъ (Полтава, п. 3—III, 144)
или

Порфиросная вдова (Мѣдный всадникъ, вступленіе
— III, 559),

превосходны, потому что въ нихъ грамматически ударяемые и неударяемые слоги распредѣлены вполне равномерно (передъ удареніемъ по три неударяемыхъ); но нельзя не признать стихъ легковѣснымъ, когда его два ударяемые слога раздѣлены пятью неударяемыми. Тѣмъ не менѣе приведенному выше стиху этого рода трудно отказать въ правѣ на названіе «Пушкинскаго» — почему? по изяществу? онъ не изященъ; по его поэтичности? это чистая проза. Но, какъ ни слабо въ немъ очерчена ритмическая схема, онъ правиленъ потому, что слѣдующее за грамматическимъ неграмматическое (чисто ритмическое) удареніе падаетъ на послѣдній слогъ слова (*ся*), а сверхъ того онъ содержателенъ

и умѣстенъ. Разумѣется, если къ правильности стиха, присоединяется изящество, къ содержательности — поэтичность, а къ умѣстности — логическая и эстетическая необходимость, онъ тѣмъ болѣе можетъ называться Пушкинскимъ. Но вѣдь у Пушкина не всѣ стихи совмѣщаютъ въ себѣ эти добавочныя достоинства, не всѣ обладаютъ даже однимъ изъ ихъ; мало того: встрѣчаются у него, хотя въ видѣ очень рѣдкаго исключенія, такіе стихи, которые не удовлетворяютъ и основнымъ требованіямъ отъ «Пушкинскаго» стиха, — впрочемъ всегда, кажется, лишь одной, именно правильности, и то вознаграждая этотъ недостатокъ присутствіемъ добавочныхъ достоинствъ⁵⁴).

Неправильно употребленіе ямбическаго слова, хотя-бы служебнаго, за трохей, которое Пушкинъ позволилъ себѣ въ «Пирѣ во время чумы» (1830):

Я предлагаю выпить въ его память (III, 225)

и въ «Сказкѣ о золотомъ пѣтушкѣ» (1834):

Его за руку взяла (III, 533),

подражая въ первомъ случаѣ Шекспиру, во второмъ — народной поэзіи⁵⁵).

---

54) Бѣденъ содержаніемъ стихъ въ «Цвѣткѣ» (1828):

Или уже они увяли (II, 35),

потому что изъ четырехъ составляющихъ его словъ три служебныхъ. Что причина его блѣдности именно такова, въ этомъ легко убѣдиться, вставивъ еще одно знаменательное слово, напр.:

Иль ужъ они давно увяли.

55) По этому образцу, хоть и черезъ посредство «Ильи Муромца» Карамзина, въ «Бовѣ» (1815):

Съ того свѣта привидѣніемъ (I, 67),

Не отвергнуть сего случая (68)

путемъ проклизы, какъ и наоборотъ — трохайское слово въ видѣ энклитики за ямбъ:

Долго-бъ спать было совѣтникамъ (65).

Въ «Матеріалахъ» Анненкова 341 втор. изд. (=I, 350) Пушкину приписанъ стихъ:

Она пѣсни улыбалась («Съ португальскаго»),

но въ новѣйшихъ изданіяхъ онъ читается такъ:

Сердце пѣснью любовалось.

Мы только-что видѣли, какъ осторожно Пушкинъ обходится съ чисто-ритмическимъ удареніемъ, болѣе подразумѣваемымъ, чѣмъ дѣйствительно произносимымъ, черезъ слогъ отъ грамматическаго (иначе: прозаическаго) ударенія: въ двусложныхъ стопахъ, т. е. въ ямбахъ и трохеяхъ (помимо которыхъ онъ совсѣмъ не прибѣгаетъ къ такому ударенію), если оно слѣдуетъ за грамматическимъ удареніемъ, онъ допускаетъ его лишь на конечномъ слогѣ и потому не употребляетъ словъ, имѣющихъ послѣ грамматическаго ударенія болѣе двухъ слоговъ (ср. «О русскомъ народномъ стихосложеніи» въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, т. I, стр. 5, примѣч. 6). Отъ этого правила онъ отступаетъ вообще только передъ послѣднимъ удареніемъ стиха, гдѣ естественное второстепенное удареніе конечнаго слога предпоследняго слова совершенно подавляется силою непосредственно слѣдующаго за нимъ сильнаго ударенія (какъ и въ цезурѣ александрійскаго стиха, если передъ ней находится односложное грамматически ударяемое слово, также въ 5-стопномъ ямбѣ при такой-же цезурѣ, напр. въ первой сценѣ «Мольера и Сальери»:

И творческая ночь, и вдохновенье

съ остановкой послѣ сильно ударяемаго *ночь*). Случаевъ употребленія словъ съ тремя конечными неударяемыми слогами на предпоследнемъ мѣстѣ стиха такъ много, что можно ограничиться примѣрами изъ двухъ произведеній, изъ которыхъ одно написано пятистопнымъ ямбомъ, другое — четырехстопнымъ.

Упомянутый въ Изв. I, 6 прим. 7 стихъ изъ первой части «Анджело»:

Что правосудіе сидѣло, сложа руки

едва-ли относится сюда, потому что въ дѣепричастіяхъ на *-а* (*-я*) Пушкинъ избѣгалъ ударенія на концѣ. Такъ и раньше «Къ Машѣ» (1816):

Вы чинно, молча, сложа руки (I, 177).

Неправильно грамматически, а не ритмически «Казакъ»:

Страшно выйти мнѣ изъ дому,

Коню дать воды (59).

Ударенія Пушкина будутъ разсмотрѣны въ другомъ мѣстѣ.

Природные, и Рюрикѡвой крѡви (Борись Годуновъ III, 4).
Давно царямъ подручниками служимъ (тамъ-же).
Счастливь! а я отъ отроческихъ лѣтъ (11).
Преобратилъ въ молитвенную келью (13).
Свершилося неслыханное чудо (тамъ-же).
О страшное, невиданное горе! (тамъ-же).
Безбожную предательницу мамку (14).
Правительствомъ подкупленные воры (28).
Впередъ ему треть жалованья выдать (38).
Красавица. Да, мраморная нимфа (44).
Ужь носятся сомнительные слухи (47).
На тронъ его, на царственную власть (тамъ-же).
Съ такимъ трудомъ устроенное счастье (49).
Опальные возрадуются кости (52).
Повсюду имъ разосланная письма (55).
Доносчиковъ допрашиваетъ самъ (55).
Онъ вновь собралъ разсѣянное войско (66).
Пускай ихъ спѣсь о мѣстничествѣ тужить (тамъ-же).

Пройдетъ, непризнанное вновь (Полтава, Посвя-
щеніе III, 108).

Въ немъ прежній, дѣятельный жаръ (114).

Съ какой довѣрчивостью лживой (115).

Но предприимчивую злобу (116).

Его подосланные слуги (120).

Еще убійственная тайна (123).

Тиха украинская ночь (127 и 132).

Какъ обвинительныя очи (133).

Ужь не разстроенныя тучи (140)⁵⁶).

Непроницаемою тьмою (151).

Уже нѣсколько хуже въ первой сценѣ «Каменнаго гостя»:

Онъ сначала нравилися мнѣ (III, 196),

---

56) Не «кучи»-ли? Если «тучи», то «разсѣянные»; ср. «Послѣдняя туча разсѣянной бури».

тамъ-же:

Три мѣсяца ухаживали вы (197),

потому что удареніе на послѣднемъ словѣ слабо, и во второй сценѣ:

Твои друзья здѣсь ужинали. Только (208),

въ третьей:

Лепорелло.

Статуя... ай!..

Донъ-Жуанъ.

Ты кланяешься?

Лепорелло.

Нѣтъ (216),

въ третьей сценѣ «Русалки»:

А! Полонъ дворъ охотниками. Мужъ (471),

гдѣ конечное слово отдѣлено отъ предшествующаго смысловой остановкой. Но нарушено правило въ четвертой сценѣ «Русалки»:

Какъ дождь, посыпалися на меня (I, 473),

въ пятой:

Пригоршню раковинокъ самоцвѣтныхъ (477),

въ третьей сценѣ «Скупого рыцаря»:

Какъ будто колоколѣмъ. — Это кто? (I, 479),

гдѣ слово съ двоякимъ удареніемъ поставлено передъ второстепеннымъ удареніемъ. Лучше въ XXXI строфѣ «Домика въ Коломнѣ»:

Расклядывала карты и гадала (161),

въ первой сценѣ «Скупого рыцаря»:

Какъ сребренники пращура его (175),

въ первой сценѣ «Каменнаго гостя»:

Чуть узенькую пѣтку я замѣтилъ (200),

гдѣ двояко-ударяемое слово поставлено передъ словомъ сильно ударяемымъ, отъ котораго смыслъ не позволяетъ его отдѣлить, даже въ исключенной части второй сцены «Русалки»:

Юрѳивая, мѡжетъ статься. Слѹги (I, 469).

потому что, если мы произнесемъ этотъ стихъ по-разговорному, не соблюдая цезуры, слово съ двоякимъ удареніемъ окажется непосредственно прилежающимъ не къ одному, а къ двумъ второстепеннымъ удареніямъ, изъ которыхъ первое («мѡжетъ») по своему положенію между двумя другими таковыми-же звучитъ нѣсколько сильнѣе ихъ обоихъ. Съ технической точки зрѣнія стихи съ ямбомъ вмѣсто трохея противорѣчатъ основнымъ положеніямъ русской искусственной метрики, а содержащіе въ себѣ второстепенное удареніе на предпоследнемъ слогѣ слова помимо предпоследней стопы съ трудомъ сходятъ за «Пушкинскіе», хотя не были бы странны у Лермонтова, у котораго есть напр. такіе стихи:

Кочующіе караваны (Демонъ, ч. 1-я, I).

Прислушается къ вѣтерку (XIII).

Причудливые какъ мечты (Мцыри, VI).

Причудливыя эти силы (Морякъ)⁵⁷⁾.

Чѣмъ ближе къ совершенству мы будемъ считать Пушкина, т. е., въ примѣненіи къ данному случаю, чѣмъ строже мы будемъ ставить условія стиху для признанія его «Пушкинскимъ», тѣмъ менѣе мы найдемъ у Пушкина «Пушкинскихъ» стиховъ. А могутъ-ли другіе писать «Пушкинскіе» стихи? безспорно могутъ, что доказываютъ многіе изъ нашихъ поэтовъ, даже предшествовавшихъ Пушкину. Въ самомъ дѣлѣ, стихи Державина, какъ

Богородица царевна

---

57) Но несправедливо было бы придирааться къ стиху

Ребяческаго сердца, и оно (Сказка для дѣтей),

если прочтемъ его съ цезурой, не послѣ пятого слога, которой Лермонтовъ, конечно, и не имѣлъ въ виду, а послѣ седьмого.

или

Изобразитель Божества,

чѣмъ не «Пушкинскіе»?; да и не только эти, а даже

Алмазна сыплется гора,

такъ какъ Пушкинъ до конца жизни не отказывался отъ употребленія именной формы прилагательныхъ въ смыслѣ мѣстоименной. Но вотъ что несомнѣнно: въ стихотвореніи, принадлежащемъ Пушкину, за исключеніемъ раннихъ и неотдѣланныхъ произведеній, всегда есть нѣсколько стиховъ «Пушкинскихъ» въ лучшемъ смыслѣ этого выраженія. Если въ поэтическомъ произведеніи, относимомъ къ порѣ зрѣлости поэта, нѣтъ ни одного «Пушкинскаго» стиха, оно написано не имъ. Какъ ни щекотливо прибѣгать къ эстетическому мѣрилу для опредѣленія принадлежности какого-нибудь стихотворенія, потому что *de gustibus non disputandum*, однако провѣрки посредствомъ отысканія «Пушкинскихъ» стиховъ избѣжать невозможно; но доказательство это убѣдительно лишь въ томъ случаѣ, если въ разсматриваемомъ произведеніи такіе стихи попадаютъ не по одиночкѣ, а цѣлыми группами и въ относительно большемъ количествѣ. Понятно, что и тотъ, кто, какъ мы, возьмется подтверждать подлинность конца «Русалки», сообщеннаго Д. П. Зуевымъ, не можетъ уклониться отъ обязанности указанія «Пушкинскихъ» стиховъ въ этой записи съ соблюденіемъ изложенныхъ здѣсь условій, при чемъ впрочемъ не слѣдуетъ забывать, что похвалы, воздаваемые Пушкинскому стиху съ технической стороны, относятся на дѣлѣ къ 4-стопнымъ ямбама, а не къ 5-стопнымъ. И Гнѣдичъ, отличавшійся не только восторженностью, но также поэтическимъ чутьемъ и тонкимъ вкусомъ, отдавалъ «свое послѣднее око» за 4-стопные стихи (прибавимъ: взятые вмѣстѣ, а не порознь):

Вокругъ лилейнаго чела

Ты косу дважды обвила;

Твои плѣнительныя очи

Яснѣе дня, чернѣе ночи (Бахч. фон. = II 326).

И такъ основывать критику сочиненій, приписываемыхъ Пушкину, на сравненіи ихъ съ идеаломъ, хотя-бы и не субъективнымъ, есть пріемъ довольно опасный. Обратимся къ другому негласному основанію критиковъ записи г. Зуева.

Имѣемъ ли мы какое-нибудь право на то, чтобы этой записи предъявлять такія требованія, какія были бы умѣстны въ отношеніи къ произведенію, подвергшемуся окончательной обработкѣ? Этотъ вопросъ вызываетъ за собою другой: вполне-ли отдѣлана извѣстная прежде часть «Русалки»? Мы уже знаемъ, что, по разысканіямъ В. Е. Якушкина, первая сцена начата въ 1828 г., а затѣмъ въ его бумагахъ, относящихся къ 1830 г., оказывается пѣсня русалокъ, которою въ извѣстномъ намъ текстѣ открывается четвертая сцена, тогда какъ подъ первой, уже оконченой, значится помѣта: «12 апрѣля 1832 года С. П. Б.». Отсюда можно заключить, что Пушкинъ писалъ «Русалку» съ перерывами и отчасти даже безъ послѣдовательности въ развитіи задуманной имъ фабулы. Дальнѣйшія сцены не имѣютъ никакихъ хронологическихъ помѣтъ. Судя по отсутствію вариантовъ и малому количеству выкинутыхъ стиховъ, первая сцена далась Пушкину легко; нѣсколько затруднили его всего два мѣста, къ которымъ, повидимому, и относятся болѣе значительныя помарки: 1) признаніе князя въ своей предстоящей женитьбѣ, гдѣ трудно было соблюсти равновѣсіе между внутреннимъ состояніемъ говорящаго и тѣмъ, что онъ хочетъ внушить обманутой имъ возлюбленной (ст. 87—107), 2) упомянутый выше стихъ 221:

Змѣею подколодной онъ меня,

въ которомъ «подколодной» зачеркнуто и сверху написано «змѣей» безъ дальнѣйшихъ поправокъ, потому что «змѣею подколодной» послѣ непосредственно предшествующихъ словъ

Холодная змѣя мнѣ шею давить

справедливо казалось неловкимъ: съ чего, въ самомъ дѣлѣ, въ двухъ стихахъ сряду одно и то-же слово съ разными эпитетами,

да еще схожими по звукамъ? а придумать что-нибудь иное, со всѣхъ сторонъ удовлетворительное, и притомъ согласное съ тѣмъ полународнымъ тономъ, которымъ до тѣхъ поръ говорила дочь мельника, было нелегко. Какъ бы то ни было, стихъ остался неисправленнымъ, хотя Пушкинъ, какъ видно изъ сказаннаго, обратилъ на него вниманіе, а наличность хоть одного такого стиха ясно свидѣтельствуеть о томъ, что Пушкинъ не могъ смотрѣть на первую сцену «Русалки», какъ на окончательно отдѣланную.

Прочія сцены, какъ было сказано, не имѣютъ хронологическихъ помѣтъ, но мы уже знаемъ, что пѣсня русалокъ, которою въ извѣстномъ намъ текстѣ открывается четвертая сцена, предшествуетъ по времени окончанію первой сцены. И такъ вторая и третья сцены въ первой половинѣ 1832 г. не были отдѣланы, если даже были набросаны. Во второй сценѣ есть пѣсня «одного голоса», сближающая эту сцену съ «Пѣснями западныхъ Славянъ» и со «Сказкой о рыбацкѣ и рыбкѣ», а черезъ нее — съ произведеніями Пушкина въ духѣ русской народной словесности. Къ попыткамъ въ послѣднемъ родѣ относится болѣе или менѣе вся «Русалка», но въ особенности редакція третьей сцены, сохранившаяся въ бумагахъ А. С. Норова. Здѣсь небезполезно будетъ представить хронологическій обзоръ всѣхъ произведеній Пушкина, въ которыхъ высказывается его интересъ къ русской народности и къ Славянству вообще, равно какъ и другихъ слѣдовъ его занятій этими предметами, не считая «Бовы» (1815 г.), написаннаго подъ вліяніемъ не народной поэзіи, а Карамзина.

1824 — послѣ XXXIX строфы 3-ей главы «Евгенія Онѣгина» пѣсня, по видимому, народная, замѣненная впоследствии другою, сочиненною.

1825 — баллада «Женихъ» (III, 95—102 — не безъ вліянія Жуковскаго), записано три пѣсни народныхъ и написано три подражанія народнымъ пѣснямъ — «Только что на проталинахъ весеннихъ», «Колокольчики звенятъ», и «Черный воронъ выбиралъ бѣлую лебедушку» (I, 372—376).

1826 — 5-я глава «Евгенія Овѣгина» (III, 323 — 341), но начата въ 1825 г.

1827 — набросокъ «Кормомъ, стойлами, надзоромъ» (II, 27—28), записано 7 народныхъ сказокъ (III, 449—450, 456—529, 356—538).

1828 — прологъ къ «Руслану и Людмилѣ» (II, 202—203), первые 14 стиховъ «Сказки о царѣ Салтанѣ», первые 61 стихъ «Русалки», баллада «Утопленникъ» (II, 45—47), переводъ изъ «Конрада Валленрода» Мицкевича (II, 51—52).

1830 — пѣсня русалокъ въ 4-ой сценѣ «Русалки», начало сказки «Какъ весенней теплой порою» (II, 113—115), «Исторія села Горохина» съ пѣсней «Ко боярскому двору» (IV, 107). По предположенію Анненкова I, 151, около того-же времени Пушкинъ доставилъ Кирѣевскому «замѣчательную тетрадь пѣсень, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи», какъ выражается Кирѣевскій въ предисловіи къ своему «Собранію народныхъ пѣсень».

1831 — сказки о царѣ Салтанѣ (III, 424—449) и о Балдѣ (451—455).

1832 — 1-я сцена «Русалки» (III, 454—465), «Пѣсни западныхъ Славянъ» (нѣкоторыя изъ которыхъ написаны, можетъ быть, раньше).

1833 — «Пѣсни западныхъ Славянъ» (482—508), «Гусаръ» (II, 145—149), «Свять Иванъ, какъ пить мы станемъ» (149—150), изъ Мицкевича «Воевода» (151—152) и «Будрысь» (153—154), двѣ пѣсни въ народномъ духѣ — «Одинъ-то былъ у отца у матери единый сынъ» и «Другъ мой милый, красно солнышко мое» (162), сказки о Рыбакѣ и рыбкаѣ (III, 509—514) и о Мертвой царевнѣ (515—528), «Капитанская дочка» (IV, 182—284).

1834 — сказка о Золотомъ пѣтушкѣ (III, 530—535)⁵⁸⁾, Замѣчанія на пѣснь о полку Игоревѣ.

---

58) См. ниже примѣч. 61.

Сверхъ того г. Морозовъ III, 538 говоритъ еще объ одномъ трудѣ Пушкина въ томъ-же направленіи: «Въ іюнѣ 1836 г. Пушкинъ, по просьбѣ посѣтившаго Петербургъ французскаго писателя Loewe-Weimars, перевелъ на французскій яз. одиннадцать русскихъ пѣсень. Этотъ переводъ напечатанъ въ Рус. Арх. 1885 г. I, 451—460».

Сказки Пушкина восходятъ по большей части къ сказкамъ его няни, которыя онъ записалъ въ 1827 г. или около этого времени, и въ 1828 г. онъ началъ-было пользоваться этимъ матеріаломъ, но скоро оставилъ его. Снова приступилъ онъ къ разработкѣ своей записи едва-ли ранѣе 1830 г.⁵⁹⁾ Вѣроятно, вмѣстѣ съ этими сказками, т. е. въ Михайловскомъ, находились и упомянутые два отрывка «Русалки». Но въ то время увлеченіе драматической поэзіей уступило въ Пушкинѣ мѣсто новому интересу — народно-эпическому, возникшему въ немъ на этотъ разъ подъ вліяніемъ пересмотра записанныхъ имъ сказокъ и еще прежде начатой обработки ихъ, которая была прервана поѣздкой на Кавказъ и въ Азіатскую Турцію въ 1829 г. и его сватовствомъ, а потомъ — женитьбой. Тогда-же обратила на себя его вниманіе пресловутая *Gizla* Мериме, и вотъ онъ придалъ задуманной имъ «Русалкѣ» эпическую форму, пустивъ свое произведеніе въ свѣтъ, по примѣру Мериме, подъ видомъ перевода съ какого-то славянскаго подлинника — и съ тѣмъ-же успѣхомъ: Анненковъ, вѣроятно, на основаніи 5-го стиха — «На Любусѣ, чешской королевнѣ», принялъ «Яныша-королевича» за чешское

---

59) Мудрено разобратся въ Пушкинской хронологіи, когда напр. «Герой» помѣчено такъ: «Москва. 29 Сентября 1830» (II, 123), а «Шалость» — «1 Октября 1830. Болдино» (102). Ужели Пушкинъ ухитрился съѣздить изъ Москвы въ Нижегородскую губернію на лошадахъ въ одни сутки, да еще такъ спокойно, что въ день прибытія почувствовалъ уже вдохновеніе? Впрочемъ, судя по письмамъ, Пушкинъ прожилъ въ Болдинѣ съ начала сентября до конца ноября 1830 г., а въ 1831 г., когда написалъ двѣ сказки, въ деревню не ѣздилъ (ср. Я. Грота, Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, стр. 244 и также 245, гдѣ «Герой» значится подъ «Дек. 12»). Не были-ли его бумаги осенью 1830 г. перевезены изъ Михайловскаго въ Болдино, которое ему выдѣлилъ отецъ въ этомъ году?

сказаніе (I, 363 и 376—Матер.³ 355 и 369), и его мнѣніе повторяется до нашихъ дней, не смотря на участіе сербскихъ вилъ въ этой будто-бы чешской пѣснѣ⁶⁰). Впрочемъ, такъ какъ нѣтъ никакихъ указаній на занятія Пушкина «Пѣснями западныхъ Славянъ» до 1832 г., а первая сцена «Русалки» окончена уже въ апрѣлѣ этого года, болѣе вѣроятно, что драматическая редакція на этотъ разъ предшествовала эпической. Последнюю онъ оста-

---

60) Нашлась и русская параллель къ «Янышу-королевичу» въ пѣснѣ, записанной въ Опочецкомъ уѣздѣ Псковской губерніи, гдѣ находится Пушкинская деревня Михайловское. Эта пѣсня напечатана въ сборникѣ П. В. Шейна, Великорусскъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Томъ I, выпускъ первый. Спб. 1898, стр. 282 № 869. «Янышь-королевичъ» оканчивается такъ:

Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ:
«Люба ты моя, млада Елица!
Выйди ко мнѣ на зеленый берегъ,
Поцѣлуй меня по-прежнему сладко,
По-прежнему полюблю тебя крѣпко».
Королевичу Елица не внимаеть,
Не внимаеть, головою киваеть:
«Нѣтъ, не выйду, Янышь-королевичъ,
Я къ тебѣ на зеленый берегъ.
Слаще прежняго намъ не цѣловаться,
Крѣпче прежняго меня не полюбишь.
Разскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
Съ новой любовью, съ молодой женою?».
Отвѣчаетъ Янышь-королевичъ:
«Противъ солнышка луна не пригрѣеть,
Противъ милой жена не утѣшитъ».

А вотъ соотвѣтствующее мѣсто народной пѣсни:

Какъ я крикну, молодець, громкимъ голосомъ:
«Воротись, моя жена боярыня!
Что мы будемъ жить лучше прежняго».
— «Не свѣтитъ солнце лучше лѣтняго,
Не живать намъ лучше прежняго».

Въ интересахъ уже не сравненія, а самаго текста пѣсни можно предположить, что первоначальный или, можетъ быть, и настоящій, но пѣсенный (при напѣвѣ) изводъ послѣднихъ стиховъ является въ такомъ видѣ:

Не свѣтитъ солнцу зимой лучше лѣтняго,
Не живать намъ съ тобой лучше прежняго.

вилъ неоконченной, но, конечно, не потому, чтобы убѣдился въ ея неудобствѣ, а скорѣе вслѣдствіе живости своего художническаго темперамента, которая постоянно увлекала его къ новымъ задачамъ. Какъ бы то ни было, между первой сценой «Русалки» и второю протекло, по малой мѣрѣ, нѣсколько мѣсяцевъ. Къ предположенію такого перерыва ведетъ насъ и находящаяся во второй сценѣ пѣсня Русалки («одинъ голосъ»), написанная раз-мѣромъ «Пѣсенъ западныхъ Славянъ». Выше было высказано подозрѣніе, что толчекъ къ переложенію славянскихъ пѣсенъ, поддѣльныхъ и подлинныхъ, и къ подражанію имъ былъ данъ Пушкину русскими сказками. Въ этомъ смыслѣ не лишено значенія то обстоятельство, что «Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ», относящаяся къ 1833 году, въ которомъ написана и большая часть «Пѣсенъ западныхъ Славянъ», помѣчена Пушкинымъ, какъ «18-я пѣсня Сербская», т. е. она была причислена имъ къ тѣмъ-же «Пѣснямъ». Эта сказка была написана въ октябрѣ, а «Пѣсни западныхъ Славянъ» окончены лѣтомъ; но въ промежуткѣ явилась сказка «О мертвой царевнѣ»⁶¹⁾, не имѣющая ничего общаго съ «Пѣснями западныхъ Славянъ». И такъ Пушкинъ, какъ только покончилъ «Пѣсни западныхъ Славянъ», немедленно возвратился къ точкѣ отправленія, къ русскимъ сказкамъ, а написавъ одну (или, съ «Золотымъ пѣтушкомъ», двѣ), снова вспомнилъ «Пѣсни западныхъ Славянъ» и второй (или третьей) сказкѣ придавъ форму послѣднихъ. Что касается формы тѣхъ и другихъ произведеній, то сказки, за исключеніемъ «Балды» и «Рыбака и рыбки», написаны четырехстопнымъ трохеемъ, который былъ избранъ Пушкинымъ для этого рода повѣствованій еще въ 1828 году⁶²⁾. «Балда» — не стихи, а рифмованная проза, какъ прибаутки

61) И «О золотомъ пѣтушкѣ», если вѣрить хронологическому указателю г. Морозова (VII, стр. XII), но подъ текстомъ этой сказки значится «Болдино, 20 Сентября 1834» (III, 535), что и должно быть вѣрно, потому что 19 сентября 1833 г. Пушкинъ былъ въ Оренбургѣ. У Грота эти сказки не упомянуты ни подъ 1833, ни подъ 1834 г.

62) Народная форма этого размѣра, безъ риемъ и съ произвольнымъ, но всегда попарнымъ чередованіемъ мужскихъ и женскихъ окончаній, извѣстная

раечниковъ, на которыя еще болѣе похоже шуточное поминаніе въ письмѣ Пушкина къ Жуковскому (1833 г.) со вставками даже безъ риемы:

Г. Шафонскаго,
Карманный грошъ князя Григорія Волконскаго,
И ужъ Александра Македонскаго;
Этого не обойдешь, не объѣдешь — надо помянуть...
Покойника Винцингероде,
Саксонскаго министра Люцероде (и т. д. — II, 150)⁶³.

«Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ», какъ и большая часть «Пѣсенъ западныхъ Славянъ», написана тѣми вольными трехъ-ударными

намъ уже изъ сборника Ричарда Джемса, примѣнена Пушкинымъ въ пѣснѣ Архипа Лысаго (въ «Исторіи села Горохина»). Въ сказкахъ и еще раньше въ пѣсенкѣ «Колокольчики звенятъ» онъ снабдилъ стихи риемой попарно, съ правильной смѣной окончаній. Въ отрывкѣ «Святъ Иванъ, какъ пить мы станемъ» чередованіе риемъ свободнѣе, но искусственнѣе. Въ «Утопленникѣ» риема черезъ стихи, такъ-же и въ менѣе народныхъ стихотвореніяхъ — «Зимній вечеръ» 1825 г. (I, 362—363) и «Бѣсы» 1830 г. (II, 99—100). Такими-же строфами, какъ «Утопленникъ», сложены четыре «Пѣсни западныхъ Славянъ»: VII. Похоронная (но съ попарнымъ чередованіемъ риемъ въ тождественныхъ между собою первой и послѣдней строфахъ), IX. Бонапартъ и Черногорцы, XIII. Вурдалакъ, XVI. Конь. Тотъ-же размѣръ, только съ одними женскими окончаніями и безъ риемы, въ пѣснѣ X. Соловей (гдѣ по удареніямъ, но не по числу слоговъ, уклоняются отъ схемы ст. 5 «У меня ли, у молодца» и 15: «Во полѣ, полѣ широкомъ»). Четырехстопный трохей съ правильнымъ чередованіемъ женскихъ и мужескихъ окончаній, впрочемъ безъ риемы и въ видѣ одного осмистопнаго стиха, какъ въ опущенной сценѣ «Бориса Годунова» (III, 77—78), не менѣе народенъ, чѣмъ «Ко боярскому двору» пѣсни Архипа Лысаго (см. Извѣстія I, стр. 2 слѣд.). Такъ называемое «Начало сказки» («Какъ весенней теплою порою») занимаетъ особое мѣсто, потому что и по формѣ и по содержанію оно относится къ животному эпосу, являющемуся у Славянъ обыкновенно въ видѣ полу-лирической пѣсни.

63) Въ изданіяхъ однѣ запятая до слова «помянуть», послѣ котораго много-точіе. Вполнѣ возможно, что послѣ «объѣдешь» слѣдуетъ поставить точку, а «надо помянуть» отнести къ слѣдующей строкѣ. Вообще чѣмъ руководятся здѣсь издатели въ распредѣленіи строкъ и чего-то въ родѣ строфъ? Четвертая изъ выписанныхъ здѣсь строкъ раздѣлена у нихъ на двѣ части, изъ которыхъ первая кончается словомъ «надо», а вторая («помянуть») соединена со слѣдующей строкой наперекоръ дѣленію по смыслу, единственной ритмической мѣркѣ такой рубленой прозы. Той-же мѣркѣ противорѣчитъ отдѣленіе этой строки какъ-бы въ другую строфу.

стихами съ женскимъ окончаніемъ, которые мы встрѣчаемъ у Пушкина впервые въ наброскѣ 1827 г., съ тою лишь разницею, что въ послѣдствіи онъ избѣгалъ такого стиха, какъ первый въ этомъ отрывкѣ:

Кормомъ, стойлами, || надзоромъ

и послѣдній:

Къ красной дѣвкѣ || въ гости скачетъ,

хотя ритмъ въ нихъ тотъ-же, что въ прочихъ, — по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которые построены въ самомъ дѣлѣ ритмически, напр.:

Всѣмъ красны⁶⁴⁾ боярскія || конюшни.

Какъ не влюбить онъ коня || вороного.

Во всѣхъ трехъ указанныхъ формахъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, попадающихся здѣсь и въ «Пѣсняхъ западныхъ Славянъ», этотъ размѣръ вполне сходенъ съ русскимъ народнымъ усѣченнымъ эпическимъ стихомъ (Изв. I, 31 слѣд. съ примѣч. 55). Позже Пушкинъ почти не допускалъ въ этомъ стихѣ менѣе 9 слоговъ⁶⁵⁾, какъ

Что ему дома || не сидится? (III, 485)

Отчего двухъ ночей || онъ сряду (тамъ-же).

А жиды убили || какъ собаку (490),

64) А не «красны» — ср. ниже:

Стойлы красны борзыми || конями.

65) Осмысленныхъ стиховъ два въ первой пѣснѣ «Видѣніе короля»:

Взадъ и впередъ || по палатамъ (III, 482).

Держить онъ на-голо || саблю (483),

одинъ во второй «Янко Марнавичъ»:

И были по Богу братья (485),

а въ другихъ нѣтъ.

а съ другой стороны рѣдко доходилъ до крайняго его протяженія — въ 12 слоговъ:

Никто свѣта въ церкви Божіей не видитъ (482).

Будь надъ Босніей моею ты властелиномъ (484).

Среднее протяженіе этого стиха — 10 слоговъ, и это слоговое содержаніе является у него часто въ стопной формѣ двухъ видовъ — какъ трехстопный анапестъ съ женскимъ окончаніемъ (3+3+3+1=10) и какъ пятистопный трохей (2+2+2+2+2=10), похожій на сербскій эпическій размѣръ, кромѣ обязательной въ послѣднемъ цезуры послѣ четвертаго слога, напр.

Король ходитъ большими шагами (III, 482).

Голову отсѣчь ему грозитъ (тамъ-же).

Тотъ-же вольный стихъ, и съ тѣми-же особенностями, не исключая погрѣшностей противъ ритма, находимъ и во второй пѣснѣ второй сцены «Русалки». Вотъ ея ритмическій анализъ, который въ двухъ стихахъ возможенъ только по удаленіи лишнихъ слоговъ:

По камушкамъ, по желтому || песочку,

Пробѣгала быстрая || рѣчка;

Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ || двѣ рыбки,

Двѣ рыбки, двѣ малыя || плотицы.

А слыхала ль ты, рыбка || сестрица,

Про вѣсти-то наши, || про рѣчныя?

Какъ вечеръ (у насъ) красна(я) дѣвица || утопилась,

Утопая, мила(го) друга || проклинала? (III, 466).

И такъ вторая сцена «Русалки» написана въ то время, когда Пушкинъ занимался «Пѣснями западныхъ Славянъ» или, скорѣе, пока еще находился подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этихъ за-

нятій; но когда именно? То и другое онъ могъ писать лѣтомъ и отчасти осенью 1832 г., такъ какъ съ 21 октября онъ началъ усиленно работать надъ «Дубровскимъ», котораго окончилъ только 6-го февраля 1833 г. Судя по родамъ сочиненій Пушкина и ихъ количеству за этотъ годъ, въ который онъ между прочимъ съ половины августа до начала октября ѣздилъ въ Казань и Оренбургъ и потомъ провелъ съ мѣсяцъ въ Болдинѣ, онъ могъ приняться за «Русалку» именно тамъ, въ деревнѣ, гдѣ онъ написалъ тогда-же сказку «О рыбацкѣ и рыбкѣ» и, вѣроятно, «О мертвой царевнѣ». Впрочемъ, такъ какъ тамъ-же онъ окончательно обработалъ «Исторію Пугачевского бунта» и написалъ «Мѣднаго Всадника» и еще нѣсколько мелкихъ произведеній въ стихахъ и прозѣ, можно сомнѣваться въ томъ, чтобы онъ успѣлъ справиться со всѣми этими разнообразными дѣлами въ такой короткій срокъ. Если это сомнѣніе основательно, остается отнести вторую сцену «Русалки» къ концу года или къ сентябрю 1834 г., когда Пушкинъ провелъ недѣли двѣ или три въ Болдинѣ, между прочимъ занимаясь, по видимому, сочиненіемъ «Сказки о золотомъ пѣтушкѣ». Въ 1835 и 1836 г. Пушкинъ писалъ, правда, довольно много, но все вещи, сравнительно небольшія, почему между отдѣльными его трудами было много промежутковъ. Тѣмъ не менѣе къ этому времени трудно приурочить работу надъ второй сценой «Русалки», потому что тогда Пушкинъ не писалъ ничего такого, чтò могло бы напомнить ему «Пѣсни западныхъ Славянъ». И такъ по причинамъ внутреннимъ приходится отодвинуть время сочиненія этой сцены къ 1834 г. или даже къ 1833 г., который въ исторіи творчества Пушкина можно назвать славяно-русскимъ по преимуществу. Въ пользу этого предположенія свидѣтельствуетъ и третья сцена, которую Пушкинъ началъ-было писать не только совершенно въ народномъ духѣ, но и народнымъ складомъ⁶⁶⁾: именно въ 1833 г. Пушкинъ пытался, насколько из-

---

66) О старшинствѣ этой редакціи передъ общеизвѣстной, въ пятистопныхъ ямбахъ, и нѣкоторыхъ ея чертахъ будетъ сказано ниже.

вѣстно, въ послѣдній разъ подражать народнымъ русскимъ пѣснямъ со всѣми особенностями въ языкѣ и стихотворномъ размѣрѣ. Разумѣется, интересъ къ такого рода подражаніямъ не былъ долженъ заглухнуть въ немъ немедленно по написаніи послѣдняго опыта, а потому нельзя, кажется, возразить ничего противъ отнесенія третьей сцены къ 1834 г.

Для хронологіи второй сцены «Русалки» не лишены важности также слѣдующія соображенія. «Русалка» тѣсно связана съ «Пѣснями западныхъ Славянъ» очевиднымъ сходствомъ съ одною изъ послѣднихъ, «Янышемъ Королевичемъ», а сказка «О рыбацѣ и рыбкѣ», написанная въ 1833 г., помѣчена Пушкинымъ, какъ «18-я пѣсня Сербская», слѣдовательно относится къ тому-же циклу стихотвореній и представляетъ собою примѣненіе употребленнаго въ этомъ отдѣлѣ размѣра къ разсказу въ русскомъ духѣ, какъ «Русалка» — обработку западно-славянскаго сказанія (хотя-бы завѣдомо мнимаго) въ видѣ драмы изъ русской жизни. Кромѣ сходнаго отношенія «Русалки» и «Сказки о рыбацѣ и рыбкѣ» къ «Пѣснямъ западныхъ Славянъ» между пѣсней «одного голоса» въ «Русалкѣ» и этой сказкой позволительно видѣть и еще одну общую черту: въ той и другой главная роль принадлежитъ рыбкамъ, и тамъ и здѣсь — говорящимъ, которыя въ другихъ произведеніяхъ Пушкина не появляются. Въ «Русалкѣ» рыба, хоть не говорящая, но все-же чудесная, упоминается и дальше — «рыбка-одноглазка», будто-бы стерегущая деньги, которыя мельникъ побросалъ въ Днѣпръ (ср. IV=III, 474), и эта рыба, по видимому, представляется его разстроенному воображенію подручницей Русалки, его «вѣщей» дочери, подобно тому, какъ золотая рыба, по желанію жены рыбака, должна была состоять у нея на посылкахъ, когда она сама сдѣлается морской царницей. Если вѣрно это сближеніе пѣсни «одного голоса» не съ «Пѣснями западныхъ Славянъ» вообще, а именно съ «18-ю пѣсней Сербскою», естественно приблизить вторую сцену «Русалки» къ «Сказкѣ о рыбацѣ и рыбкѣ» также по времени, т. е. признать ее написанною не въ апрѣлѣ 1832 г.,

а значительно позже, — может быть, въ 1833 г. Замѣтимъ мимоходомъ, что Пушкинъ при пересмотрѣ этой сцены откинулъ заключительные 18 стиховъ (послѣ 65-го), которые, если бы не были написаны рукою самого Пушкина, навѣрное возбудили бы сильнѣйшія подозрѣнія со стороны нынѣшнихъ критиковъ, такъ какъ здѣсь «столкновеніе *реального* и *фантастическаго* міровъ зашло слишкомъ далеко», содержится «рядъ штриховъ суживающихъ значеніе картины», противорѣчитъ эстетикъ образъ «мокрой дѣвки», оставляющей таковыя-же слѣды на полу, бросаются въ глаза два повторенія: въ словахъ свахи — «Охъ, сердце замираетъ» и черезъ три стиха — «Охъ, сердце не на мѣстѣ» и въ словахъ дръжка — «Подъ окнами я буду разъѣзжать» (ст. 63) и «Пойти-ка мнѣ садиться на коня». Правда, Пушкинъ зачеркнулъ эти 18 стиховъ, но вѣдь онъ-же и написалъ ихъ. Однако, не смотря на эту поправку, трудно повѣрить, чтобы Пушкинъ не подвергъ эту сцену пересмотру, если первая сцена, какимъ бы промежуткомъ времени ни была отдѣлена отъ второй, осталась не вполне обработанной. Конечно, мы не можемъ ручаться въ томъ, что Пушкинъ непременно переправилъ-бы кое-что во второй сценѣ, которая — надо съ этимъ согласиться — написана, по малой мѣрѣ, очень удачно. То-же слѣдуетъ сказать о возможномъ исходѣ пересмотра превосходной третьей сцены въ томъ видѣ, какъ она попала въ печать, а не въ той, народно-пѣсенной, редакціи, которая извѣстна изъ рукописи Пушкина, сохранившейся въ бумагахъ А. С. Норова (что слѣдуетъ помнить тѣмъ, которые не хотятъ допустить, что какое-нибудь произведеніе Пушкина могло сохраниться не среди его собственныхъ бумагъ). Къ другому варианту въ этой сценѣ мы еще возвратимся впоследствии.

Стихи 17 и 18 четвертой сцены —

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ

Меня влечетъ невѣдомая сила —

повторяются въ началѣ шестой. Можно видѣть въ этомъ повтореніи особый, рассчитанный эффектъ, состоящій въ конкрет-

номъ, фактическомъ указаніи на постоянство того настроенія, которое овладѣло княземъ вскорѣ послѣ женитьбы, какъ видно изъ словъ княгини въ третьей сценѣ (ст. 5):

Женился онъ — и все пошло не такъ

и т. д. Онъ находился въ томъ нестерпимомъ состояніи, которое такъ живо изображаетъ Гёте въ *Sehnsucht*:

Was zieht mir das Herz so?

Was zieht mich hinaus?

Und windet und schraubt mich

Aus Zimmer und Haus?

Какъ рѣзко проявлялось въ немъ такое дѣйствіе тоски, это «выкручиванье и вывертыванье изъ-дому», мы поймемъ вполнѣ ясно, когда разсмотримъ по днямъ происшествія, изображенныя въ «Русалкѣ», начиная съ третьей сцены. Судя по словамъ Русалки въ концѣ пятой сцены (ст. 31—38):

Съ той поры,

Какъ бросилась безъ памяти я въ воду

Отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой

И въ глубинѣ Днѣпра-рѣки очнулась

Русалкою холодной и могучей,

Прошло ужъ восемь долгихъ, долгихъ лѣтъ,

разговоръ между княгиней и мамкой въ третьей сценѣ происходитъ лѣтъ черезъ восемь послѣ женитьбы князя. Въ день этого разговора князь, какъ свидѣтельствуешь ловчій (ст. 36 и слѣд.),

Остался

Одинъ въ лѣсу на берегу Днѣпра,

куда княгиня и посылаетъ охотниковъ за мужемъ. Охотники являютъ къ нему въ четвертой сценѣ, ночью, какъ значитъ въ помѣткѣ при указаніи мѣста дѣйствія; слѣдовательно обѣ эти сцены содержать въ себѣ событія однихъ сутокъ. Въ той-же четвертой сценѣ князь встрѣчается съ помѣшавшимся мельникомъ, а послѣ его ухода видитъ своихъ охотниковъ и противъ

своего желанія уѣзжаетъ съ ними на-ночь домой. Сцена пятая, гдѣ «старшая русалка» даетъ порученіе дочери, и шестая, гдѣ князь приближается къ берегу съ тѣми-же словами «Невольно» и т. д., относятся уже къ слѣдующимъ суткамъ, такъ какъ Русалка говоритъ:

Оставьте пряжу, сестры. Солнце сѣло.
Столбомъ луна блеститъ надъ нами,

а князь въ томъ-же монологѣ выражается такъ:

Печальныя, печальныя мечты
Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.

И такъ онъ встрѣтилъ мельника въ ночь, предшествующую этой. Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что князь, по крайней мѣрѣ, въ теченіе двухъ послѣднихъ сутокъ ежедневно уѣзжалъ на берегъ Днѣпра. И не смотря на это, повтореніе двухъ упомянутыхъ стиховъ едва-ли умѣстно. Разберемъ второе изъ этихъ мѣстъ со стороны связи мыслей.

Въ началѣ шестой сцены князь объясняетъ причину своего влеченія «къ этимъ грустнымъ берегамъ»; эта причина — воспоминаніе о той любви, которая выпала ему на долю, когда онъ еще былъ свободенъ. Это объясненіе заканчивается оцѣнкой своего прежняго состоянія и сокрушеніемъ объ его утратѣ по своей винѣ (ст. 8 слѣд.):

Я счастливъ былъ. Безумецъ!... И я могъ
Такъ вѣтрено отъ счастья отказаться!...

Связь этихъ мыслей съ предшествующими ясна: они составляютъ какъ-бы заключительный аккордъ въ видѣ взрыва чувствъ, вызванныхъ воспоминаніями. И такъ одинъ рядъ мыслей законченъ; послѣ такого заключенія, если рѣчь продолжается, долженъ начаться другой рядъ мыслей, сходныхъ или инородныхъ, но во всякомъ случаѣ не противорѣчащихъ предыдущимъ. А дальше идутъ тѣ стихи, которыми начинается запись г. Зуева:

Печальныя, печальныя мечты

Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.

Отець несчастный! Какъ ужасенъ онъ!

и т. д. Что это за «печальныя мечты»? тѣ-же, которыя въ четвертой сценѣ, послѣ встрѣчи съ безумнымъ мельникомъ, выражаются восклицаніемъ (ст. 74):

И этому все я виною!

и нѣсколько ниже — словами (ст. 84 слѣд.):

Старикъ несчастный! Видь его во мнѣ

Раскаянья всѣ муки растравиль:

то, чему князь виною, и то, въ чемъ онъ раскаивается, есть, очевидно, его измѣна дочери мельника со всѣми послѣдствіями этого поступка, между которыми особенно живо представилось ему тогда помѣшательство только-что встрѣченнаго имъ отца его прежней возлюбленной. Тамъ размышленія о жалкомъ положеніи старика вполне кстати, но здѣсь, послѣ воспоминаній при видѣ мѣсть, гдѣ онъ былъ счастливъ, тѣ «печальныя мечты», которыя навѣяла на него встрѣча съ отцомъ его жертвы, могутъ быть отнесены читателемъ не столько къ самому мельнику, сколько къ причинѣ его помѣшательства — самоубійству его дочери, вызванному измѣной князя. Такимъ образомъ печальное настроеніе князя объясняется сперва зрѣлищемъ мѣстности, гдѣ его «встрѣчала свободнаго свободная любовь», потомъ — встрѣчей съ мельникомъ, т. е. двумя совершенно разнородными причинами, которыя не приведены во взаимную связь. Отсюда слѣдуетъ, что «Неволь-но къ этимъ грустнымъ берегамъ — такъ вѣтрено отъ счастья отказаться» и «Печальныя, печальныя мечты — И къ намъ переселиться» представляютъ два самостоятельныхъ вступленія, изъ которыхъ одно Пушкинъ откинулъ бы, если бы эта сцена была не только окончена, но и отдѣлана, и эта участь, вѣроятно, постигла бы первое изъ нихъ, вслѣдствіе чего начало шестой сцены совпало бы съ началомъ записи г. Зуева. Можетъ быть, не лишено значенія то, что стихъ «Неволь-но къ этимъ грустнымъ берегамъ» въ четвертой сценѣ написанъ карандашомъ два раза,

какъ будто это была мысль, пришедшая поэту въ голову не при писаніи, а во время предварительнаго обдумыванія этой сцены, и, онъ, записавъ эти стихи прежде, чѣмъ принялся за послѣдовательное изложеніе четвертой сцены, начатой имъ года три тому назадъ, впоследствии, когда приступилъ къ писанію, забылъ, что первые стихи уже нанесены имъ на бумагу. Однако въ сохранившейся рукописи «Русалки» ни одно изъ двухъ вступленій не зачеркнуто, изъ чего видно, что въ то время, какъ Пушкинъ писалъ эту сцену въ извѣстной намъ редакціи, выборъ его еще не опредѣлился, а это колебаніе, по видимому, указываетъ на то, что онъ допускалъ возможность передѣлки того мѣста четвертой сцены, гдѣ повторяющіеся два стиха встрѣчаются въ первый разъ. Если это вѣрно, четвертая сцена также не отдѣлана окончательно. Шестая едва начата. И такъ ни одна сцена «Русалки» не была готова къ печати, за возможнымъ исключеніемъ пятой, самой короткой (въ 38 стиховъ) и простой по содержанію; но само собою разумѣется, что не всѣ сцены въ одинаковой мѣрѣ должны были подвергнуться измѣненіямъ. Въ общемъ надобно замѣтить, что «Русалка» оставлена Пушкинымъ безъ заглавія, писана неясно, съ помарками, какъ черновая, не предназначенная для чтенія. Разумѣется, мы не имѣемъ права ожидать, чтобы конецъ драмы (если онъ въ самомъ дѣлѣ былъ написанъ Пушкинымъ) оказался въ болѣе отдѣланномъ видѣ, чѣмъ начало.

Стоить-ли особо говорить о томъ, что отъ записи г. Зуева по памяти нельзя требовать такой точности, какъ отъ списка съ подлинника, да еще доведеннаго до послѣдней степени совершенства, когда и по рукописямъ самого Пушкина иногда бываетъ трудно установить истинный текстъ? Было бы вопіющею нелѣпостью рѣшать вопросъ о происхожденіи сообщеннаго имъ отрывка на основаніи отдѣльныхъ словъ или частей стиха, — критическаго пріема, отъ котораго не поздоровилось бы самому Пушкину. Съ другой стороны, въ какой степени справедливъ крайне пессимистическій взглядъ на трудъ г. Зуева, мы рассмотримъ ниже, при разборѣ текста его записи.

Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ этому отдѣлу изслѣдованія, намъ предстоитъ высказаться по поводу разногласія между критиками относительно необходимости и возможнаго содержанія конца «Русалки» по мысли самого автора.

Одинъ изъ критиковъ находитъ, что съ концомъ напечатаннаго въ «Современникѣ» текста «обрывается и живой психологическій интересъ произведенія», почему Пушкинъ, можетъ быть, и не помышлялъ о продолженіи «Русалки», предоставивъ его всецѣло воображенію читателя, какъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ». Но «Евгеній Онѣгинъ» вполне законченъ въ формальномъ отношеніи, а «Русалка» обрывается въ началѣ сцены на вопросѣ, безусловно требующемъ отвѣта. Да и по содержанію поэма никакъ не можетъ быть признана не оконченною, потому что за тѣмъ предѣломъ, до котораго событія въ ней доведены Пушкинымъ, не могло воспослѣдовать ничего такого, что оправдывало бы продолженіе романа: если бы Татьяна отдалась Онѣгину, а онъ посвятилъ ей жизнь, или если бы они покончили дни свои самоубійствомъ, или если бы онъ зачахъ съ тоски, — все это было бы психологически ложно, а безъ такихъ неожиданностей дальнѣйшее содержаніе поэмы должно было бы свестись къ тому, что Онѣгинъ жилъ, жилъ и умеръ, и Татьяна жила, жила и умерла. Почти то-же говоритъ самъ Пушкинъ въ отвѣтъ на поощренія Плетнева и другихъ пріятелей къ продолженію романа:

Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво
Романъ, не конча, перервать,
Отдавъ его уже въ печать;
Что должно своего героя
Какъ бы то ни было женить,
По крайней мѣрѣ — уморить (III, 422).

Но, хотя съ извѣстной точки зрѣнія это и было «справедливо» и самъ Пушкинъ въ другомъ подобномъ отвѣтѣ даже заявляетъ:

Пожалуй, я бы радъ... (тамъ-же),

но уже самый тонъ этого заявленія заставляетъ ожидать указа-
нiя на препятствiя (и едва-ли внѣшняго характера), и, насколько
извѣстно, Пушкинъ такъ и не принялся за продолженiе. Правда,
такowymъ считаютъ упомянутый выше набросокъ, потому что
онъ писанъ строфами «Евгенiя Онѣгина»; но тѣ-же строфы
Пушкинъ употребилъ въ первоначальной редакци «Мѣднаго
Всадника», а еще естественнѣе было примѣнить эту форму, го-
воря объ «Евгенiи Онѣгинѣ». Поэма, какъ и драма,—не биогра-
фiя; значенiе ея — не въ событiяхъ, составляющихъ ея внѣш-
нее содержанiе, а въ той мысли, которая въ ней художественно
воплощается⁶⁷⁾. Тѣмъ, что рассказано въ «Евгенiи Онѣгинѣ», эта
мысль исчерпана. Какъ ясно поэтъ сознавалъ опредѣленную его
повѣствованiю мѣру, легко удостовѣриться изъ того, что онъ
безопасно устранилъ изъ поэмы много великолѣпныхъ строфъ,
которыя не состоятъ въ непосредственной связи съ основною
мыслью произведенiя или не прибавляютъ ничего новаго къ уже
сказанному. А въ пяти съ небольшимъ сценахъ «Русалки» развѣ
мысль произведенiя выражена вся безъ остатка? Пушкинъ не
успѣлъ придумать ему заглавiя, и какъ назвалъ бы свою драму
по окончанiи ея, мы не знаемъ; но уже изъ той ея части, кото-
рая несомнѣнно принадлежитъ ему, мы имѣемъ право заключить,
что герой этой драмы—не Русалка, а князь, потому что она —
существо фантастическое, которое можетъ насъ интересовать
лишь постольку, поскольку оно соприкасается съ подобными
намъ людьми, а князь есть конкретная, живая человѣческая лич-
ность. «Психологическiй интересъ» Русалка могла возбуждать въ
насъ до тѣхъ поръ, пока она была человѣкомъ, но какъ только

---

67) Что самъ Пушкинъ смотрѣлъ на дѣло не иначе, тому доказательствомъ
служитъ между прочимъ его отзывъ въ «Критическихъ замѣткахъ» именно о
последнихъ главахъ «Евгенiя Онѣгина»: «Тѣ, которые-бы стали въ нихъ искать
занимательности происшествiй, могутъ быть увѣрены, что въ нихъ еще менѣе
дѣйствiя, нежели во всѣхъ предшествовавшихъ» (V 131). Съ этимъ рѣшителъ-
нымъ признакiемъ поучительно сопоставить понятiе Пушкина о вкусѣ боль-
шинства, выраженное въ статьѣ «О драмѣ»: «Народъ, какъ дѣти, требуетъ
занимательности дѣйствiя» (142).

она сдѣлалась русалкой, мы не можемъ слѣдить за ея чувствами и дѣйствіями съ тѣмъ участіемъ, какое мы принимаемъ въ судьбѣ такихъ-же существъ, какъ мы сами. Даже эти чувства и дѣйствія доступны нашему воображенію только въ очеловѣченномъ видѣ. Мыслима-ли драма, вращающаяся около такого лица, которое мы должны по возможности уподобить себѣ для того, чтобы понять его? Къ такому плоду личной или народной фантазіи мы не можемъ примѣнить нравственной мѣрки, а безъ нея драма невозможна. Значеніе сверхъестественнаго существа между прочими участниками драмы состоитъ въ конкретномъ изображеніи одной изъ духовныхъ сторонъ того дѣйствующаго лица, ради котораго это существо выведено на сцену; такъ Мефистофель олицетворяетъ собою скептицизмъ Фауста, тѣнь отца Гамлета — скорбныя размышленія Гамлета о смерти отца вмѣстѣ съ подозрѣніями, которыя внушила ему нравственная неблагонадежность дяди въ соединеніи съ его поспѣшной женитьбой на его, Гамлета, матери, а потомъ — преслѣдующую Гамлета мысль о необходимости мщенія; вѣдьмы, являющіяся Макбету, воплощаютъ въ себѣ его честолюбіе, разожженное наущеніями жены, а тѣнь Банко — упреки его совѣсти; тѣнь Цезаря образно представляетъ возникшее въ душѣ Брута опасеніе, что убійцы Цезаря получатъ возмездіе въ предстоящей битвѣ. Это — не такія вполне сознательныя олицетворенія, какъ Бѣдность въ «Богатствѣ» Аристофана или Смерть въ «Алкестидѣ» Эврипида: здѣсь мы видимъ отвлеченныя понятія, поставленныя на двѣ ноги, а впрочемъ не содержація въ себѣ ничего кромѣ тѣхъ-же понятій, тогда какъ тамъ передъ нами существа, духовная природа которыхъ не исчерпывается одной идеей или свойствомъ. Такое существо есть и «Демонъ» Пушкина, о которомъ въ своей анонимной замѣткѣ онъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Не хотѣлъ-ли поэтъ олицетворить сомнѣніе?... Недаромъ великій Гёте называлъ вѣчнаго врага человѣчества — духомъ отрицающимъ... И Пушкинъ не хотѣлъ ли въ своемъ «Демонѣ» олицетворить сей духъ отрицанія или сомнѣнія и начертать въ при-

ятной картинѣ печальное вліяніе его на нравственность нашего вѣка? (I, 292 — 293). «Олицетвореніе въ пріятной картинѣ» значить поэтическое воплощеніе. Такъ и Русалка есть по своему внутреннему смыслу объективированная любовь князя, пережившая свой предметъ; а чувство, хотя бы и воплощенное, не можетъ быть героемъ драмы, носителемъ борьбы между этимъ чувствомъ и другими, которыя вызываются окружающими его обстоятельствами. И такъ герой драмы — князь. Онъ измѣнилъ дѣвушкѣ, которая его любила и отдалась ему въ надеждѣ на его обѣщаніе, что онъ упрочитъ ихъ отношенія, взявъ ее къ себѣ, и обманутая имъ дѣвушка, въ то время уже будущая мать его ребенка, утопилась, а ея отецъ сошелъ съ ума. Такова завязка (*πρότασις*), показывающая, какимъ образомъ нравственный законъ нарушенъ. Далѣе мы видимъ, что нарушитель идеи справедливости не нашелъ счастья въ бракѣ съ той, въ пользу которой отказался отъ прежней возлюбленной, потому что все-таки любилъ ее, а не жену, все чаще уѣзжаетъ отъ жены, незаслуженно огорчая ее своею холодностью, и наконецъ почти совсѣмъ пропадаетъ изъ-дому, порываясь остаться на берегу Днѣпра, гдѣ восемь лѣтъ тому назадъ онъ узналъ истинную любовь. Это — развитіе дѣйствія (*ἐπίτασις*) съ ускоряющими и отягощающими конецъ осложненіями (*περίπεταια*) и начало развязки (*καταστροφή*). Прежній нравственный вопросъ навязывается настойчивѣе и обостряется: къ первой жертвѣ герой прибавилъ другую, свою жену, огорченіе которой мало-по-малу переходитъ въ ревнивое подозрѣніе, но онъ не замѣчаетъ ея страданій, такъ какъ тоска по загубленной имъ дѣвушкѣ овладѣваетъ имъ все рѣшительнѣе и подъ конецъ доводитъ его до состоянія, близкаго къ мономаніи, что онъ самъ выражаетъ словами:

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
 Меня влечетъ невѣдомая сила.

Справедливость нарушена вторично, и возмущенное нравственное чувство настоятельно требуетъ возмездія, которое, очевидно,

и приближается: герой потерялъ самообладаніе до такой степени, что каждый день скитается одинъ въ лѣсу на берегу рѣки, не заботясь объ опасностяхъ отъ людей, звѣрей и злыхъ духовъ. Одинъ изъ послѣднихъ, русалка, бывшая его возлюбленная, хочетъ воспользоваться омрачившею его умъ страстью для того, чтобы отомстить ему, и съ этою цѣлью подсылаетъ къ нему свою и его дочь... Ужели это конецъ, какимъ могъ удовлетвориться художникъ, такъ послѣдовательно доведшій свою драму до рѣшительнаго момента? Ужели здѣсь обрывается психологическій интересъ, когда мы напряженно ожидаемъ, какъ поступить герой, стоя на краю пропасти, вырытой имъ самимъ? Если остановку на такомъ мѣстѣ драмы можно считать ея концомъ, то, въ случаѣ пропажи заключительныхъ сценъ «Гамлета» послѣ вызова героя Лаэртомъ на поединокъ, и эту драму Шекспира можно было бы признавать оконченной, а поклонникъ факта сталъ бы, пожалуй, даже прославлять автора за умолчаніе развязки. Но, если Пушкинъ и сознавалъ, что его драма — не драма, пока въ ней нѣтъ развязки, нельзя-ли найти указаніе на то, что онъ намѣревался добавить эту развязку? Есть извѣстіе даже объ исполненіи этого намѣренія: по свидѣтельству А. О. Смирновой, Жуковскій рассказывалъ, что Пушкинъ за нѣсколько дней до поединка говорилъ своимъ друзьямъ о своей «Русалкѣ» и «затѣмъ передалъ имъ конецъ драмы». Какъ и всегда при рассказахъ о какой-нибудь подробности крупнаго событія, которую притомъ лицо, служащее намъ источникомъ, знаетъ лишь съ чужихъ словъ, въ свидѣтельствѣ А. О. Смирновой можно подвергнуть сомнѣнію частности, напр. точно-ли разговоръ Пушкина съ друзьями о «Русалкѣ» происходилъ всего за нѣсколько дней до 27-го января 1837 г., а не раньше, не ближе къ ноябрю 1836 г., когда, по словамъ г. Зуева, онъ читалъ «Русалку» у Губера; но нѣтъ основаній къ отрицанію самаго факта, — того, что Пушкинъ не за-долго до смерти передалъ своимъ друзьямъ конецъ «Русалки». Разсказъ А. О. Смирновой тѣмъ менѣе производитъ впечатлѣніе выдумки, что въ немъ есть одна,

съ перваго взгляда несообразная подробность: Пушкинъ прежде, чѣмъ передалъ друзьямъ конецъ «Русалки», говорилъ имъ о своей балладѣ того-же имени—съ какой стати? баллада была написана еще въ 1819 г. и уже не разъ напечатана. Возможно, что Пушкинъ упомянулъ тогда объ этомъ юношескомъ произведеніи напр. въ томъ смыслѣ, что *on revient toujours à ses premiers amours*: но важно то, что у А. О. Смирновой нѣтъ ни малѣйшей попытки къ разъясненію этой частности, которая сама по себѣ могла набросить тѣнь на достовѣрность ея свидѣтельства. Однако, если правда, что конецъ «Русалки» былъ переданъ Пушкинымъ друзьямъ, отчего-же никто изъ этихъ друзей, въ числѣ которыхъ былъ, вѣроятно, и Жуковский, не позаботился о своевременномъ сообщеніи такого важнаго памятника редакторамъ изданія 1838—1841 г.? Причинъ этого упущенія можно предположить нѣсколько, и первая изъ нихъ—небрежность близкихъ къ Пушкину людей, отозвавшаяся вообще на первомъ посмертномъ изданіи, а затѣмъ—существованіе конца «Русалки» пока еще только въ умѣ поэта или въ черновомъ наброскѣ, который онъ, можетъ быть, отдалъ бы друзьямъ въ томъ случаѣ, если бы предвидѣлъ такое близкое наступленіе смерти, что отчаявался въ возможности обработки своего труда, да и то еще вопросъ, не предпочелъ-ли бы онъ при такихъ обстоятельствахъ уничтожить его. Изъ словъ А. О. Смирновой никакъ не слѣдуетъ, чтобы Пушкинъ передалъ друзьямъ рукопись: передать можно и содержаніе, на словахъ. Такимъ образомъ важность и, такъ сказать, сенсационность факта, записаннаго А. О. Смирновой, значительно понижается; а чѣмъ фактъ безразличнѣе, тѣмъ меньше было искушенія къ его изобрѣтенію, и, слѣдовательно, тѣмъ онъ вѣроятнѣе. Однако это событіе, даже сведенное къ такимъ скромнымъ размѣрамъ, отнюдь не лишено значенія въ вопросѣ объ окончаніи «Русалки» самимъ Пушкинымъ, такъ какъ оно доказываетъ, что онъ уже обдумалъ эту часть драмы и, быть можетъ, даже набросалъ ее на бумагу. Последнее вѣроятнѣе, потому что о своихъ поэтическихъ произведеніяхъ онъ думалъ обыкновенно

съ перомъ въ рукѣ, и эта вѣроятность является особенно убѣдительною, когда дѣло идетъ о произведеніи, котораго большая часть была уже написана. Сверхъ того не забудемъ, что въ драмѣ планъ опредѣленнѣе, чѣмъ въ поэмѣ, потому что драма необходимо должна развиваться по тѣмъ тремъ моментамъ, наличность которыхъ въ «Русалкѣ» показана выше, а чѣмъ опредѣленнѣе представляется поэту дальнѣйшій ходъ дѣйствія, тѣмъ легче и охотнѣе онъ приступаетъ къ письменному изложенію созрѣвающихъ въ немъ мыслей.

Есть еще одно косвенное указаніе, по крайней мѣрѣ, на то, что Пушкинъ былъ намѣренъ продолжать «Русалку». Какъ извѣстно, онъ не стѣснялся обнародованіемъ неоконченныхъ произведеній и отрывковъ, каковы «Сонъ» изъ едва начатой и потомъ заброшенной поэмы «Вадимъ», «Родословная моего героя», выдѣленная изъ «Мѣднаго Всадника» въ первоначальной редакціи и приведенная въ годный для печатанія видъ только посредствомъ исключенія длиннотъ и неотдѣланныхъ строфъ, и «Отрывки изъ путешествія Онѣгина», лишь отчасти соединенные вставками въ прозѣ; но пять первыхъ сценъ «Русалки» съ началомъ шестой появились въ печати лишь по его смерти, хотя несомнѣнно, что сами по себѣ онѣ были не менѣе готовы, чѣмъ даже «Родословная», не говоря уже объ ихъ высокомъ поэтическомъ достоинствѣ. «Отрывки изъ путешествія Онѣгина» появились при первомъ полномъ изданіи «Евгенія Онѣгина» въ 1833 г., «Родословная» напечатана въ «Современникѣ», который издавался тогда самимъ Пушкинымъ, въ 1836 г., а пять первыхъ сценъ «Русалки» были написаны въ извѣстномъ намъ видѣ раньше этого года. Почему же Пушкинъ не издавалъ ихъ при жизни, хотя для выхода въ свѣтъ онѣ требовали сравнительно ничтожной обработки? Вѣроятно, потому, что онъ считалъ ихъ произведеніемъ не готовымъ, но недодѣланность его полагалъ не въ частностяхъ, а въ отсутствіи конца, надъ которымъ, можетъ быть, уже работалъ.

Если Пушкинъ думалъ объ окончаніи «Русалки», каковъ

долженъ быть ея конецъ по его мысли? Одинъ изъ критиковъ записи г. Зуева находить, что послѣдній поступокъ князя по этой записи, «прыжокъ въ Днѣпръ ничѣмъ не мотивированъ», и что, ужь если думать о какомъ концѣ этой драмы, «гораздо естественнѣе было бы (,) еслибы столь разсудительный во всемъ князь удалился отъ «грустныхъ береговъ» въ меланхолическомъ сознаніи (,) что «прошедшаго не воротишь» и что оставаться дольше въ обществѣ русалокъ уже не столь интересно». Какъ ни разсудителенъ князь (о чемъ впрочемъ будетъ говорено ниже), не даромъ есть у многихъ народовъ пословицы въ родѣ только-что приведенной французской, напр. нѣмецкая «alte Liebe rostet nicht», или, какъ выражается Преширнъ, вѣроятно, также на основаніи пословицы,

...stara ljubezen ne zarjaví,
Devetkrat se vrne, ponoví.

По поводу послѣднихъ словъ князя въ записи г. Зуева (ср. VII, ст. 36—38):

Нѣтъ, не разлучусь съ тобою!
Жить безъ тебя, безъ нашего ребенка
Не въ силахъ... Лучше смерть въ твоихъ объятыхъ!

тотъ-же критикъ замѣчаетъ, что «въ этомъ глубоко-реальномъ человѣкѣ» не можетъ возбуждать такихъ чувствъ «фантастическій ребенокъ», — какъ будто въ фантастическомъ произведеніи фантастическія существа имѣютъ для дѣйствующихъ лицъ изъ человѣческаго рода значеніе какихъ-то сонныхъ видѣній. Тамъ, гдѣ міръ реальный слить съ фантастическимъ въ одно цѣлое на равныхъ правахъ, нельзя прилагать исключительно мѣрку реального міра, какъ и человѣкъ, страдающій галлюцинаціями, относится къ дѣйствительной обстановкѣ и къ плодамъ своего больного воображенія совершенно одинаково. Но изъ чего явствуетъ «дешевая разсудительность» князя? изъ его размышлений о безуміи (ср. IV, ст. 74—83), причемъ онъ сравниваетъ безумнаго съ мертвецомъ? Князь — человѣкъ болѣе или менѣе

развитой и слѣдовательно — мыслящій, почему въ немъ, какъ замѣчаетъ критикъ, и «просвѣчиваютъ столь хорошо знакомыя черты Гамлета»; но сознательность не мѣшаетъ ему и чувствовать. Для того, чтобы сопоставленіе сумасшедшаго съ мертвымъ пришло князю въ голову, совсѣмъ не нужно преобладаніе разсудка надъ сердцемъ: вѣдь передъ самой встрѣчей съ мельникомъ онъ изъ запустѣнія его жилья заключилъ, что «видно, умеръ и старикъ» (ст. 23), а теперь онъ видитъ его живымъ, но помѣшаннымъ, и вотъ, помимо всякой наклонности къ отвлеченнымъ умозрѣніямъ, а чисто по отношенію къ вопросу о своей винѣ, обострившемуся при мысли о смерти осиротѣвшаго старика, на него находитъ страшное сомнѣніе, не еще-ли тяжеле послѣдствія его измѣны, чѣмъ онъ думалъ. Самое это разсужденіе, хотя идетъ послѣдовательно, какъ у человѣка, привыкшаго отдавать себѣ отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ, тѣмъ не менѣе проникнуто ужасомъ: при чтеніи этихъ стиховъ представляется блѣдное лице и широко открытые глаза съ неподвижнымъ взоромъ, прямо устремленнымъ во слѣдъ предмету этихъ горькихъ мыслей. Князь совсѣмъ не разсудочный человѣкъ, а безвольная жертва минутныхъ побужденій, впоследствии, подъ вліяніемъ прочтѣннѣшаго изъ нихъ, — почти монотанъ въ періодѣ меланхоліи, за которымъ долженъ послѣдовать періодъ мании; потому сначала онъ предается мрачнымъ мыслямъ, а затѣмъ ему предстоитъ перейти къ дѣйствіямъ, направленнымъ къ осуществленію захватившей его мечты. Что касается его характеристики въ нормальномъ состояніи, едва-ли можно было сказать, что «въ немъ есть кое-что родственное съ Донъ-Жуаномъ»: сколько мы знаемъ изъ драмы, на его совѣсти всего двѣ жертвы — далеко до mille tré. То, что съ нимъ случилось, можетъ случиться со всякимъ въ его положеніи: онъ полюбилъ дѣвушку низкаго происхожденія и состоянія, жениться на которой ему не позволяли общественныя условія, что и ей было извѣстно, а потомъ тѣ-же условія такъ или иначе заставили его взять себѣ жену изъ его-же круга, но, женившись, онъ впервые понялъ, какъ сильно

привязался къ своей прежней милой, и жена, отъ души его полюбившая, скоро ему опостылѣла. Другой на его мѣстѣ, можетъ быть, раньше оцѣнилъ бы силу своей привязанности къ прежней возлюбленной и рѣшился бы идти наперекоръ требованіямъ среды. Для такой рѣшимости у князя, повидимому, не доставало силы воли, а несвоевременность оцѣнки своей любви объясняется у него всего лучше его же словами, произнесенными уже въ отчаяніи отъ своей ошибки:

Я счастливъ былъ. Безумецъ!... И я могъ
Такъ вѣтрено отъ счастья отказаться!

Этотъ отказъ, какъ онъ ни преступенъ по тому вреду, которымъ онъ неизбежно грозилъ другому замѣшпанному въ немъ лицу, былъ самъ по себѣ просто легкомысленнымъ поступкомъ, не соображеннымъ съ послѣдствіями какъ для двухъ ни въ чемъ не повинныхъ женщинъ, такъ и для самого князя. Могъ ли князь броситься въ Днѣпръ? не только могъ, но даже былъ долженъ по условіямъ своего психическаго состоянія. Бѣлинскій такъ и говоритъ: «Какъ жаль, что эта піеса не кончена! Хотя ея конецъ и понятенъ: князь долженъ погибнуть, увлеченный русалками на дно Днѣпра» (ч. VIII, стр. 687). Таково мнѣніе и другого критика записи г. Зуева. Ожидать отъ Пушкина иного, совершенно своеобразнаго окончанія, какого не придумаетъ обыкновенный человѣкъ (это ожиданіе было высказано), значитъ считать гениальнаго художника свободнымъ отъ законовъ логики и даже чуть не вмѣнять ему въ обязанность нарушеніе ихъ. Нельзя ссылаться для поддержанія такого страннаго понятія о свойствахъ творчества великихъ поэтовъ на слова Пушкина въ письмѣ къ князю Вяземскому (1826 г.—VII, 180, № 170): «Твои стихи къ Мнимой Красавицѣ (ахъ, извини: Счастливицѣ) слишкомъ умны; а поэзія, прости Господи, должна быть глуповата»: вѣдь онъ тутъ-же, черезъ нѣсколько строкъ, прибавляетъ: «Я безъ твоихъ писемъ глупѣю; это нездорово, хоть я и поэтъ»; а еще важнѣе то, что его собственную поэзію ужъ ни-

какъ нельзя признать глуповатою. Пушкинъ хочетъ сказать только то, что въ поэзіи нельзя излагать мысль обстоятельно, послѣдовательно, равномерно, т. е. отвлеченно, какъ мысль, а слѣдуетъ представлять ее въ отдѣльныхъ, но существенныхъ чертахъ и соотвѣтствующихъ имъ образахъ, приводящихъ въ дѣйствіе воображеніе читателя и посредствомъ этой способности, а не ума, сообщающихъ его душѣ настроеніе самого поэта. Не будучи связанъ расчетами вѣжливости и вникая въ смыслъ своихъ словъ, Пушкинъ еще въ 1824 г. писалъ о важнѣйшемъ условіи поэтическаго творчества слѣдующее: «Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ спокойствіе — необходимое условіе прекраснаго» (V, 21). Въ геометріи нельзя обойтись безъ логики, хотя для крупныхъ открытій въ этой области бѣваетъ нужна логика не формальная, подвигающая мысль шагъ за шагомъ, а логика умозрительная, интуиція, подкрѣпляемая конструктивнымъ воображеніемъ, которое такъ-же создаетъ общіе, типическіе образы, какъ поэзія, съ тою лишь разницею, что образы первой формальны, второй — реальны, т. е. снабжены живымъ содержаніемъ. При такой работѣ воображенія прыжокъ въ сторону означаетъ прекращеніе творческаго момента, а произошелъ ли такой прыжокъ или нѣтъ, могутъ рѣшить и обыкновенные смертные, потому что созидаящая дѣятельность воображенія, какъ актъ въ основѣ логическій, допускаетъ провѣрку формальной логикой. Такимъ образомъ, если бы Пушкинъ, доведши похождения князя до встрѣчи съ Русалкой, заставилъ его не послѣдовать за нею, а сдѣлать что-нибудь иное, какъ бы хитро ни былъ придуманъ этотъ иной исходъ, мы должны были бы сказать, что въ этомъ мѣстѣ вдохновеніе смѣнилось умствованіемъ.

Помимо утопленія князя, каково должно быть содержаніе конца «Русалки»? Для установленія начала заключительной ея части у насъ есть матеріалы въ Пушкинской программѣ этой

драмы и въ «Янышѣ-королевичѣ». Послѣднія двѣ строки программы таковы:

Князь, старикъ, Русалочка.
Охотники.

Правда, охотники выступаютъ и въ концѣ третьей сцены, но только въ лицѣ ловчаго, и, что особенно важно, появленіе Русалочки не предшествуетъ разговору ловчаго съ княгиней, какъ и въ программѣ, а слѣдуетъ за нимъ, и даже не тотчасъ, а послѣ цѣлой четвертой сцены, существенной въ ходѣ драмы и упомянутой въ программѣ тамъ, гдѣ она находится и въ драмѣ.

Въ «Янышѣ-королевичѣ» за встрѣчей Яныша съ Водяницей, его «фантастической» дочкой, слѣдуетъ его свиданіе съ ея матерью, водяной царицей, его прежней возлюбленной, причемъ между ними происходитъ разговоръ, заканчивающійся, какъ и самая пѣсня, словами Яныша:

Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,
Противъ милой жена не утѣшитъ,

изъ которыхъ легко предвидѣть конечное послѣдствіе этого свиданія. Между эпической пѣсней «Янышѣ-королевичѣ» и драмой «Русалка», какъ и слѣдовало ожидать по условіямъ каждаго изъ этихъ двухъ родовъ поэзіи, есть въ этомъ мѣстѣ нѣкоторая разница: Водяница, насколько видно изъ пѣсни, приступаетъ къ Янышу случайно, только въ силу своей демонической природы, не зная, кто онъ такой, а Русалочка заговариваетъ съ княземъ по приказу матери, вполне ознакомленная напередъ съ положеніемъ дѣлъ; Янышъ проситъ свиданія у водяной царицы черезъ Водяницу, по видимому, безо всякаго участія со стороны ея матери, а князю, по крайней мѣрѣ, въ записи г. Зуева, Русалка является по призыву Русалочки для того, чтобы защитить его отъ своего отца. Во всемъ прочемъ сходство между пѣсней и драмой по содержанію полное, не исключая частныхъ мифическаго типа водяной царицы и Русалки съ ихъ дочерьми. Соединивъ данныя изъ обоихъ источниковъ, программы и «Яныша-королевича», мы

получимъ очерки сценъ шестой, седьмой и осьмой, извѣстныхъ (кромѣ начала шестой) только по тексту г. Зуева. Такимъ образомъ безо всякой опоры въ источникахъ остается лишь девятая, — послѣдняя сцена этой записи, если не безусловно необходимая, то и не излишняя, потому что отвѣчаетъ на совершенно естественный запросъ читателя, что случилось со второю жертвой князя, а ея трагическій конецъ въ свою очередь устраняетъ возможныя сомнѣнiя въ томъ, точно-ли можно ее назвать его жертвой, что для драмы имѣетъ свою важность. Но если существованiе этой сцены въ Пушкинскомъ планѣ «Русалки» не можетъ быть установлено путемъ внѣшнихъ доказательствъ, оно является вполне вѣроятнымъ на основанiи слѣдующаго соображенiя: девятая сцена представляетъ то самое событiе, которое подготавливается осьмой, а осьмая значитъ въ Пушкинской программѣ.

Но, даже допустивъ, что событiя конца «Русалки» были именно таковы, какiя представляются намъ въ записи г. Зуева, все-таки можно отчасти согласиться съ однимъ изъ критиковъ, что она даетъ «мало новаго по содержанiю и по расположенiю сравнительно съ началомъ драмы». Да, сравнительно съ началомъ; но вѣдь это начало содержитъ въ себѣ 497 стиховъ, а эти стихи — завязка и развитiе дѣйствiя, тогда какъ текстъ г. Зуева состоитъ изъ 228 стиховъ, заключающихъ въ себѣ одну развязку. Уже съ точки зрѣнiя количества въ двухъ третяхъ чего-либо умѣщается больше, нежели въ одной трети; но и въ качественномъ отношенiи послѣдняя треть драмы отличается отъ первыхъ двухъ: онѣ по своей сущности богаче событiями, чѣмъ послѣдняя, потому въ нихъ сосредоточиваются событiя, создающiя нужное для драмы положенiе вещей, и тѣ, которыя вытекаютъ изъ этого положенiя и осложняютъ его до кризиса, а содержанiемъ третьей части служить, говоря строго, лишь то событiе, которое представляетъ собою конечный результатъ всѣхъ предыдущихъ и выражаетъ собой самый кризисъ. Выстрѣлъ короче и бѣднѣе приемами, чѣмъ заряжанiе со

слѣдующимъ за нимъ прищѣливаніемъ. При оцѣнкѣ богатства или бѣдности содержанія не должно упускать изъ виду и моментъ субъективно-психическій: то, чего мы ожидаемъ, производитъ на насъ меньшее впечатлѣніе. А вѣдь чѣмъ логичнѣе построена драма, тѣмъ легче предвидится ея развязка, и, если она даже въ такихъ условіяхъ потрясаетъ насъ, то это ужь особая заслуга художника, умѣвшаго не только убѣдительно обосновать ее, но и жизненно обставить. Въ развязкѣ «Русалки» главное, центральное событіе есть самоубійство князя, а критикъ, о которомъ идетъ рѣчь, по ходу драмы предвидѣлъ это событіе и потому, можетъ быть, и не принялъ его въ расчетъ, какъ разумѣющееся само собою. И въ самомъ дѣлѣ: запись г. Зуева изображаетъ смерть героя такъ коротко, какъ только возможно (сказать къ слову: совѣмъ по-Пушкински): князь, произнесши два съ половиной стиха, бросается въ воду — и сценѣ конецъ. Слѣдующія двѣ сцены можно считать прибавочными, а какъ таковыя и вмѣстѣ какъ послѣднія, онѣ, по всей вѣроятности, были въ 1836 г. отдѣланы менѣе, чѣмъ предыдущія, надъ которыми Пушкинъ успѣлъ уже нѣсколько поработать. Принявъ такое предположеніе, мы безъ труда примирились бы съ нѣкоторыми недостатками въ этихъ сценахъ, даже если бы ихъ подлинность была поставлена внѣ всякаго сомнѣнія.

Что касается замѣчанія критика, что въ рѣчахъ шестой, седьмой и восьмой сценъ передается много извѣстнаго намъ изъ первой сцены, то, хотя эти повторенія довольно невинны, все-таки возможно допустить, что поэтъ въ первомъ наброскѣ этой части *n'a pas eu le temps d'être bref*, какъ выразился Кювье, но это относится лишь къ шестой и къ восьмой сценѣ, а никакъ не къ седьмой, гдѣ Русалка объясняетъ князю свои чувства къ нему, послѣ чего онъ бросается въ Днѣпръ. Впрочемъ отмѣченное критикомъ сходство записанной г. Зуевымъ части съ безспорно Пушкинскою со стороны расположенія едва-ли можно объяснить недодѣланностью конца; но въ чемъ состоитъ это сходство? кажется, только въ томъ, что и тамъ и здѣсь передъ княземъ вне-

запно является сумасшедшій мельникъ, потомъ русалки поютъ въ началѣ сцены и княгиня разговариваетъ съ мамкой. Но въ первомъ случаѣ встрѣча тѣхъ-же дѣйствующихъ лицъ имѣетъ совершенно различный смыслъ для хода драмы, въ третьемъ ничего нѣтъ естественнѣе совѣщанія женщины, почти не выходящей изъ терема, именно съ мамкой, самымъ близкимъ ей и самымъ почтеннымъ лицомъ изъ ея штата, во второмъ сходство несомнѣнно, но нельзя не видѣть здѣсь художественнаго приѣма, состоящаго въ томъ, что передъ явленіемъ чего-либо ужаснаго или таинственнаго читатель или, какъ предполагается въ драмѣ, зритель приводится въ соответствующее настроеніе пѣніемъ сверхъестественныхъ существъ. Что касается повторенія отдѣльных выраженій и мѣстъ изъ прежде извѣстнаго текста въ томъ, который записанъ г. Зуевымъ, то вообще слѣдуетъ замѣтить, что самоподражаніе у Пушкина — не рѣдкость. Вотъ примѣры:

Леда (1814).

Розы-дѣвы красоты (I, 21).

Безъ заливія (1820).

О дѣва-роза, я въ оковахъ (I, 224).

Циркъ во время чумы (1830).

И дѣвы-розы пьемъ дыханье (III, 230).

Пирующие студенты (1814).

Нѣтъ нужды, что нескладно (I, 33).

Борисъ Годуновъ сц. X (1825).

Нѣтъ нужды, князь (III, 30).

Домикъ въ Коломнѣ XXII
(1830).

Нѣтъ нужды вновь бесѣдовать о томъ
(III, 159).

Евгеній Онѣгинъ гл. 6 XXI
(1831).

Въ глубокой мглѣ таится онъ.
Нѣтъ нужды.

Анджело ч. 3 II (1833).

Пускай себѣ молвы неправо обвиненье,
Нѣтъ нужды (III, 591) ⁶⁸).

*Родословная моего героя IV
(1833).*

И нужды нѣтъ вамъ никакой
До вашей книги родовой (549).

Къ Батюшкову (1814).

Визжать заставилъ Мельпомену (36).

Графъ Нулинъ (1825).

То графа онъ визжать заставить
(III, 95).

Тамъ-же.

Играй: тебя младой Назонъ,
Эротъ и Граціи вѣнчали (37) ⁶⁹).

Къ Жуковскому (1817).

Крылатымъ Геніемъ и Граціей вѣн-
чанный (I, 163).

Къ Овидію (1821).

Напрасно Граціи стихи твои вѣнчали
(258).

Адему (1822).

Хариты, Лель
Тебя вѣнчали (281).

«Кто знаетъ край» (1827).

И ты, Харитою вѣнчанный (II, 26).

Городокъ (1814).

Хвала вамъ, чада славы (45).

Борисъ Годуновъ сц. X (1825).

Хвала и честь тебѣ, свободы чадо!
(III, 38).

Тамъ-же.

И въ грусти томный духъ
Находитъ наслажденье (49).

Мечтателю (1818).

Ты въ страсти горестной находишь
наслажденье (I, 192).

---

68) Ср. *Евгений Онегинъ* гл. 2, II:

» Въ томъ нужды было очень мало.

69) Ср. *А. А. Шамкову* (1816): Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой (154).

Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ Русланъ и Людмила п. 6
(1815). (1820?).

На лонѣ мира и отрадѣ (54).

Безмолвная на лонѣ мира (II, 269).

Сраженный рыцарь (1815).

Безъ названія (1820).

Лѣнливой грядою идутъ облака (91) ⁷⁰⁾

Рѣдѣеть облаковъ летучая гряда (I,
225).

Тамъ-же.

«Ночной зефиръ» (1824).

Межъ ними луна золотая ⁷¹⁾.

Вотъ взошла луна златая (307).

Мое завѣщаніе (1815).

Элегія «Я думалъ что любовь»
(1816).

Воспѣвший Вакха и Темиру (93).

Хотѣлъ еще воспѣтъ прелестницъ мо-
лодыхъ,
Веселье, Вакха и Дельфиру (I, 143).

Посланіе къ Юдину (1815).

Русланъ и Людмила п. 1 (1817).

Зерцаломъ водѣ отражена (98).

Зерцаломъ водѣ отражены (II, 225).

Тамъ-же.

Русалка (1819).

Съ смиреннымъ заступомъ въ рукахъ.

Уже лопаткою смиренной
Себѣ могилу старецъ рылъ (203).

Тамъ-же.

Цыганы (1824).

Сосѣди шумною толпою (99).

Цыганы шумною толпой (II, 347) ⁷²⁾.

Тамъ-же.

Сказалъ — и шумною толпой
Поднялся таборъ кочевой (363).

---

70) Ср. *Аквилона* (1824):

Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводѣ неба глухо облекался (I, 305).

71) Ср. *Колна* (1814):

Восходитъ мѣсяцъ золотой (I, 14).

72) Ср. *тамъ-же*:

Цыганы мирною толпой (353).

Тамъ-же.

Евгеній Онтыинъ гл. 3 XXXIX
(1824).

Прелестной сельской простоты (100).

Затѣя сельской остроты (III, 300).

*Къ барон. Марья Антоновна
Дельвицъ* (1815).

Фавнъ и пастушка IX (1816).

Не возвратить уже того, что было (105).

Что было — то прошло (I, 116).

Евгеній Онтыинъ гл. 4 III
(1824).

Что было, то прошло, то вздоръ.

Желаніе. В. Л. Пушкинъ (1816).

Евгеній Онтыинъ гл. 3 II
(1824).

А съ нимъ побольше серебра
И золота, et caetera (121).

И слезъ, и риемъ, et caetera?

Графъ Нуминъ (1825).

Et caetera, et caetera (II, 89).

Евгеній Онтыинъ гл. 7 XXXI
(1828?).

Горшки, тазы et caetera.

Тамъ-же.

Евгеній Онтыинъ гл. 8 XXIV
(1830).

То есть и хладно, и темно,
Что очень стыдно и грѣшно (122).

Отмѣнно тонко и умно,
Что нынче нѣсколько смѣшно.

Сонъ (1816).

Цыганы (1824).

И въ долгу ночь глубока вашъ будетъ
сонъ (134).

Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ
(II, 350).

Тамъ-же.

Платонизмъ (1820).

Обвинетъ васъ и тихую рукою
На мягкій мохъ преклонить, осѣнить
(135).

И гонитъ тихую рукою
И сны, внушенные Кипридой,
И сладкій, дѣвственный покой (I, 218).

Кавказскій плѣнникъ ч. 1 (1821).

Подносить тихою рукой (II, 281).

Тамъ-же ч. 2.

И плѣнникъ, тихою рукою

Поднявъ несчастную, сказалъ (292).

Желаніе (1816).

Цыганъ.

Пускай умру, но пусть умру — любя Умираю любя (II, 354).
(140) ⁷³.

Тамъ-же.

Умру любя (362).

Разлука (1816).

Подражаніе (1816).

Души моей холодный мракъ освѣтитъ Ничтожества холодный мракъ освѣ-
(141). тить (I, 151).

*«Любовь одна веселье жизни
хладной»* (1816). *Отрывки изъ поэмы 4* (1823).

Стократъ блаженъ, кто въ юности Когда же мы поймали на лету
прелестной Крылатый мигъ небесныхъ упоеній
Сей быстрый мигъ поймаешь на лету, И къ радостямъ на ложе наслажденій
Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной И къ радостямъ на ложе наслажденій
Стыдливую преклонить красоту! (149). Стыдливую склонили красоту (II, 343).

---

73) Ср. Карамзина «Отставка»:

Люблю, люблю, и пусть умру — любя

(примѣч. г. Морозова тамъ-же).

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ подражанія или заимствованія.

Къ Дельвину (1815):

ср. Дмитриева «Чужой толкъ»:

И плодъ уединенья

И оду ужъ его тисненю предають.

Тисненю предають (I, 89)

Русланъ и Людмила п. 4 (1819?):

ср. Державина «Вельможа» строфа 17:

онъ лежитъ

ты спишь,

И въ сладострастной нѣгѣ дре-
млетъ (II, 246)

Иль только въ сладкой нѣгѣ дре-
млеть.

Тамъ-же.

Русланъ и Людмила п. 6 (1820).

Прервется ли души холодный сонъ
(150) 74). Но князя крѣпокъ хладный сонъ
(II, 265).

Бахчисарайскій фонтанъ (1822).

Почіють мощи хладнымъ сномъ (II,
328).

Къ морю (1824).

Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспомянѣнья велчавы (I, 304).

Поэтъ (1827).

Душа вкушаетъ хладный сонъ (II, 21).

Тамъ-же.

Дельвигу (1817).

И слабый даръ какъ легкій скрылся
дымъ (151) Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ
(I, 167).

Добрый советъ (1817).

Когда же юность легкимъ дымомъ
Учить веселость юныхъ дней (176) 75).

Сожженное письмо (1825).

легкій дымъ,
Віясъ, теряется съ моленіемъ моимъ
(344).

Вадимъ (1822):

Товарищамъ минувшихъ лѣтъ
(II, 317).

ср. Давыдова «Старые гусары»:

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ — ?

Евгеній Онегинъ 6, XI:

И вотъ общественное мнѣнье! —
стихъ изъ «Горя отъ ума».

74) Такъ какъ Пушкинъ въ имен. пад. ед. ч. прилагательныхъ писалъ обыкновенно *-ой*, а не *-ый*, можно, кажется, сомнѣваться, къ которому изъ двухъ существительныхъ относится здѣсь прилагательное. Во всякомъ случаѣ для сравненія остаются мѣста въ правомъ столбцѣ, съ которыми сходно «Къ ней» (1817):

Въ дремоту хладную неволью погружался (I, 181).

75) Ужели такъ? Смыслъ требуетъ чего-нибудь въ родѣ «время», а не того понятія, которое къ тому-же выражено прилагательнымъ одного съ нимъ происхожденія.

Пробужденіе (1816).

Мечты, мечты!
Гдѣ ваша сладость? (152).

А. А. Шишкову (1816).

Веселье рѣзвое и Нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель
(154).

Къ Жуковскому (1817).

Гоненія терпѣть ужель и мой удѣлъ?
Что нужды? (166) 77).

Дельвигу (1817).

Но гдѣ же вы, минуты упоенья? (167).

Евгеній Онтимъ гл. 6 XLIV
(1826).

Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость? 76).

Адели (1822).

Хариты, Лель
Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали (281).

Къ О. Ф. Юрьеву (1818).

Ты наслаждаешься; что нужды? (I, 87),

«*Мнѣ васъ не жаль, года весны
моей*» (1820).

Но гдѣ же вы, минуты умиленья (230).

Евгеній Онтимъ гл. I XI.

Ловить минуту умиленья (III, 239).

Первое посланіе цензору (1824).

И Пушкина стихи въ печати не бы-
вали —
Что нужды? (I, 317).

Цыганы (1824 — стихи, не во-
шедшіе въ поэму).

Отъ общества, быть можетъ, я
Отъемлю нынѣ гражданина.
Что нужды? (II, 365).

---

76) Воспоминаніе несомнѣнное, но неточное: слѣдуетъ стихъ
Гдѣ вѣчная къ ней риема, *младость?*

а въ *Пробужденіи* —

Гдѣ ты, гдѣ ты,
Ночная радость?

77) Ср. *Программа комедіи 1821 г.*:

Какая нужда въ томъ? (II, 312).

Евгеній Онѣгинъ гл. 3 XXXV
(1824).

Что нужды мнѣ въ твоемъ умѣ?

Черновикъ посланія Дельвину
(1817).

Черепъ (1827).

Восторженный, поетъ на лирѣ золотой
(II, 161 Анн., ср. I, 167 Мор.)⁷⁸).

Въ очкахъ и съ лирой золотой (II, 17).

Посланіе В. А. Пушкину.
(1817).

Ода его сіятельству графу
Дм. Ив. Хвостову (1824).

Гремить правдивая хвала (175).

Гремѣла и правдива лесть (I, 330).

Русланъ и Людмила п. 1 (1817).

Безъ названія (1830).

Ужъ я забылъ отчизны дальней
Угрюмый край (II, 210).

Для береговъ отчизны дальней
Ты покидала край чужой (II, 119).

Тамъ-же.

Въ альбомѣ Ив. Ив. Пушкину
(1817).

Что было и что будетъ вновь (215).

Что было и не будетъ вновь (178).

Цыганы (1824).

Что было, то не будетъ вновь (II, 359).

Безъ названія (1828).

Я говорилъ: тому, что было,
Ужъ не бывать, ужъ не бывать (II, 40).

Къ Чаадаеву (1818).

Чаадаеву (1827).

Напишетъ наши имена (I, 190).

Пишу я наши имена (226).

Русланъ и Людмила п. 2 (1818).

Русланъ и Людмила п. 5 (1819).

Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ (II, 223)⁷⁹).

Ужъ видно чудо изъ чудесъ (II, 257).

---

78) Ср. *Воспоминанія въ Царскомъ селѣ* (1815):
Взгреми на арфѣ золотой (57).

79) Ср. *Царь Никита* (1822):
Ножки—чудо! (II, 340).

- Тамъ-же* п. 3 (1818). *Домикъ въ Коломнѣ* XVIII
(1830).
Я ѣду, ѣду, не свищу,
А какъ наѣду, не спущу (II, 287).
На критиковъ я ѣду, не свищу,
Какъ древній богатырь — а какъ на-
ѣду...
Что-жь? Поклонюсь и приглашу къ
обѣду (III, 158).
- Русалка* (1819). *Русланъ и Людмила* п. 5 (1819).
Поникшей хижины своей (I, 203).
Стоялъ поникшей хаты кровъ (II, 258).
- Деревня* (1819). *Отрывокъ «Недвижный стражъ
дремалъ»* (1823).
И рабство, падшее по манію Царя
(206)⁸⁰. мученіемъ покоя
Въ моряхъ казненнаго по манію царей
(I, 297).
- Домовому* (1819). *Евгеній Оньминъ* I VIII (1822).
Луга, измятые моею бродящей лѣнью
(207). Что занимало дѣлный день
Его тоскующую лѣнь.
- Тамъ-же* гл. 7 XLIV (1828).
Представить бабушкамъ и дѣдамъ
Ея разсѣянную лѣнь.
- Недоконченная картина* (1819). *Къ А. П. Кернъ* (1825).
Сіи небесныя черты (207).
Твои небесныя черты (I, 351).
- «Кто знаетъ край»* (1827).
Ея небесныя черты (II, 26).
- Къ А. М. Горчакову «Ужъ я не
тотъ»* (1819). *Кавказскій плытникъ* п. 2
(1821).
И ты поймешь души моей страданья
Понятны мнѣ твои страданья (II, 291).
(212).
- Русланъ и Людмила* п. 4 (1819). *Полтава* п. 2 (1828).
Разостланъ роскошью коверъ (II, 245).
Соблазномъ посланное ложе (III, 122).

---

80) Ср. *Борисъ Годуновъ* сц. VIII:
По манію Бориса убіенный (III, 26)

Тамъ-же.

Кавказскій Пльнникъ ч. 2
(1821).

Лобзаньемъ страстнымъ и нѣмымъ Тебя лобзалъ нѣмымъ лобзаньемъ
(247). (II, 288).

Тамъ-же.

Безъ названія (1822).

Сорвать сей нѣжный тайный цвѣтъ Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный
(250, по изд. 1820 г.). И ваши тайные цвѣты,
О вы, поэзіи прелестной
Благословенныя мечты! (I, 271) 81).

Тамъ-же.

Вадимъ (1822).

О, страшный видъ (250). Онъ входитъ... Что-же? Страшный
видъ (II, 318).

Тамъ-же п. 5 (1819).

Кавказскій Пльнникъ ч. 2.

Все мертво (254). Все мертво (295).

Вадимъ.

Все мертво (318).

Тамъ-же.

Евгеній Онгвинъ гл. 5 XI (1825).

И снится вѣщій сонъ герою: И снится чудный сонъ Татьянѣ:
Онъ видитъ, будто-бы княжна Ей снится, будто бы она
Надъ страшной бездны глубиною Идетъ по свѣговой полянѣ,
Стоить, недвижна и блѣдна (262). Печальной мглой окружена.

---

81) Ср. вторую приписку къ *Кавказскому пльннику*, напечатанную по черновой и, очевидно, неполной или неразборчивой рукописи:

О вы, которыя любили
Парнаса тайныя [мечты]
И вольной младости цвѣты
Вниманьемъ сладкимъ наградили (II, 298),

гдѣ аналогія указаннаго въ текстѣ стихотворенія, приблизительно современнаго этой припискѣ, и стиха въ X сценѣ *Бориса Годунова*:

И я люблю Парнасскіе цвѣты (III, 40).

требуетъ обратнаго расположенія словъ «мечты» и «цвѣты». Женскій родъ «тайныя» едва-ли тому препятствуетъ, такъ какъ и «которыя» не можетъ быть вѣрно: дальнѣйшее—

Спасите трудъ небрежный мой
Отъ рукъ невѣжества слѣпого,
Отъ взоровъ зависти косою—

относится во всякомъ случаѣ не къ однимъ женщинамъ.

Платонизм (1820).

Евгеній Онгинъ гл. 4 XXIII
(1825).

И сладкій, дѣвственный покой (I, 218). Улыбка, дѣвственный покой. 82)

«*Погасло дневное светило*»
(1820).

«*Рядътея облаковъ летучая*
уряда» (1820).

И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что
сердцу мило (222). Надъ мирною страной, гдѣ все для
сердца мило (I, 225).

Дочери Карагеорія (1820).

Война (1821).

Какъ часто, возбудивъ свирѣпой мести
жаръ (227). Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ
героевъ (257).

Дѣва (1821).

Кавказскій Путьникъ ч. 2
(1821).

Я зналъ: она сердца влечетъ невольной
силой (234). Непостижимой, чудной силой
Къ тебѣ я вся привлечена (II, 289).

Отвѣтъ анониму (1830).

Ударить по сердцамъ съ невѣдомою
силой (98).

Русалка сц. IV (1833?).

Меня влечетъ невѣдомая сила (III, 473).

Молитва (1836).

И падшаго свѣжить невѣдомою силой
(II, 188).

---

82) Какъ ни странно соединеніе въ мысляхъ поэта двухъ такихъ мѣстъ,—
можетъ быть, безсознательное, что впрочемъ мало вѣроятно при его извѣстной
памяти, еще страннѣе несомнѣнное сходство этого описанія Татьяниной тоски
съ эпизодомъ той неприличной поэмы (1823), которая существуетъ только въ
спискахъ и въ заграничномъ изданіи. Вотъ эти двѣ картины, раздѣленные
промежуткомъ всего года въ два:

Отрывки изъ поэмы 6.

И услаждать безмолвные часы
Безсонницы, дѣвическую муку...
Но молодость утрачена твоя:
Отъ блѣдныхъ устъ улыбка отлетѣла,
Твоя краса во цвѣтѣ помертвѣла
(II, 344).

Евгеній Онгинъ 4 XXIII.

Ея постели сонъ бѣжить;
Здоровье, жизни цвѣтъ и сладость,
Улыбка, дѣвственный покой,
Пропало все, что звукъ пустой,
И меркнетъ милой Тани младость.

Тамъ-же.

И, очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ.

Желаніе (1821).

Приду-ли вновь, поклонникъ Музъ и
мира,

Забывъ молву и жизни суеты,
На берегахъ веселаго Салгира
Воспоминать души моей мечты? (236).

*Элеія «Я пережилъ свои
желанья»* (1821).

Плоды сердечной пустоты (238).

Чаадаеву (1821).

Твой жаръ воспламенялъ къ высокому
любовь (242).

*«Наперсница волшебной
старинъ»* (1821).

Младенчество прошло, какъ легкій
сонъ (246).

Ник. Степ. Алексѣеву (1821).

Мои ревнивыя мечты (248).

Наполеонъ (1821).

Въдой шумѣли знамена (252).

Кавказскій Пльнникъ ч. 2.

Молчу, не вижу, не внимаю (II, 290).

Бахчисарайскій фонтанъ (1822).

Поклонникъ Музъ, поклонникъ мира,

Забывъ и славу, и любовь,
О, скоро васъ увижу вновь,
Брега веселые Салгира! (II, 336—337).

Къ моей чернильницѣ (1821).

Минуты хладной скуки,
Сердечной пустоты (I, 245).
Евгеній Оньминъ гл. 3 X (1824).
Плоды сердечной полноты.

Война (1821).

Священный сердца жаръ, къ высокому
стремленью (I, 257).

Пророкъ (1826).

Перстами легкими, какъ сонъ (II, 2).

Полтава п. 2 (1828).

и слышитъ
Сквозь легкій сонъ (III, 133).

Грециантъ (1822).

Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, мечты ревни-
вой

Питать я пламя не хочу (I, 280).

Элеія (1823).

Простишь-ли мнѣ ревнивыя мечты?
(340).

Цыганы (1824).

Гдѣ старый нашъ орелъ двуглавою
Еще шумитъ минувшей славой (II, 364).

Къ Овидію (1821).

Златой Италіи роскошный гражданинъ
(258) 83).

Подражаніе Пьсни Пьсней
(1821).

Въ крови горитъ огонь желанья (260).

Кавказскій плынный ч. I.
(1821).

И пьсни Грузіи счастливой (II, 282).

Тамъ-же.

Все тотъ-же онъ, все тотъ-же видъ,
Непобѣдимый, непреклонный (284).

Тамъ-же.

Таилъ въ молчанѣ онъ глубококомъ
Движенья сердца своего,
И на челѣ его высококомъ
Не измѣнялось ничего (288) 85).

Набросокъ (1829).

Критонъ, роскошный гражданинъ
Очаровательныхъ Азинъ (84).

Опримникъ (1828).

Въ его груди кипитъ желанье (II, 48).

«Не пой, красавица, при мнѣ»
(1828).

Ты пьсенъ Грузіи печальной (II, 34) 84).

Цыганы (1824).

Все тотъ-же онъ, семья все та-же (II,
353).

Борисъ Годуновъ сц. V (1825).

Все тотъ-же видъ, смиренный, велича-
вый (III, 10).

Тамъ-же.

Ни на челѣ высококомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ.

---

83) Ср. *Путешествіе Олѣгина* 10:

Языкъ Италіи златой (III, 409).

84) Съ противорѣчіемъ между этими двумя эпитетами Грузіи любопытно сблизить примѣчаніе Пушкина (7) къ выписанному здѣсь стиху *Кавказскаго плынного*: «Счастливый климатъ Грузіи не вознаграждаетъ сей прелестной страны за всѣ бѣдствія, вѣчно ею претерпѣваемыя» и т. д. Возможно, что въ 1828 г. ему припомнилось именно это примѣчаніе.

85) Отсюда Лермонтовъ, *Демонъ* ч. 1-я III, конецъ:

И на челѣ его высококомъ
Не отразилось ничего.

Тамъ-же I:

И лучшихъ дней воспоминанья
изъ второй пьсни *Кавказскаго плынного*:
Воспомянья прошлыхъ дней (II, 289)

и т. п.

Тамъ-же ч. 2.

«*Я васъ любилъ*» (1829).

Когда такъ медленно, такъ нѣжно (290). Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно (II, 63).

Тамъ-же.

Бахчисарайскій фонтанъ.

И дикіе питомцы брани
Рѣкою хлынули съ холмовъ (293).

Тѣмы Татаръ
На Польшу хлынули рѣкою (327).

*Вторая притиска къ «Кавказ-
скому плынику».*

Евгеній Онѣгинъ гл. 3 послѣ
XXIV (1824).

О вы, которыя любили (293).

О вы, которыя любили.

Братья—разбойники (1821).

Евгеній Онѣгинъ гл. 7 LIII
(1828).

Мнѣ душно здѣсь (304).

Ей душно здѣсь.

Тамъ-же.

Цыганы (1824).

Шумъ, крикъ (308).

Крикъ, шумъ (II, 349).

Борисъ Годуновъ сц. V.

Крикъ, шумъ (III, 14).

Друзьямъ (1822).

*Разговоръ книгопродавца съ
поэтомъ* (1824).

При кликахъ юности безумной (I, 272)⁸⁶.

Утѣхи юности безумной (I, 312).

Борисъ Годуновъ сц. V (1825).

Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ (III, 11).

Стансы (1829).

Сижу-ль межъ юношей безумныхъ (II,
77).

Набросокъ (1822).

Набросокъ (1827).

Яговорилъ предъ холодной толпой (287).

Толпа холодная поэта окружаетъ (II,
27).

---

86) Ср. *Элегію* 1830 г.:

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье (II, 101).

Евгеній Онгвинъ 7 I (1828).

Гдѣ машетъ мантией мишурной
Она предъ хладною толпой.

Къ А. П. Кернъ (1829).

Одинъ, среди толпы холодной (II, 64).

Поэту (1830).

Услышишь смѣхъ глушца и смѣхъ.
толпы холодной (95).

Отвѣтъ анониму (1830).

Холодная толпа взираетъ на поэта (98).

*Набросокъ «Какъ наше сердце
своеюравно!»* (1822).

Играть душой моею покорной,
Въ нее вливать огонь и ядъ (289).

Демонъ (1823).

Вливали въ душу хладный ядъ (I, 292).

Евгеній Онгвинъ гл. 1 XXXI
(1822).

Когда-жъ и гдѣ, въ какой пустынь,
Безумецъ, ихъ забудешь ты?

Цѣтнокъ (1828).

Гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною?
(II, 35).

Вадимъ трагедія (1822).

Какъ иноземный гость, невѣдомый ни-
къмъ (II, 314).

Эпиграмма (1828).

Невѣдомскій — поэтъ, невѣдомый ни-
къмъ (II, 58).

Бахчисарайскій фонтанъ
(1822).

Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила (322).

Полтава п. 2 (1828).

Вокругъ высокаго чела,
Какъ тучи, локоны чернятъ (III, 109).

Тамъ-же.

Чей страстный поцѣлуй живѣй
Твоихъ язвительныхъ лобзаній?

«Нѣтъ я не дорожу» (1832).

Порывомъ пылкихъ ласкъ и язвою
лобзаній (II, 136).

«Ненастный день потухъ»
(1823).

Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она
(295).

Евгеній Онгвинъ гл. 7 IV
(1827).

Вотъ время: добрые лѣнницы.

Демонъ (1823).

Всѣ впечатлѣнья бытія (292).

Ночь (1823).

мой стихи, сливаясь и журча,
Текутъ, ручьи любви, текутъ полны
тобою (I, 296).

Отрывокъ изъ поэмы 6 (1823).

Простишь-ли мнѣ мои воспоминанья,
Мои грѣхи—? (II, 344).

Иностранка (1824 май).

Вѣрю только сердцу моему (I, 302).

*Разговоръ книгопродавца съ
поэтомъ* (1824).

Тамъ слаще голосъ мой звучалъ (310).

Тамъ-же.

Что слава? (311 и 314).

Цыганы.

Толпа валить въ пустыхъ равнинахъ
(II, 349) 87).

*Набросокъ «Критонъ, роскошный
гражданинъ»* (1829).

Всѣмъ упоеньямъ бытія (II, 84).

Андрей Шенье (1825).

и стиховъ журчанье излилось
(I, 340).

Элегія (1823).

Простишь- ли мнѣ ревнивыя мечты,
Моей любви безумное волненье? (I, 294)

Цыганы (1824 октябрь).

Ахъ, я не вѣрю ничему:
Ни снамъ, ни сладкимъ увѣреньямъ,
Ни даже сердцу твоему (II, 357).

Пиръ во время чумы (1830).

Мой голосъ слаще былъ въ то время
(III, 228).

Цыганы (1824).

Скажи мнѣ: что такое слава? (II, 253).

*Н. Н. При посылкѣ ей Невскаго
Альманаха* (1825).

Что слава міра? (I, 363).

Евгеній Онггинъ гл. 5 XXXV
(1826).

Толпа въ гостиную валить.

---

87) Ср. *Русланъ и Людмила* п. 6 (1820):

Въ волненъ радостномъ народъ
Валить за всадникомъ, тѣснится (II, 266).

Тамъ-же.

Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
Люби одна, не измѣнись!
Утѣшься!... (357).

Тамъ-же.

Еще одно, одно лобзанье! (360).

Андрей Шенье (1825).

Заутра казнь (I, 338 и 339).

Тамъ-же.

Я скоро весь умру (339).

Тамъ-же.

Ты, слово, звукъ пустой (341).

Борисъ Годуновъ сц. VI (1825).

Все ворожить, что красная невѣста
(III, 16).

Тамъ-же сц. XIX.

Назавтра бой (64).

Графъ Нулинъ (1825).

Нѣтъ, право? (90).

Черепъ (1827).

И вотъ визжитъ замокъ заржавый (II,
19).

Поэтъ (1827).

Въ заботахъ суетнаго свѣта (21).

Герой (1830).

(Поэтъ).

Оставь герою сердце! Что-же
Онъ будетъ безъ него? тиранъ!

(Другъ).

Утѣшься... (II, 128).

Борисъ Годуновъ сц. V.

Еще одно, послѣднее сказанье! (III, 9
и 10).

Полтава п. 2.

Заутра казнь (III, 128).

*«Я памятникъ себѣ воздвигъ
нерукотворный» (1836).*

Нѣтъ! весь я не умру (II, 189).

Евгеній Онегинъ гл. 4 XXIII
(1825).

Пропало все, что звукъ пустой.

Женихъ (1825).

Невѣста красная моя (III, 100).

Полтава п. 3.

Заутра бой (III, 140).

Анджело ч. 1 VIII (1833).

Нѣтъ, право? (578).

Полтава п. 2.

Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ (III, 128).

Къ ***. Сонетъ (1830).

Когда, вдали отъ суетнаго свѣта (II, 97).

Набросокъ «Толта холодная»
(1827).

И звучной лирою разсѣянно бряцать
(27).

Чернь (1828).

Поэтъ на лирѣ вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцаль (II, 49) ⁸⁸).

Альбомъ Оныина 8 (1827?).

Морозъ и солнце: чудный день! (III,
417).

Зимнее утро (1829).

Морозъ и солнце—день чудесный! (II,
74).

Полтава п. 1 (1828).

Была та смутная пора (III, 112).

Мѣдный всадникъ. Вступление
(1833).

Была ужасная пора (III, 561).

Тамъ-же.

Но отъ нея сохранена
Еще убійственная тайна (123).

Каменный гость сп. VI (1830).

Ужасную, убійственную тайну (III, 218).

Изъ путешествія Оныина.
Таврида—Одесса (1828?).

Мой идеалъ теперь—хозяйка,
Мои желанія—покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой
(III, 409).

Мѣдный всадникъ п. 1. Выкину-
тое мѣсто (1833).

Кровать, два стула, щей горшокъ,
Да самъ большой—чего мнѣ болѣ? (III,
563).

Обвалъ (1829).

И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ (II, 71) ⁸⁹).

Осень (1830).

И мглой волнистою покрыты небеса
(103).

Воспоминанье въ Царскомъ Селѣ
(1829).

И славою мраморной, и мѣдными хва-
лами
Екатерининныхъ орловъ (76) ⁹⁰).

Къ тѣни полководца (1831).

Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ (128).

---

88) Ср. оба эти мѣста цѣликомъ.

89) Ср. *Зимняя дорога* (1826):

Сквозь волнистые туманы(II, 5).

90) Ср. *Н. С. Мордвинову* (1825):

Единый изъ сѣдыхъ орловъ Екатерины (364).

Галубъ (1829—1833).

Дворъ половъ тѣсною толпой (III, 539).

Тамъ-же.

Могучимъ мстителемъ обидъ (541).

Поэту (1830).

Дорогою свободной

Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ

думъ,

Не требуя награды за подвигъ благо-
родный.

Онъ въ самомъ тебѣ (II, 95).

Каменный гость (1830).

Милое созданье! (III, 221).

Домикъ въ Коломнѣ XXXIII
(1830).

И слушала мяуканье котовъ
По чердакамъ, свиданій знакъ не-
скромный (II, 161).

Евгеній Онегинъ гл. 9, вы-
пущенная строфа (1831).

Пора! перо покоя просить (III, 405).

Русалка сц. III (1833?).

А! полонъ дворъ охотниками (III, 471):

Бородинская годовщина (1831).

Могучій мститель злыхъ обидъ (II, 133).

Черновой отрывокъ Родословной
моего героя XII (1833?).

Идешь, куда тебя влекутъ

Мечтанья тайныя. Твой трудъ

Тебѣ награда (III, 556) ⁹¹⁾.

Пиръ во время чумы (1830).

Погибшаго, но милого созданья (III
232).

Изъ Анакреона. Ода LV
(1835).

Въ нихъ сіяетъ пламень томный —
Наслажденій знакъ нескромный (II,
170).

Къ женѣ (1836).

Пора, мой другъ, пора! покоя сердце
просить (II, 193).

---

91) Невѣроятно, чтобы этотъ отрывокъ былъ написанъ послѣ сонета *Поэту*: было полное основаніе къ тому, чтобы выраженную въ этомъ отрывкѣ мысль развить такъ, какъ мы ее находимъ въ сонетѣ, но трудно допустить, чтобы Пушкинъ, давъ ей такую полную и притомъ изящную форму, впоследствии воспользовался ею въ качествѣ сырого матеріала, въ которомъ оставлены отчасти выраженія болѣе обработанной редакціи. Отношеніе между стихами той-же строфы —

Передъ кумирами земными

Проходишь ты уныль и нѣмъ

и родственными имъ по мысли въ стихотвореніи *Поэтъ* (1827)

Къ ногамъ народнаго кумира

Не клонить гордой головы (II, 21)

— существенно различно.

«Нѣтъ, я не дорожку» (1832).

И разгорасься потомъ все болѣ, болѣ—
И дѣлишь наконецъ мой пламень по-
неволю (II, 136).

Русалка сц. IV (1833?).

Мысли въ немъ
Разсѣяны, какъ тучи послѣ бури (III,
474).

Сказка о мертвой царевнѣ
(1833).

И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать (520).

Странникъ IV (1834).

Какъ рабъ, замыслившій отчаянный
побѣгъ (II, 165).

Странникъ II (1834).

Но скорбь часъ отъ часу меня стѣ-
сняла болѣ—
И сердце наконецъ открылъ я поне-
волю (II, 164).

Безъ заглавія (1835).

Последняя туча разсѣянной бури (II,
178).

Сказка о золотомъ пѣтушкѣ
(1834).

Уложила отдыхать
На парчевую кровать (III, 533).

Къ женѣ (1836).

Давно, усталый рабъ, затѣялъ я по-
бѣгъ (II, 193).

Сходныя мѣста встрѣчаются иногда и въ одномъ и томъ-же произведеніи, чему вотъ нѣсколько примѣровъ сверхъ приведенныхъ выше:

Русланъ и Людмила.

Пись 3-я.

Воскликнулъ съ важностью сердитой
(II, 237).

Пись 4-я.

Восторгомъ витязь упоенный (245).

Тамъ-же.

Проснися—дорогъ мигъ утраты! (246).

Пись 5-я.

Въ молчаньѣ, съ карлой за сѣдломъ
(256).

Пись 4-я.

Сидѣли съ важностью угрюмой (266).

Тамъ-же.

упоенный
Восторгомъ пылкимъ и нѣмымъ (270).

Тамъ-же.

Народъ, восторгомъ упоенный (272).

Пись 5-я.

А самъ, боясь мгновенья траты (253).

Пись 6-я.

Запрыгавъ, съ карлой за сѣдломъ (270).

Тамъ-же.

Онъ рыщетъ, съ карлой за сѣдломъ
(272).

Тамъ-же.

Долина въ сихъ мѣстахъ таилась,
Уединенна и темна;
И тамъ, казалось, тишина
Съ начала міра водарилась (259).

Письм 6-я.

Долина чудная таится..
Кругомъ все тихо..
Чета духовъ, съ начала міра (269).

Кавказскій плтнникъ.

Часть 1-я.

«Вотъ Русскій!» хищникъ возопилъ (278).

Часть 2-я.

«О другъ мой!» Русскій возопилъ (295).

Цыганы.

Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ (347).
И подъ издранными шатрами (364—
эпизодъ).

Борисъ Годуновъ.

Сцена VIII.

Вѣсть важная! (III, 28).

Сцена IX.

мой долгъ тебѣ повѣдать
Вѣсть важную (32).

Сцена X.

По кровь за кровь! и горе Годунову! (39).

Сцена XIV.

Впередъ! и горе Годунову! (53).

Сцена XIV.

А если я твой дерзостный обманъ
Заранѣ предъ всѣми обнаружу? (51).

Сцена XVI.

И злой обманъ бродяги обнаружу (57).

Евгеній Онглинъ.

Глава 3-я IX.

Который намъ наводитъ сонъ (III, 284).

Глава 3-я XII.

Мораль на насъ наводитъ сонъ (III, 285).

Тамъ-же. Письмо Татьяны.

Души неопытной волнение (295).

Тамъ-же. Письмо Татьяны.

Обманъ неопытной души (296).

Тамъ-же XXXVIII.

Летить, летить; взглянуть назадъ
Не смѣть.

Глава 5-я XIII.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшный ускоряетъ шагъ.

Глава 4 XXV.

Красами Ольги молодой.

Глава 4 XXXI.

Въ альбомъ Ольги молодой.

Путешествіе I.

Альбомъ 7.

Всякъ суетится, лжетъ за двухъ (III, Зады твердитъ и лжетъ за двухъ (417).
406).

Тамъ-же II.

Путешествіе XII.

Стоитъ олень, склонивъ рога (406). И въ дрожкахъ волъ, рога склоня
(410)⁹²).

Въ этотъ списокъ завѣдомо не вошли явно умышленныя повторенія, какъ въ сказкахъ (напр. «О царѣ Салтанѣ» III, 426 дважды — 431 — 432 — 435 — 436 — 440—415—447 дважды — 448; 430—434—439—444; 430—439—444; 431—438—442; 431—440—445; 431—435—440—445; 433—438—442; 435—440—445; 436—441—445; 436—441—446; 437—438—441—446; 437—442; 439—444, 441—446; 442—443 дважды—446—448; 443—446) и въ «Мѣдномъ всадникѣ» (III, 565 — 566 = 570), не включена и значительная часть повтореній лексикологическихъ (какъ «нѣмой» или «молодой»⁹³) въ концѣ стиха, напр. Евгений Онѣгинъ 4 XXV—XXXI—7 V) и независимыхъ реченій (какъ «Что дѣлать?» Русланъ и Людмила п. 1=II, 210, Борисъ Годуновъ сд. VIII=

92) Сравни

Какъ серны, внизъ склонивъ рога

въ отрывкѣ изъ оды Державина къ графу Zubову, приведенномъ Пушкинымъ въ примѣчаніи 8 къ *Кавказскому Пльитику*:

93) или «младой», и послѣдняя форма, вѣроятно, чаще, потому что ею и словами *нѣмой*, *святой* и *простой*, да еще, пожалуй, *слѣтой* почти исчерпывается запасъ болѣе или менѣе широко примѣнимыхъ по смыслу ямбическихъ прилагательныхъ, употребленіе которыхъ весьма заманчиво въ виду легкости рифмы (особенно на *-ой*, *-омъ*, *-ымъ*). У Пушкина замѣчается преобладаніе первыхъ двухъ эпитетовъ, нѣкоторые поэты возлюбилы *святой*, — конечно, въ связи съ тономъ своихъ произведеній; недаромъ *нѣмой* правилось Пушкину въ юности. Къ словарю и риторикѣ относятся «И вотъ» (I, 133, 135, II, 19, 205 дважды, 229, 246, 259, 266, 294, 349, 357, III, 97, 136 и др.), «Но вотъ» (II, 224, 246, 247, 347, 348, III, 94 и др.), «И вдругъ» (II, 205, 214, 226, 227, 237, 252, 254, 255, 259, 262, 263, 273, 278, 284, 285, 361, III 100 и др.), «Но вдругъ» (II, 208, 255, III, 88 и др.), «И видить» или «И видять» (II, 236, 244, 259, 262, 268, 278, 279, 344, III, 88 и др.). О реченіи «вмигъ» будетъ сказано ниже.

III, 22, Сцена изъ Фауста 103, Полтава п. 3=140, Камснный гость сц. II=207, Евгений Онѣгинъ 3 XXVI). Впрочемъ и между перечисленными повтореніями есть такія, которыя будутъ признаны въ этомъ качествѣ только стихотворцами или, по крайней мѣрѣ, людьми, практически знакомыми съ техникой писанія стиховъ. Что касается употребленнаго выше выраженія «самоподражаніе», то, конечно, оно не можетъ быть примѣнено въ строгомъ смыслѣ слова ко всѣмъ приведеннымъ примѣрамъ: нѣкоторые изъ нихъ представляютъ собою скорѣе случаи бессознательнаго воспоминанія, путемъ котораго въ произведенія всякаго поэта входятъ элементы готовые — какъ свои, такъ и чужіе. Къ числу такихъ Reminiszenzen слѣдуетъ отнести прежде всего примѣры сходства формальнаго (звукового, грамматическаго, риторическаго и отчасти фразеологическаго), не состоящаго ни въ какой связи съ настроеніемъ.

Понятно, что, чѣмъ скорѣе кто-либо пишетъ, тѣмъ чаще употребляетъ привычныя сочетанія словъ и даже повторяетъ бывшія прежде въ его сознаніи мысли; потому въ заключительныхъ сценахъ «Русалки», если онѣ были написаны Пушкинымъ, мы должны ожидать повтореній всякаго рода. О важнѣйшихъ изъ нихъ будетъ сказано особо.

Но критики замѣчаютъ кое въ чемъ и разницу между старой и новой частями «Русалки», — разницу подозрительную, потому что она касается изображенія однихъ и тѣхъ же лицъ. Въ разсказѣ Русалочки, въ объясненіи Русалки съ княземъ, въ воспоминаніяхъ княгини о прежней любви князя находятъ грубость, которой нѣтъ въ первой части, а во второмъ разговорѣ княгини съ мамкой открываютъ иной тонъ, чѣмъ въ первомъ. Въ чемъ заключается эта разность тоновъ, критики не опредѣляютъ, что тѣмъ болѣе прискорбно, чѣмъ труднѣе выискать черты, отличающія мамку конца «Русалки» отъ мамки начала. Мы говоримъ здѣсь лишь о мамкѣ потому, что отличіе тона княгини въ концѣ отъ тона княгини въ началѣ состоитъ, по видимому, именно въ грубости. Объемъ понятія «грубость» до-

вольно широкъ; въ какомъ смыслѣ оно можетъ быть примѣнено къ указаннымъ мѣстамъ конца «Русалки»? Сравнивъ ихъ для разъясненія этого вопроса между собою, мы найдемъ чуть-ли не одну общую для всѣхъ черту: въ нихъ есть намеки на половыя отношенія. Русалочка, повторяя князю рассказы матери, говорить между прочимъ:

Какъ ночью сидѣли,
Забывшись, до позднихъ пѣтуховъ,
За мельницей... Еще про дубъ какой-то,
Гдѣ въ первый разъ ее ты приласкалъ (ср. VI, ст.
26—29)

и ниже:

Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся (39).

Русалка говорить князю:

Уста какъ жаръ пылали, ярче звѣздъ
Блестѣли очи, страстью зажигааясь, —
Когда любились мы (VII, 13—15).

Уста поблекли, жаждой поцѣлуетъ
Палящую, ревнивою томаясь (18 слѣд.).

За ночи, князь, съ разлучницей моей,
За ласки страстныя ея объятій! (25 слѣд.).

Княгиня говорить мамкѣ:

Не приголубить мнѣ, въ опочивальнѣ,
Сердечнаго на трепетной груди (IX, 11 слѣд.).

Если «грубость» находится именно въ этихъ мѣстахъ, то слѣдуетъ помнить, 1) что Русалочка въ пятой сценѣ не повторила рассказовъ матери, какъ въ шестой, а сама рассказывала объ алчности дѣда, спрашивала мать и ей отвѣчала; 2) что Русалка въ пятой сценѣ разговаривала съ своими младшими подружками и съ дочерью, а въ седьмой обращается къ своему быв-

шему возлюбленному; 3) что княгиня въ третьей сценѣ жалобой на свое безплодіе намекала (хоть и бессознательно) на тѣ-же отношенія, о которыхъ говорить въ девятой, но тамъ она не думала о ихъ прекращеніи, потому что не ожидала близкой смерти мужа, а здѣсь вслѣдствіе пророческаго сна ее посѣтила мысль о томъ, что этимъ отношеніямъ скоро придетъ конецъ. Вездѣ различіе понятное и не противорѣчащее характерамъ, очерченнымъ въ первой части. Впрочемъ о грубости въ смыслѣ какъ безнравственности, такъ и неприличія или дурного тона придется еще поговорить при разборѣ отдѣльныхъ мѣстъ послѣдней части «Русалки», къ которому теперь и приступимъ. Разумѣется, предметомъ его могутъ служить лишь мѣста спорныя или такія, которыя могутъ подать поводъ къ недоумѣніямъ.

